

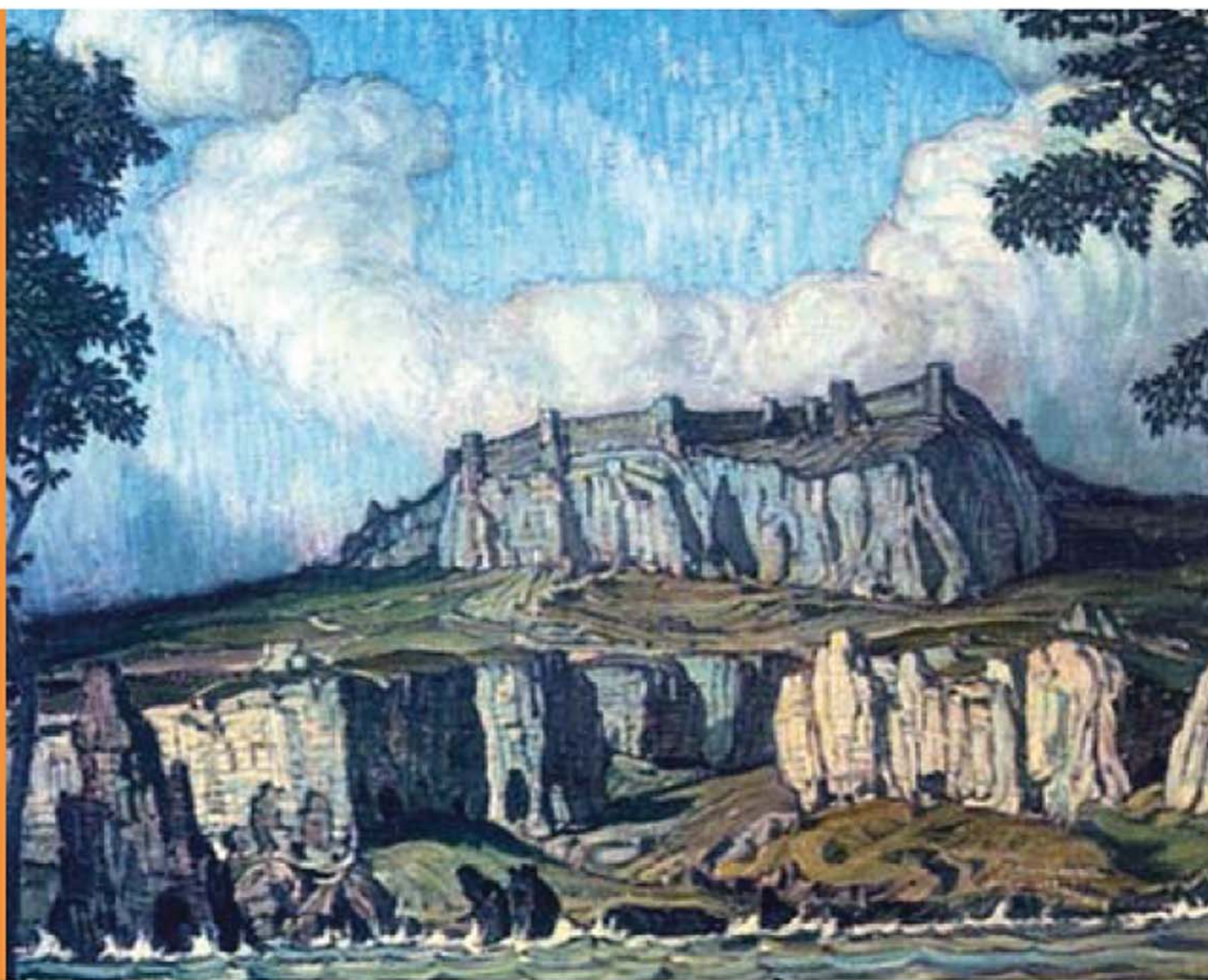
КУРГАН

Виктория Куренкова

КУРГАН

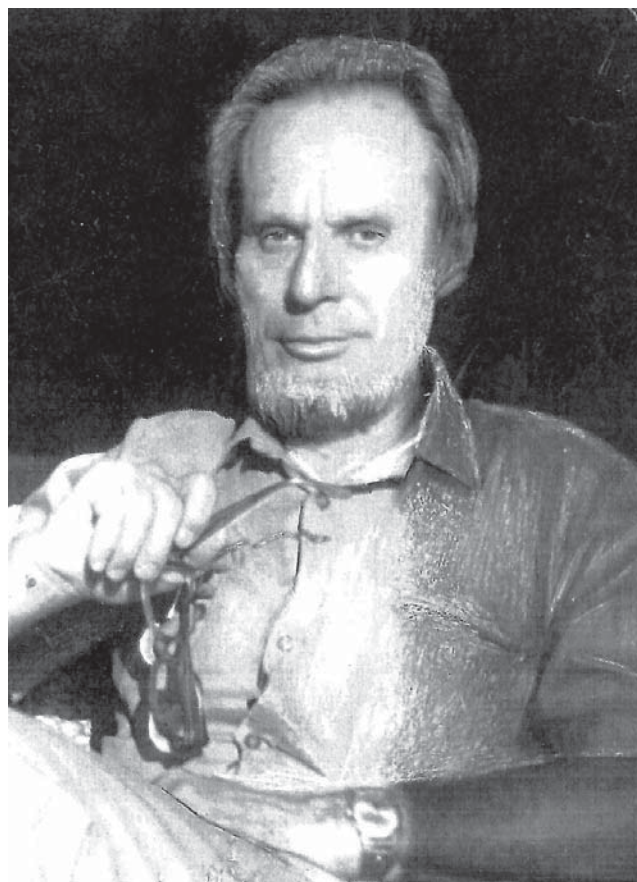
Археолог Щепинский в пространстве Крыма

Виктория Куренкова

Виктория Куренкова

КУРГАН

Аскольд Щепинский
1926-1997

Виктория Куренкова

КУРГАН

**Археолог Щепинский
в пространстве Крыма**

Книга Сефер
2020

Верстка и оформление Генеса Кабакова
Фотографии из свободного доступа и архива автора

Крым – удивительное место. Соединённый с материком узким перешейком – почти остров – он хранит следы древнейших на европейском континенте людей. Здесь звучат топонимы легендарных народов. Здесь переплелись людские потоки Античного Средиземноморья, Древнего Востока и Великой Степи. Здесь многоликое средневековье под сенью христианской Византии сменяется Золотой Ордой. В XVIII веке Крым становится частью Российской империи.

Археолог Аскольд Александрович Щепинский (1926-1997) всю жизнь посвятил исследованию Крыма. Он сделал около 800 открытий курганов, погребений, поселений, культовых памятников, в том числе научных открытий, заполнивших недостающие страницы древней истории. О неустанных поисках, ярких победах и неизбежных разочарованиях на пути учёного-археолога повествует эта книга.

В оформлении использована картина К. Ф. Богатевского «Берег моря».

ISBN 965-7288-50-5

© Виктория Куренкова, 2020

Содержание

Введение	7
Укус золотой змеи	9
Фуна	12
Учёные археологи	15
Стоянка	18
Обитатели палеолита	22
Галечная индустрия	29
Загадка неолита	34
Курган	38
Ямная культура	43
Кеми-обинцы	46
Стелы	55
Катакомбники	61
Срубники без срубов	66
Бог СКЭ	67
Железо	70
Киммерийцы	74
Тавры	80
Красные пещеры	89
Кизилкобинцы	91
Скифы	96

Греки	109
ПМ	116
Боспорский феномен	120
Поздние скифы	130
Неаполис	133
Трагическая история	138
Сарматы	153
Ногайчинский курган	163
Путеводитель	184
Гунны	191
Пещерные города	196
Княжество Феодоро	211
Кочевничество	214
Печенеги	222
Половцы	224
Щепинский	231

Поедем, я готов.
А. С. Пушкин

Летом 1968-го года я работала в археологической экспедиции А. А. Щепинского. Экспедиция исследовала трассу строительства Северо-Крымского канала, поэтому и называлась Северо-Крымской.

Будущий канал представлял из себя целую сеть больших и малых каналов. И прежде чем огромными мощными машинами разрывать землю, прокладывая в степи водную трассу, нужно было раскрыть и изучить все курганы, расположенные в зоне строительства. Таков был закон, думаю, совершенно правильный.

Курган – это не рельеф местности, не случайная возвышенность. Тогда это называлось бы холм. Курган насыпан людьми на месте захоронения. Курган – это сооружение, памятник, исторический объект. Если ещё более приблизиться к нашему пониманию, то курган – это кладбище.

Так как экспедиция Щепинского была связана со строительством, тут временами звучало: «сроки под-

жимают», «не успеваем до конца недели» и прочие индустриализмы. Канал довлел над нами, наступал нам на пятки. В то же время он был где-то вдали. Мы его не видели. Мы были совершенно одни в бескрайней степи.

Сам Аскольд Александрович, посмеиваясь, говорил о коллегах-археологах, коих в Крыму, понятно, было немало: «Они там, на Южном берегу, в лесу, в горах, в Херсонесе, аристократы. Живут у моря, ковыряются не спеша, в своё удовольствие. А мы тут труженики, чернорабочие. Солнце палит, планы, сроки, стройка за нами».

Северо-Крымская экспедиция и вправду была нелёгкой. Жили, бывало, в палатках, либо в каких-то колхозных бараках. Солнце нещадное, режим работы жёсткий, без поблажек. Аскольд Александрович не тиранил, но подгонял. Прохлаждаться не приходилось. К тому же в работе Щепинский был пунктуален и внимателен. Никогда не халтурил, ничего не делал «на скорую руку». И нам не позволял. Раскопки и обработка материала проводились размеренно, педантично, по всем правилам.

Курганы в степном Крыму было много. Крупных, высоких – единицы. А пологие, выветрившиеся, почти сглаженные – сплошь и рядом. Они стояли иногда треугольником, иногда цепочкой. Бывали и одиночные. Часто по ним шла пашня, колосились посевы. Собственно, по закону курганы распахивать было нельзя. Но какой тракторист станет обходить возвышенность, вычерчивая на поле зигзаги и параболы? Пологие, плоские курганы распахивали и засевали. Их просто «не замечали». Не обращали на них внимания.

Пока ехали по трассе или просёлками, Щепинский то и дело показывал: вон курганы, вон и вон. Некоторые из них можно было узнать только опытному глазу –

казалось, просто небольшое возвышение. Но Щепинский определял наверняка. И на ходу делал пометки в своём издавшем виды планшете. Конечно, имеется в виду кожаный воинский планшет. Сумка на длинном ремне. Скоро и я научилась видеть курганы: что-то подсказывало. Строгая конусность, что ли?

И тогда вдруг произошла аберрация моего сознания: мир предстал в объёме. Возникло новое измерение внутрь, вглубь, в толщу времени. Вот же была дорога, степь, поля, «просторы родины». И вдруг курганы. Подходи и отворяй калитку напрямик из «сейчас» в прошлое. Может быть, если бы они не маскировались под обыденное, стояли открыто как руины, как мегалиты, например, то и не было бы этого эффекта преобразования, соскальзывания пелены. Я, в общем-то, не склонна к эзотерике, но тут ничего не поделаешь, должна признаться: пелена соскальзывала, пространство расступалось вглубь времени.

Укус золотой змеи

Однажды мы проезжали по трассе где-то в Нижегородском районе. Метрах в пятистах от дороги виднелся запаханный курган, и из верхушки его торчала вывороченная каменная плита. Аскольд Александрович, бросив взгляд, поставил точный диагноз: трактор выворотил плиту из захоронения.

— Вот босяки, вот хулиганы — заворчал Щепинский и велел водителю остановиться. Вообще — то останавливаться у каждого кургана по ходу машины было невозможно, но тут «не вынесла душа поэта»: очевидно разрушенное погребение. Нужно было привести его

в порядок. Это означало открыть по правилам, зачистить, зарисовать, измерить, нанести на карту, разобрать. Представляю, что тракторист, поднявший плиту, сказал про себя: «вот неудача, на камень напоролся. Хорошо, если лемех не погнул, а то опять равнять придётся». Может быть, он даже остановился и посмотрел на то, что помешало его работе. Но захоронение не распознал. Сквозь плиты внутрь просыпалась земля и заполнила каменный гроб достаточно плотно. Сколько времени прошло с тех пор, было непонятно. Сейчас на поле ни вблизи, ни вдалеке никого не было. Наши рабочие лопатами начали обрабатывать захоронение. Осторожно, слой за слоем снимали землю. Положение лопаты буквально горизонтальное: нужно стараться ничего не потревожить, не нанести дополнительный ущерб. Аскольд Александрович внимательно наблюдал за работой и зарисовывал схему каменного перекрытия, вернее того, что от него осталось. Одна плита оказалась нетронутой, а вторая, вывернутая, торчала из земли косым углом. Затем плиты сняли. В неглубоком захоронении скоро показался костяк. В эту минуту даже самая осторожная работа лопатами прекращается. Начинается зачистка. Нож, щётка, совок. Все остальные отошли и сели на обочине, в тени грузовика. Ждали, когда я сделаю свою работу – зачищу костяк.

Возле черепа, рядом с нижней челюстью земля чуть позеленела. Несколько осторожных взмахов кисточкой, и обнажилось нечто невиданное мной до сих пор. Оно – это нечто – блестело, что было непривычно, нехарактерно для предмета, пролежавшего в земле тысячи лет. Оно легко обнажилось под кистью и само позволило взять себя в руки. Это было не по правилам, но нечто позволяло себя вынимать и вставлять на место, словно в ячейку футляра.

Я держала в руках золотую фигурку змеи размером с палец взрослого человека. Изогнутый кусок цельного золота был ощутимо тяжелым. Статуэтка была мастерски сработана. Выгравированная головка змеи, глаза, рот. Всё туловище от головы до хвоста покрыто резной чешуёй. Как могло оказаться столь искусное изделие в скромном захоронении степняка?

«Греки, торговля, обмен» – лаконично объяснил Щепинский. Он вертел в руках, рассматривал мою находку, улыбался своей загадочной улыбкой.

Заколка в виде дельфина из Ногайчинского кургана

«Местным ни слова» – предупредил он рабочих экспедиции. «Придут, всё раскурочат, живого места не оставят». Это правило я уже знала. «Много ли золотишка накопили?» – первый вопрос, который задавали жители окрестных сёл, приходя на раскопки полюбопытствовать.

Сколько раз впоследствии я убеждала своих учеников, что золото – не главная находка археолога. Что черепок керамического горшочка, подтверждающий научную гипотезу, может быть намного важнее золотых находок. Я видела, что ученики мне не очень-то верят. Золото вызывает страстный интерес. Вот и я рассказываю «во первых строках» о своей золотой находке.

Не золото определяет ценность археологической находки. Но сенсация нуждается в золоте. Звёздный час А. А. Щепинского наступил с открытием в 1974-м году Ногайчинского кургана. Неразграбленное погребение сарматской царицы важно своим историческим содержанием. Оно вызвало научную полемику. Последнее слово было сказано через десятки лет. Но главным обстоятельством, выдвинувшим раскопки Ногайчинского кургана в заголовки мировых СМИ, явилось количество (2,5 кг) и качество найденного золота. Но об этом позже.

Я же определённо была укушена отрытой змейкой. Яд бродяжничества и неутолимого любопытства проник в моё сердце. Чувствую, действует до сих пор.

Фуна

Археология подцепила меня на крючок во время обязательной для студентов-историков археологической практики. После окончания первого курса нас отправили раскапывать средневековую крепость Фуна в предгорьях Демерджи. Раскопки проводились у подножья величественной и какой-то завершённой горы с её невероятной красоты фантастической Долиной Привидений. Мы работали прямо под обвалом нагромождённых землетрясением циклопических глыб. Руководитель экспедиции, Ольга Александровна Махнёва, рассказывала нам, что Фуна стоит в ряду крепостей. В средние века при приближении противника на вершине главной башни Чатыр-Дагской крепости разводили сигнальный костёр. Его видели на Фуне и разводили свой костёр, который подавал сигнал дальше, в кре-

пость Алустон. Картина горящих на вершинах крепостей сигнальных костров возбуждала воображение.

Я зачищала стены крошечной, примерно два на полтора метра площадью кладбищенской церквушки. Стены поднимались над землёй сантиметров на пятнадцать, а кое-где и вовсе кладки не оставалось. Но даже этих остатков было достаточно, чтобы, выделив, проследить периметр строения: вход, стены, апсиду против входа. Помню, как меня удивлял кукольный размер сооружения. Сколько человек могли войти в эту церковь? Один? Два? Зачем?

Через пять лет, в 1971 году, эту церквушку описали К. К. Когонашвили и О. А. Махнёва – руководители нашей археологической практики – в научно-популярном очерке «Алустон и Фуна»:

«В центре могильника, напротив крепости, находилась небольшая кладбищенская церковь, настолько миниатюрная по своим размерам, что скорее походила на часовню. Длина ее всего 4,6, а ширина 3,2 м. Алтарная абсида была полукруглой с четко выведенными «плечами», т. е. продолженными в обе стороны от нее частями восточной стены. Как и крепостной храм, кладбищенская церковь представляла собой одностолпную базилику».

Потрясение я испытала, когда приступила к обработке этой самой апсиды. Никто ни о чём не предупреждал меня. Никто и не ожидал ничего особенного. Камни и камни. Скреби себе осторожненько ножичком, мети метёлочкой, выделяй первичную форму. И вдруг перед моими глазами возник цвет. Яркий, густой, интенсивный. Роспись. Орнамент: желтые завитки на бордовом фоне.

Размер сохранившегося фрагмента фрески был небольшим, чуть больше квадратного дециметра. А я

просто задохнулась от восторга! Великолепие цвета ударило в глаза. Живое послание из полу тысячелетней давности.

Из каких впечатлений детства, юности складывается личность? Что из случайно увиденного, услышанного часто обрывочного, мимолётного врежется в память, чтобы проложить борозду навсегда, прочертить вектор, повлиять на предпочтения, сформировать логику поступков и, в конечном итоге, предопределить судьбу?

В следующее лето я уже сама искала археологическую группу. О южнобережных и херсонесских нечего было и думать. Там были «все свои». Как-то упомянула дома в разговоре, и, оказалось, моя тётушка, вовсе даже учительница физики, знала шапочно жену археолога Щепинского. А я даже и не слышала о таком. Я сказала: «Ой, пожалуйста!» – и в понедельник рано утром уже тряслась в открытом кузове полуторки в направлении противоположном морю, Южному берегу, субтропической роскоши. Куда-то на север Крыма, в степь. Устроиться в экспедицию оказалось несложно. Желающих ехать в степь, под палящее солнце было немного. Да и платили гроши. Но это меня уж совсем тогда не интересовало.

С того самого утра любое воспоминание о раскопках, о тряских переездах, жёстких ночёвках в палатке, о полуденном зное, о спокойных разговорах у вечернего костра, об одуряющих ароматах степных трав, о пыльных ветрах, о пронзительном звоне цикад, о тяжёлой, зачастую до седьмого пота, но упоительно интересной работе, об ожидаемых и неожиданных открытиях – с тех пор любое воспоминание об этом ощущается мной, как счастье.

Учёные археологи

Специалистов – руководителей в Северо-Крымской экспедиции было двое: Аскольд Александрович Щепинский и Елена Николаевна Черепанова – научный сотрудник Крымского краеведческого музея. Кроме них работали в экспедиции несколько незапомнившихся подростков 16-17 лет. Кто представляет себе археологические раскопки как непрерывную романтику – ошибается. «Северо-Крымская» была нацелена на работу.

Правда, поэзия у вечернего костра и песни под гитару у нас случались, когда в поле выезжал преподаватель литературы Крымского культпросветучилища Игорь Ушатый со своими студентами. Он был другом Щепинского, блестящим знатоком литературы, человеком, увлечённым историей и археологией Крыма. Несколько раз выезжал на раскопки его любимый студент Ваня Ковальчук. Тоже любопытный, жадный на впечатления. Впоследствии он стал моим мужем. Но в экспедиции мы с ним не встретились. Выяснили позже, что ходили одними тропами.

Аскольд Александрович некрупный, сухопарый, жилистый, загорелый, подвижный, какой-то весь пружинистый. Их с Еленой Николаевной Черепановой отношения были приятными, деловыми. Они спокойно, тихими голосами обсуждали находки, иногда так же спокойно полемизировали. Я видела, что конечное слово принадлежало Щепинскому. Черепанова прислушивалась к его мнению, относилась к Щепинскому почтительно. Думаю, что эти паритетные, приятные отношения позволили им выпустить совместно несколько значительных научных и науч-

но-популярных трудов. Совсем недавно я узнала, что Щепинского и Черепанову связывали и более близкие отношения.

Деловая, ироничная Елена Николаевна казалась мне совсем взрослой женщиной. Было ей тогда чуть за 30. А в 37 она скоропостижно умерла от рака груди. Предполагали, что это случилось от надавливания на грудь черенка лопаты. Я, честно говоря, не видела, чтобы она копала лопатой, хотя, конечно, могла...

Елена Черепанова на раскопках
Северо-Крымской экспедиции 1963 г.
Из фондов Центрального музея Тавриды

Мне рассказывали, что Аскольд Александрович страшно горевал по Елене Николаевне. Говорил, что не хочет жить...

Читая о Черепановой, а ещё более, читая написан-

ные ею со Щепинским книги, я поняла, как она была талантлива, каким многообещающим учёным она была. Не успев создать семью, Елена Николаевна много и продуктивно работала научным сотрудником Крымского краеведческого музея, руководителем нескольких археологических экспедиций.

Я перечитываю книги по истории и археологии Крыма, написанные ей в соавторстве со Щепинским, и мне слышится её интонация:

«Наша экспедиция отправляется к северу, в безводные, сухие, выжженные солнцем и запорошенные пылью степи, в Присивашье, на археологической карте которого до сих пор ещё сохраняются белые пятна. Кругом – степь, желтеющие поля, солонцы, зной, да ещё миражи в раскалённом воздухе. Редкие пропитанные пылью и заросшие бурьяном лесополосы и одинокие кусты... Трудна жизнь археолога в степи! Трудна, но интересна. Ведь каждый день разведок, каждый час раскопок приоткрывает новые и новые страницы далёкого прошлого. Разрезы курганов, многовековые слои земли на стоянках повествуют о людях далёких от нас эпох. Отдельные строки слагаются в страницы и главы великой книги о Человеке.

Старые вещи и кости, пласты земли, камни и обломки древней посуды могут говорить. Нужно только хотеть и уметь их слушать. У археологов есть такое умение. В его основе лежит большая любовь и внимательность к обычным, казалось бы, совсем незаметным вещам и находкам, к любым археологическим памятникам, ко всему тому, на чём лежит печать прошлого».

Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Стоянка

Моя работа началась не на кургане, а на стоянке.

Первоначально все археологические объекты делятся на поселения и погребения. Ну, правда, что ещё? Всё очевидно. При этом многие научные статьи археологов читаются как исследования по высшей математике. Особенно, если речь идёт о палеолите – эпохе камня и времени первых металлов. Помимо поселений есть ещё святилища, горные разработки, мастерские, древние системы орошения, участки земледелия и т. д. Но исходная классификация – поселения и погребения.

Курганы, понятно, места погребения, появились в «меднокаменную эпоху» – энеолит, 5 тысяч лет назад. Одновременно, между прочим, с египетскими пирамидами. Даже раньше. Огромное временно́е пространство до этого захоронения производились в грунте, в небольшом отдалении от места, где люди жили, а иногда и на самой их стоянке. В Крыму следы пребывания первобытных людей обнаруживали в пещерах и на открытых местах.

В первый же мой день началось поразительное, вдохновляющее, то, что искала, за чем приехала. Обработывая край территории стоянки, рабочий обнажил кость, маленький кусочек скелета, продолжающийся в обе стороны под грунтом, и меня отрядили на зачистку, то есть на расчистку обнаруженного захоронения. Я не была опытным археологом – совсем наоборот. Но об этом меня никто не спрашивал. Приехала – работай. Глаза боятся, руки делают. По ходу дела мне приходилось соображать, как правильно работать. Тогда же я поняла раз и навсегда, что нужно воссоздать картину. Это никоим образом не научный термин, а мой, инту-

итивный. Необходимо не сдвинув, не нарушив положения костей обнажить первоначальную, подлинную картину захоронения.

«Мой первый» был трудным, ветхим, старым. Он покоился на боку, поджав коленки и, как бы сложив под щекой обе руки, в позе спящего человека. Спокойно спящего 4,5 – 5 тысяч лет. Такая поза – проявление погребального обряда. Впечатление для неопита ошеломляющее. Порождает раздумья философские и даже поэтические. Смерть сродни вечному сну. Похоронить – упокоить в удобной позе. Возвратить в лоно земли, словно в лоно матери. «После» так же как «до». Между этим жизнь. А вы говорите – археология... Поэзия!

Зачищенный костяк

Из книги А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова
«Северное Присивашье»

Следует заметить, что иногда в захоронениях эпохи камня на руках и ногах погребённого присутствуют следы связывания. Либо на грудь и на ноги наложены тяжёлые камни. Чтоб не выбрался? Не настиг? Значит, появился страх перед близким, прекратившим земное существование. Испугало непонимание: вот он здесь, а вот уже не здесь. А где?

Всю жизнь я владела этим опытом и только, переехав в Израиль, я узнала, что ультраортодоксальные евреи – противники археологии. Они проводят акции протеста с требованием прекратить раскопки древних захоронений, не тревожить останки умерших. Честно сказать? Я задумалась...

Итак, костяк должен быть бережно зачищен, не нарушен. Попытка сколь возможно полно сохранить его не такое уж простое дело. Впоследствии я не раз сталкивалась с тем, что костяки могут быть очень древними, очень ветхими, либо разрушенными микроклиматом. Бывает, кость распадается не только от ножа или скальпеля, но и от прикосновения нежнейшей кисточки. Но всё-таки картину воссоздать нужно.

Расположение погребения: север-юг, запад-восток – важный определитель. Поза погребённого: положение рук, ног, головы указывают на обряд, и также служит идентификации. Как чрезвычайно важно положение и неприкосновенность любого предмета в захоронение. Как важны границы захоронения, абрис самой ямы, выкопанной для исполнения обряда.

Потом, когда картина уже воссоздана, её, фотографируют, зарисовывают, тщательно замеряют, описывают и только после этого осторожно разбирают: под костяком могут находиться другие артефакты. И это не всё. Череп и часть костей осторожно пакуют и направляют на лабораторный анализ столь подробный, сколь важные вопросы встают у учёных в связи с данным захоронением.

Изумительные находки в первый день моей работы продолжились. Возле склонённого к левой ключице черепа, в углублении у челюсти обнаружился почти не растрескавшийся, плотно забитый слежавшейся землёй керамический горшочек. Позже, осторожно

вычищенный, вымытый и склеенный он предстал в своей многовековой красе. Серо жёлтый, лепной – конечно, лепной, гончарный круг здесь появится через три тысячи лет, объёмом и формой – кисть небольшой руки с приспособленными вверх пальцами. Наверное, так и лепили, держа в ладони. На верхней его части, под слабо выделенным венчиком обнаружились три нашлёпки, размером с крупные горошины. Щепинский сказал, что это символ женской груди – кормилицы. Помню, объяснение немного озадачило: почему же три? Неужели древние люди были столь ненаблюдательны?

Но самыми поразительными стали несколько изогнутых бороздок на теле керамического горшочка – явственный отпечаток человеческого пальца. Можете себе представить: рука мастера пяти тысячелетней давности. Можно сказать, автограф!

Внимательно, детально рассматривая керамические горшочки или черепки во время их вульгарного отмывания от «пыли веков», я находила много дивного. Учёные считают, что в первобытном обществе отсутствовали категории эстетики. Только магия, ритуалы, договоры с тонким миром. Нашлёпки в виде женской груди нужны – это понятно. Это заклинание. Опоясывающий орнамент тоже: собирает, оберегает... И всё же ряды точек, проколов, линеечек: что они означают? А всего трогательнее полосочка, оттиск, выдавленный травинкой по сырой глине и оставшийся на обожжённом в костре или высушенном на солнце изделии навеки. Надо же придумать! Травинкой выдавливать оттиск. Что за импульс? Творчество. Кстати, археологи находили немало отпечатков пальцев на лепных сосудах. Исследователи сделали вывод, что изготовление сосудов было, в основном, женское занятие.

Обитатели палеолита

Одна из самых древних и знаменитых стоянок в Крыму и во всей Европе – Киик-Коба – «дикая пещера» в переводе с крымско-татарского датировалась эпохой палеолита, древнекаменного века. Она была открыта в 1924-25 годах русским археологом, антропологом, палеолитоведом Глебом Анатольевичем Бонч-Осмоловским. Открытие пещеры стало сенсацией для учёных тех лет, так как считалось, что 100 000 лет назад, а этим временем датируются ранние артефакты, найденные в гроте, был ледниковый период и человека на территории Крыма и юга Европы быть не могло.

В 60-е годы XX века, когда Щепинский и Черепанова писали книгу «Там, где пройдёт Северо-Крымский», сомнений в присутствии человека на широтах Крыма 100 000 лет назад уже не было. В книге этому посвящён живописный фрагмент:

«Сурова и неприветлива была природа Крымского полуострова 50-100 тысяч лет тому назад, когда здесь впервые появился человек. Это было время великого оледенения Европы. С севера сплошным массивом, толщиной до 1-2 км двигались ледники. В течение тысячелетий они то несколько отходили к северу, то опять продвигались на юг. Отдельные из них доходили до районов нынешнего Днепропетровска. Климат был непостоянный. По окраинам ледников тянулись пустынные, лишённые растительности пространства. На вершинах Крымских гор лежал, по-видимому, никогда не таявший снег; некоторые учёные даже считают, что и здесь были ледники.

В эту неприветливую эпоху небольшие орды первобытных охотников находили убежища под на-

весами скал и гротов в южных обрывах второй гряды Крымских гор».

Пещера Киик-Коба находится в 25 км от Симферополя в долине реки Зуи, точнее на высоте 90 метров над рекой, в отрогах второй гряды Крымских гор. Вход в неё естественно замаскирован лесной порослью и валунами.

Вход в пещеру Киик-Коба

Культурный слой – толща земли, в которой находятся останки живших и съеденных, остатки предметов, и прочие следы жизнедеятельности людей составляет в пещере 2,3 метра. Бонч-Осмоловский выделил в нём 7 археологических слоёв. Это много. Это значит, что Киик-Коба служила местом укрытия человека вплоть до нашей эры. В пещере найдено более 600 примитивных каменных орудий труда, а также кости вымерших животных: пещерного медведя, сайгака, мамонта. Зольные следы костров в пещере не толсты – люди, жившие в ней, уже умели разводить огонь, и не было необходимости его поддерживать. 100 000 лет назад в пещере Киик-Коба жили неандертальцы.

Самой исторически значимой находкой в Киик-Ко-

бе стал неполный скелет женщины и в метре от неё скелет годовалого ребёнка. Женщина и ребёнок были погребены в специально вырытых для этого ямах. Ямы – главный аргумент. Очевиден факт захоронения. Появление обряда. Люди вошли в более высокую стадию отделения жизни от смерти. То есть древние люди уже не оставили своего умершего в том месте, где его настигла смерть. И не случайно нанесенные со временем слои земли скрыли его, а была выкопана специальная яма. Это принципиально. Это отсутствует в животном мире и возникает только у человека. Поэтому археолог должен обнаружить, проследить и очертить края этой зачастую совсем неглубокой, иногда сохранившейся лишь частично, как в Киик-Кобе, выбитой в скальном грунте, ямы.

Многие помнят выразительную схему в интересном, внятном учебнике История древнего мира В. П. Коровкина. В 50-е годы я сама училась по этому учебнику. Через полтора десятка лет учила по нему пятиклассников. На схеме показана человекообразная обезьяна, которая совершенствуясь, естественно, в процессе труда проходит определённые стадии развития и превращается в кроманьонского человека, венец творения, коим являемся мы с вами.

Кстати, хочу вступить за первого в этой цепочке, за питекантропа. Само это слово означает «обезьяночеловек», что неправильно и несправедливо. Питекантроп – это уже вполне человек и название, связывающее его с приматами, инерционно. Современные учёные выводят питекантропа из сферы животного мира.

Неандертальцы были предпоследней промежуточной стадией на пути к современному человеку. Помню, на уроке рассказывала, как в процессе жизнедеятельности у неандертальцев увеличивается объём мозга, и лоб из узкого, покатого становится высоким,

«умным». (Это неверно: объём мозга у неандертальцев не меньше, чем у кроманьонцев, только он вытянут назад к затылку). Ещё я говорила, что на подбородочном выступе крепятся мышцы языка и с развитием речи у человека эти мышцы становятся мощнее и увеличиваются. Увеличивается и кость, на которой они укреплены. Подбородок из скошенного становится выступающим, таким, как у нас с вами.

Интересно, из каких учебных пособий или лекций я почерпнула эти данные? Может, сама придумала? Говорила я убеждённо, эмоционально. Сопровождала рассказ рисунками на доске. И я, и дети были в восторге от непреложной логики, стройности и красоты теории!

Через несколько десятков лет я узнаю, что всё это наше с Коровкиным В. П. заблуждение, а неандертальцы – альтернативная и тупиковая ветвь в развитии человечества. Что кроманьонцы и неандертальцы тысячи лет сосуществовали параллельно и преимущественно питались друг другом. В итоге, кроманьонцы оказались более ловкими. Извиниться перед учениками у меня уже не было возможности. И хорошо.

Потому что ещё через какое-то время появляются данные, что всё-таки – да! – все мы немножечко неандертальцы. Генетические исследования позволили сделать вывод о том, что неандертальцы не только поедали кроманьонцев, но и скрещивались с ними. А в 2010 году прочтение ядерного генома обнаружило совпадения с неандертальцами у всех ныне живущих народов. Менее всего у африканцев.

Сам Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский в докладе Института материальной истории и культуры пишет:

«С первого взгляда наиболее вероятное объяснение своеобразных особенностей кисти киик-кобинца

заклучалось бы в том, что и он и неандертальцы являются особо специализированной, зашедшей в тупик и вымершей боковой ветвью человечества».

Вот так. Почти на столетие опередил вывод, сделанный впоследствии с применением высоких технологий. Вообще яркий был человек. Биография замечательная. За неандертальцев и пострадал: его-то отправили в экспедицию в Крым, чтобы он нашёл кроманьонского человека, который уже был «открыт» в Европе, во Франции, в гроте Кро-Маньон. Кроманьонский человек имел современный, европеоидный облик, достаточно совершенные орудия труда и наскальную живопись. Его останки датировались 40 тысячами лет. А в стране только что победившей социалистической революции находили только неандертальцев. Получалось, что «они», там, в Европе сформировались из развитых, красивых кроманьонцев, а мы тут, в Советской России из грубых, неуклюжих неандертальцев. Бонч-Осмоловскому было предписано найти в Крыму кроманьонского человека либо, на худой конец, промежуточное между неандертальцем и кроманьонцем звено. А он открывает Киик-Кобу, где опять неандертальцы! Недовольство учёным зреет почти 10 лет и в 1934-м году он приговорён и сослан в воркутинские лагеря.

Дабы не оставлять эту историю незавершённой сообщу, что в 1936-м году в Крыму, в гроте Мурзак-Коба археологи раскопали парное погребение мужчины и женщины, принадлежащее кроманьонцам. Может быть в связи с этим, а, может быть, потому, что «внёс ряд новшеств в практику углеразведки» (W) в 1936-м году Бонч-Осмоловский был освобождён из лагеря. Он умер в 1943-м году, 52-х лет от роду.

* * *

Чем больше учёные углублялись в исследование Крыма в прямом и временном смысле, тем более древнее население они обнаруживали. В ретроспективе это выглядит так:

В 1879-80 годах Константин Мережковский, старший брат известного писателя, будучи студентом Петербургского университета, увлекся археологией и обследовал 34 крымские пещеры. В 9-ти из них он обнаружил следы стоянок времён палеолита. Самым значительным его открытием явилась пещера Волчий грот в 12 км к востоку от Симферополя – первая в России палеолитическая стоянка примерно 50-40 тысячелетней давности.

В 1924-25 годах Бонч-Осмоловский открыл Кик-Кобу с артефактами, датированными 100 тысячами лет, эпохой палеолита, которая называется мустье. Помните, «Там, где пройдёт Северо-Крымский»: «Сурова и неприветлива была природа Крымского полуострова 50 – 100 тысяч лет тому назад, когда здесь впервые появился человек».

«Гораздо позже, в 1970-х гг., выводы Г.А. Бонч-Осмоловского относительно древнейших стоянок на крымской земле, в целом, подтвердили исследования А. А. Щепинского».

В. Е. Возгрин. «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма».

В 1976-77 годах Аскольд Александрович Щепинский отодвинул дату заселения Крыма человеком в ашель (эпоху палеолита 700 – 100 тысяч лет назад). Он производил раскопки между Главной и Средней грядой Крымских гор, на тёплых солнечных склонах, в долинах рек с чудными названиями: Бурульча, Бодрак, Бельбек,

Альма, Биюк-Карасу, Кучук-Карасу, Индол. Эти места изобиловали залежами кремня, что для древних людей было чрезвычайно важно: кремень хорошо поддавался обработке. Щепинский обнаружил 15 пунктов со скоплением орудий труда и предметов, которые можно было датировать примерно 300 тысячами лет. Климат в это время был тёплый, мягкий с богатой флорой и фауной. Период носит говорящее название межледникового. Здесь были найдены обработанные с двух сторон 15-20-ти сантиметровые ручные рубила.

В разделе «История», написанном Щепинским совместно с К. К. Когонашвили и Л. И. Волошиновым для путеводителя «Крым» в 1982 году Аскольд Александрович пишет:

«До последнего времени считалось, что древнейший в Крыму человек жил около 100 тыс. лет назад. Не исключено, однако, что южные области нашей страны и Крым в частности входили в прародину человечества. В связи с этим особый интерес приобретают находки из предгорий северо-восточной части полуострова, где в междуречье Биюк-Карасу и Восточного Булганака найдены примитивные каменные орудия, характерные для древнейших нижнепалеолитических стоянок мира. С большей уверенностью можно говорить об охотничьих стойбищах, относящихся к ашельской культуре. Ее носители — питекантропы, или ранние неандертальцы, жили на земле не менее чем 300-250 тыс. лет назад и вели бродячий образ жизни, характерный для первобытного стада. Но хорошо изучены пока лишь культуры конечной поры раннего палеолита — эпохи мустье (от 100-80 до 40 тыс. лет назад).

В течение последних десятилетий ученые установили, что неандертальский человек эпохи мустье

жил в Крыму не только в гротах-пещерах горных районов полуострова, но и на открытых местах, причем повсеместно: в Присивашье, в равнинной части, на Южном берегу. Судя по находкам, основными объектами охоты неандертальцев — ближайших предшественников человека современного физического облика — были такие животные, как мамонт, олень, пещерный медведь, пещерный лев, шерстистый носорог и т. д. Охота дополнялась собирательством. Неандертальцы пользовались кремневыми орудиями (остроконечниками, скреблами, ножами и т. д.), умели добывать огонь. К этому времени относится зарождение религиозных верований, зачатков родоплеменной организации первобытнообщинного строя и начало формирования человека современного физического облика».

Галечная индустрия

Более десяти лет, с 1976 по 1987 годы «раздумий, сомнений, дискуссий, тщательного изучения местонахождений, поисков аналогий» потребовались Аскольду Щепинскому, чтобы поставить вопрос о наличии в Крыму до того неизвестных памятников — стоянок с галечными орудиями. Галечные орудия, или иначе, галечная индустрия носит своё название от слова «галька» — морские камешки. В период раннего палеолита в пределах 1-2 миллионов лет назад наши наидревнейшие предки питекантропы делали из гальки наипервейшие, ещё более ранние, чем ручные рубила, орудия труда. Они подбирали у моря округлую гальку длиной 8-10 сантиметров, сбивали, скалывали край камня, а

другой край, «пяточный», оставался необработанным для удобства держать его в руке. Это было революционным преобразованием на пути технического прогресса. Но это же отодвигало время появления первых людей на территории Восточной Европы и Крыма более чем на 1 миллион лет! Неслыханно!

Событие, которое было, по сути, сенсацией мирового уровня осталось неприметным, как бы незначительным. Хотя сам Аскольд Александрович сражался отважно. Он писал:

«В свете этих крамольных (как, несомненно, скажут наши противники) намеков уместно вспомнить не менее «бездоказательные», но смелые гипотезы некоторых известных советских исследователей. Так, еще в 1952 г. крупнейший антрополог нашей страны Г. Ф. Дебец писал: местность к югу от нынешнего Крыма, впоследствии опустившаяся под уровень Черного моря, возможно, была одним из тех районов, где на протяжении сотен тысяч лет формировалось человеческое общество».

Я читаю книгу «Эчки-Даг», изданную в 1990 году. Она написана археологом А. А. Щепинским, географом А. А. Клюкиным и биологом В. В. Корженевским и скромно именуется «Путеводитель». Думаю, этот труд в части геологии, флоры и фауны, истории и археологии можно отнести в разряд научных публикаций.

В разделе «По следам первобытного человека» Щепинский пишет:

«...Гальки, собранные на берегу и на высоких балочных террасах, отличаются по цвету и плотности патины. В первом случае гальки яркие, свежоотшлифованные, патина отсутствует: во втором — тусклые, с плотной патиной, покрытые лишайником. А это верный показатель глубокой древности. Кроме

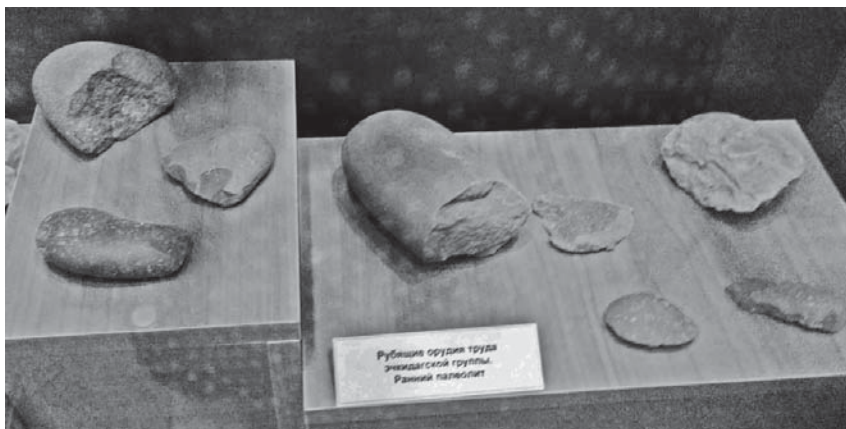
того, и это главное, специальные исследования показали: все разбитые гальки, а их большинство, имеют искусственные сколы. Последние расположены не случайно, а, как правило, на одном конце гальки, явно заостряя ее окатанную тупую грань. Эти признаки искусственной обработки позволяют относить их к очень примитивным орудиям труда, так называемым чопперам и чоппингам...

Больше того, рядом с подобными галечными орудиями, как правило, находятся и отходы от их производства: сколотые с галек отщепы, обломки, чешуйки. Встречаются и неудачно разбитые и забракованные гальки. Облик обнаруженных отщепов характерен для древнекаменного века. Природа подобные «камни» создает исключительно редко, и их безошибочно можно отличить от искусственных...

Итак, древнейший и, несомненно, наиболее интересный культурно-исторический пласт Эчки-Дага составляют стоянки, которые по аналогии с известными отечественными и зарубежными памятниками принято относить к стоянкам «галечных орудий». В Крыму памятники этого рода ранее известны не были, а, следовательно, и не выделялись в самостоятельное историческое явление. Возможно, они отражают наиболее раннюю ступень в становлении человечества не только в Крыму, но и на территории всего юга европейской территории СССР».

Открытие Щепинского не потеряло острой актуальности. Оно было оценено по достоинству почти полвека спустя, совсем недавно.

Изучение палеолита – древнего камня – как его называют учёные, продвинулось в последние годы невероятно. Сейчас следы первобытных людей в Африке датируются тремя миллионами лет. А в 1991 году в Грузии, на

Орудия труда из гальки. Центральный музей Тавриды

стоянке Дманиси было найдено несколько черепов «возрастом» около двух миллионов лет – самые древние в Европе. Этим дата переселения человека из Африки в Евразию отодвинулась на сотни тысяч лет. С частями скелетов людей были найдены кости животных и каменные орудия. Так называемая олдованская каменная индустрия.

Уже в XXI веке в горном Дагестане и на Таманском полуострове были открыты памятники олдованской (галечной – W) каменной индустрии, сопоставимые своей древностью с Дманиси.

Далее я передаю микрофон научному сотруднику Отдела каменного века Института археологии РАН (Москва), кандидату исторических наук Константину Гаврилову.

«А что же Крым? Вроде бы близко всё: и Таманский полуостров вот тут, через Керченский пролив. Логично предположить, что памятники, относящиеся к такой древности, должны располагаться и здесь.

И, действительно, такие предположения делались ещё в советское время. Щепинский в своё время даже опубликовал статью в «Кратких сообщениях института археологии», где привёл находки, сделан-

ные им на южном берегу Крыма, в нескольких местах. Эти каменные изделия, как сейчас мы можем судить, по своим особенностям попадают под характеристики олдованских (галечных – W) индустрий.

Тогда эти материалы не использовались Щепинским. Естественно, это было бы слишком смело с его стороны. Даже за эту публикацию, насколько я понимаю, его тоже не особенно похвалили. Потому что это считалось невозможным вообще, в принципе, на территории Советского Союза. Нахождение стоянок такой древности. Как мы понимаем теперь – он был прав. И, в частности, опять начавшиеся раскопки, здесь, на Южном берегу, привели к обнаружению предметов большой древности. Я надеюсь, они будут продолжаться и приведут к открытию столь же значимых памятников, как в Дагестане и на Таманском полуострове.

Но приоритет у крымчанина Щепинского остается и, я думаю, навсегда останется в истории науки».

Из лекции «Пещерные» люди:
палеолит Восточной Европы и Крыма.
«Открытая археология», 3 ноября 2019.

* * *

Разнообразие Крыма рождает разнообразие тем, встающих перед учёными – археологами. Исследуя хребет Эчки-Даг – восточную часть Крымских гор, ниспадающую к юго-восточному побережью, Аскольд Александрович Щепинский обнаружил на террасах скопления раковин морских моллюсков вперемежку с обломками лепной посуды и кремневыми орудиями. Это были так называемые «раковинные кучи», известные во многих приморских районах мира и оставлен-

ные, судя по сопровождающему материалу, людьми энеолита, меднокаменного века.

«Для энеолитического населения юго-восточного Крыма наиболее характерны так называемые стоянки «раковинных куч». Последние, как правило, располагаются на поверхности террас в 50-200 м от берега и на высоте до 30 м над уровнем моря. В таких местах можно наблюдать небольшой культурный слой, насыщенный створками устриц и мидий. Реже встречаются обломки тонкостенных лепных сосудов, кремневые скребки, ножевидные пластинки, наконечники стрел. В некоторых местах заметны заполненные древесной золой и углями очажные ямы. Все это дает основание отнести памятники к временным стойбищам собирателей морских прибрежных организмов. Некоторые стойбища использовались человеком на протяжении многих десятилетий».

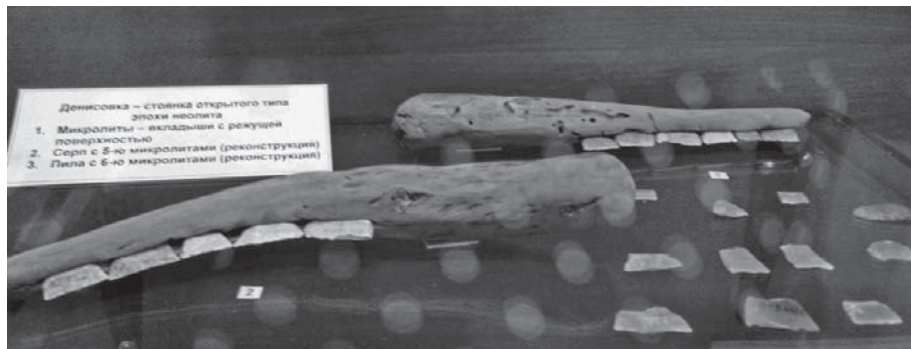
Клюкин А. А., Корженевский В. В., Щепинский А. А.
«Эчки-Даг: путеводитель».

Люди Южного берега и прибрежной полосы, чьи занятия дополнялись прибрежным морским промыслом – это ещё одна страница жизни древнейших обитателей полуострова.

Загадка неолита

12 тысяч лет назад палеолит, «древний камень», сменяется мезолитом – среднекаменным веком. Ему на смену 7-8 тысяч лет назад приходит неолит – новокаменный век. Наука этот рубеж определяет чётко: появляется глиняная посуда. Появление керамики не простой факт, а событие всемирно исторического зна-

чения. Смена эпох. Наличие керамики в захоронении указывает на наступление неолита – нового камня – времени настолько важного в развитии человека, что учёные называют его неолитической революцией.

Деревянный серп с кремниевыми вкладышами
Центральный музей Тавриды

Керамика ещё примитивная, грубая. Горшочек лепят из глины и обжигают на костре или на солнце. Донышко у него заострённое, чтобы ставить в вырытую в земле ямку. До плоского донышка нужно было ещё додуматься.

Тем не менее, приход неолита событие революционное. Человек переходит от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству. А также к рыболовству, ткачеству, приручению животных. Орудия труда остаются каменными, но человек уже научился искусно их обрабатывать: заострять, шлифовать, сверлить. Орудий стало больше, и они теперь намного разнообразней: дротики, луки, стрелы, топоры, серпы с вкладышами – заострёнными каменными пластинами, мотыги из рогов косули и оленя. Люди в неолитическую эпоху живут уже почти оседло, родами. Они мастерят себе одежду из шкур животных и даже украшают себя ожерельями из нанизанных зубов и костей мелких зверей. Да и количество их становится больше.

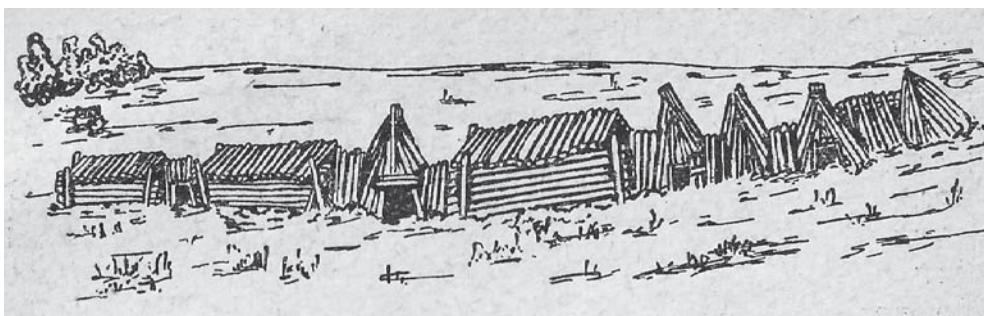
В Крыму неолитических стоянок и поселений было известно много – более 200: и на южном берегу, и на горных плато, и в предгорьях, и в степи. Но вот загадка: поселений много, а погребений ни одного! Как такое может быть? Где могут находиться могилы людей неолита? Вопрос десятки лет оставался без ответа.

В 1965 году Аскольд Александрович Щепинский открыл первый в Крыму неолитический могильник возле села Долинка на трассе Северо-Крымского канала. Это описано в его книге «Во тьме веков», 1966 года издания.

«Здесь под насытью кургана, в слое лессовидного суглинка в древности была вырыта большая, но неглубокая могила с неровным, несколько углублённым к середине дном. В могиле выявлено около 50 скелетов мужчин, женщин и детей. С северо-западной стороны могилы исследован скелет женщины, которая была погребена на спине в вытянутом положении. На её груди лежал скелет младенца в возрасте до 1 года... В основной могиле захоронения были совершены не менее чем в 3-4 яруса. Большинство костей и земля вокруг них имели сплошной красный цвет, так как умерших по обычаю того времени, посыпали красной охрой. Погребения в этой коллективной могиле совершались в вытянутом положении, на спине. Ноги тесно сведены и слегка согнуты в коленях, руки плотно прижаты к туловищу. Такое положение погребённых, очевидно, достигалось тем, что их плотно заворачивали (пеленали) в шкуру животного, а затем связывали. Тут же найдены многочисленные украшения из просверленных зубов оленя. Удалось установить, что нередко они располагались в определённом порядке вокруг головы, на бёдрах, около рук или ног. Очевидно, в одних случаях они нашивались на одежду или головной

убор. В других – на набедренную повязку. Из другого инвентаря, найденного при скелетах, следует отметить мелкие костяные бусы, а также кремневые изделия, односторонний плоский нуклеус, ножевидные пластинки с подретушированными краями, проколки, трапеции простые и со струганной спинкой и другой, типичный для неолита Крыма инвентарь».

Анализируя находку, Щепинский говорит, что могильник существовал долго. Одних умерших укладывали поверх других слоями. Иногда кости давних погребённых разгребали, отодвигали к краям, освобождая место для нового покойника. Это был типичный родовой могильник. Погребённых укладывали вплотную друг к другу. Часто умершие лежали головами в противоположные стороны: возможно, женщины в одну сторону, а мужчины в другую.

Реконструкция неолитического могильника

Неолитический могильник, чрезвычайно схожий с Крымским был обнаружен возле Мариуполя в 1930 году и позже исследован и описан археологом, профессором Ленинградского университета А. Д. Столяром. Столяр считает, что могильник был с боков сложен из деревянных брёвен и сверху перекрыт двускатной или шатровой крышей. Этот «погребальный дом» устанавливался над неглубокой погребальной траншеей и по

мере необходимости достраивался и удлинялся в стороны.

Найденный у села Долинки в 1965 году могильник неолитического времени остался в Крыму единственным.

Чрезвычайно важным кажется прослеженная историческая преемственность от неолитического могильника к возникающим в последующие эпохи курганам. В книге «Степные курганы» (А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова, 1972) мы читаем, что выстроенные из брёвен погребальные сооружения неолита усложнялись, обрамлялись каменными плитами – кромлехом. Мы видим реконструкцию подобного погребения – кургана Кеми-Оба (Белогорский район). Впоследствии, в результате глубокого осмысления учёный протянет нить из времени неолита в последующей исторической культуре – к кеми-обинцам.

И в завершение главы о неолитическом могильнике у села Долинка слова Щепинского:

«В эпоху энеолита над этими погребальными сооружениями стали насыпать курганы».

Курган

Ну вот, наконец, мы подъехали к кургану. Началась вторая неделя моей работы в экспедиции. К счастью, курган был выразительный, крупный, обособленный. Эдакий курган-курганище. Впоследствии, промеренный от основания до вершины, он оказался 3-метровым. Возле стоял бульдозер, бульдозерист сидел на травке, покуривал. К нему направился Аскольд Александрович и повёл беседу, размахивая руками и

указывая на курган. Я решила, что он просит не мешать, отогнать машину подальше. Я ведь была уже «опытным» археологом: всю прошлую неделю раскапывали стоянку. Работали кистями, ножами, ну, в крайнем случае, лопатой. Причём тут бульдозер? Однако бульдозерист покивал, завёл машину и двинулся прямо к кургану. Отступив некоторое расстояние от края, он опустил отвал с острым блестящим ножом, надрезал верхнюю, травяную часть грунта и медленно двинулся прямо через курган, прочерчивая некую хорду и срезая не толстый, не ошибиться бы, сантиметров в 10, слой дёрна. Диво дивное. Повторюсь, что в экспедиции ни у кого не было функции учить меня. Приставать к кому бы то ни было с вопросами я стеснялась. В университете теорией как-то не задавались – начали сразу с практики. Отсюда знания у меня были, прямо скажем, отрывочные. Приходилось прислушиваться к репликам Щепинского и соображать. Поэтому я и подумала: «Вон оно как оказывается... бульдозер. Наверное, из-за того, что сроки...»

Позже я поняла, что в большинстве случаев именно бульдозер начинает работу на кургане. Это признанная археологическая методика. Вскрытию кургана предшествовала работа Щепинского – я видела планы с разметками и чертежами в полевом планшете у него в руках.

Машина, урча и срезая первый слой грунта, поросший травой, перевалила на другую сторону кургана. Дойдя до конца, она развернулась, отвал опустился ещё приблизительно на 10 сантиметров, и, снимая следующий слой, бульдозер пошёл обратно по своему же следу. За ним, опустив голову и уставившись в землю, шёл рабочий – археолог. Он внимательно рассматривал полосу гладкого блестящего грунта, выползающую из-под

бульдозера. Машина прошла примерно половину обратного пути, когда рабочий, заметив что-то, слегка ковырнул землю мотыгой и велел водителю остановиться. Это «что-то» было пятном неправильной овальной формы, чуть более метра длиной, по цвету темнее, чем остальная очищенная бульдозером полоса. Ненамного, но темнее. Подошёл Щепинский, посмотрел пятно, покивал и захоронение – первое, обнаруженное на этом кургане, начали осторожно раскапывать лопатами.

Раскрытие кургана

«Ларчик просто открывался» в контексте человеческой могилы звучит, конечно, нехорошо. Но объяснение, рутинное для археолога, на самом деле оказалось простым и понятным. Люди выкапывают для умершего могильную яму. Выкопанная земля смешивается с той, что находится на поверхности. Засыпают могилу уже землёй смешанной. Землю прессует время, и она отличается по цвету от окружающего грунта. Поэтому могильное пятно темнее. «Засыпь темнее» – именно эти слова произнёс Щепинский, объясняя мне феномен «выползшего» из-под бульдозера пятна.

Ещё один вопрос возник сразу же. Первое найденное захоронение было расположено сбоку, почти внизу

кургана. Почему? Казалось, умерший, которому насыпали памятник-курган должен находиться по центру. Это непонимание было преодолено в течение дня.

Пока рабочие расчищали верхние слои первого захоронения, бульдозер прокладывал точно такой же, симметричный первому, путь с другой стороны кургана. Вскоре там обнаружилось не одно, а целых два погребения. Они располагались с разных концов, были по-разному ориентированы и находились на разной глубине. В одном из них машина чуть ли не задела костяк. И тут техника была остановлена и в процесс раскрытия погребений включились все работники экспедиции. Когда закончили опять заработал бульдозер. Было ещё несколько остановок, связанных с расчисткой обнаруженных захоронений, и опять работа машины возобновлялась, пока трассы не сравнялись с материком. По диаметру осталась стоять «бровка» – нетронутая насыпь шириной около метра и высотой метра в три. Раскуроченный таким образом курган выглядел причудливо.

Так вот: под бровкой, в центре, под вершиной обычно находится захоронение «хозяина». Того – мне почему-то захотелось произнести слово: человека, кому памятником был насыпан этот курган. Как правило, это вождь, старейшина, глава племени и его погребение является самым богатым, обильным находками, выразительным по форме. Как правило но не всегда. К примеру, царица из Ногайчинского кургана была погребена во впускной могиле.

Все остальные, кроме «хозяина» погребения в кургане называются «впускные». Они сделаны позже, бывает, много позже людьми, жившими в этой округе, или мигрирующими мимо, вплоть до времени средневековья, до печенегов и половцев. Разрыв во времени меж-

ду захоронением «хозяина» и последними впускными погребениями может составлять тысячи лет. Впускные, можно сказать, примазались «к чужой славе». Впускных погребений бывает много, до нескольких десятков. Поэтому справедливо называть курган кладбищем.

Как-то для уха стало привычным словосочетание «скифские курганы». Оно связано с сенсационными открытиями и описаниями истории скифов в хрестоматиях и школьных учебниках. Помню замечательную картинку из учебника истории – изображение на золотой вазе: два скифских воина беседуют, устроившись на привале. Третий натягивает тетиву лука. Это я уже сейчас рассмотрела. Всегда думала, что третий шнурует сапог. Выразительную картинку сопровождает подпись: «Рельеф из кургана Куль-Оба. Эрмитаж». Из-за этого и многого другого, если звучит слово курган, в памяти всплывает «скифский». А это неверно.

Самые древние в Крыму и во всём мире курганы относятся ко времени намного более раннему, чем скифское. Их насыпали народы, населявшие юго-восток Европы в III тысячелетии до н. э. То есть 5 и более тысяч лет назад. А скифы жили немногим более 2-х тысяч лет назад.

Народ, насыпавший в Крыму первые курганы, называется «ямники». Название присвоено по способу захоронения умерших. На смену ямникам пришли катакомбники, затем срубники. Все три названия даны по способу захоронения. Щепинский и Черепанова подчёркивают, что погребальный обряд является «одним из самых устойчивых признаков культуры», что он «чрезвычайно консервативен по внешнему выражению».

Есть названия данные человеческой общности по месту обнаружения, например, череп неандерталь-

ца был найден впервые в ущелье Неандерталь близ Дюссельдорфа. Или народ «Трипольской культуры» по названию села Триполье близ Киева. Есть названия технологические. На севере Европы жили народы «Шнуровой керамики», а в центре – народы «Шаровидных Амфор». Есть на севере Европы культура «Боевых топоров», культура «Кубков с утолщённым дном».

Помню, к Щепинскому всё время приставал студент-историк из Харькова: «Кто же это был: русский или украинец?» «Ямник» – бросал на ходу Щепинский. Студент продолжал канючить: «Ну, русский или украинец?»

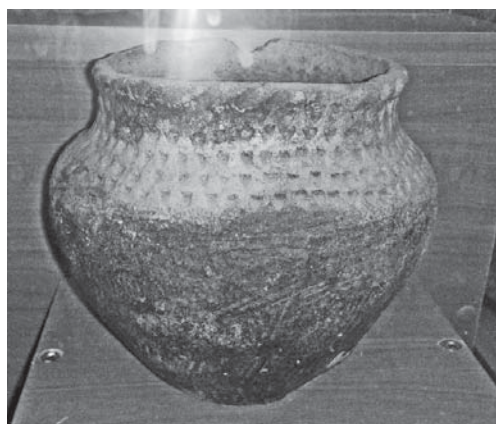
Ямная культура

4, 5 тысячи лет назад племя ямников на *«тяжёлых массивных повозках со сплошными деревянными колёсами»* вкатилось в крымские степи и обосновалось в них. Ямники насыпали первые курганы. Завершился неолит, «новый камень». Его сменил энеолит – медно-каменный век. Первый век металла.

Ямники прибыли в Крым, скорее всего, именно прибыли, потому что в их курганных захоронениях находили ножи и проколки из меди, а в Крыму самородной меди не было. Есть ещё подтверждения того, что племена были мобильными, что они перемещались. Во время раскопок погребения 1965 г. у села Долинки близ Красноперекопска рабочими экспедиции Щепинского были обнаружены остатки деревянных колёс – сплошные круги 74-х см в диаметре.

В северном степном и центральном Крыму ямники обосновались более чем на пятьсот лет. В курганах это-

го времени ямник был «хозяин». Его почти всегда одиночное погребение находилось по центру, в большой – так и хочется сказать, «просторной» – прямоугольной яме, размером до 2 x 2,20 метра и до двух метров глубиной, иногда уступами. Покойника укладывали на спину, головой к востоку, к восходу солнца. Ноги его были согнуты и поджаты (возможно, связаны). Руки вытянуты вдоль тела. Туловище посыпали охрой – красной глиной. Со временем охра оседала на костяк, поэтому скелеты ямников часто красного цвета. Видимо, древние считали охру тождественной огню, теплу. Однажды в детском захоронении я нашла ком охры размером с крупный грецкий орех, положенный возле головки похороненного ребёнка. Вообще детских захоронений, в том числе младенческого возраста у ямников было много и их захоронения были обихожены старательно.

Сосуд ямной культуры
Центральный музей Тавриды

Погребальный инвентарь ямников, несомненно, подбирался для посмертного сопровождения. Это свидетельствует о возникновении погребального культа, веры в потустороннюю жизнь. Лепная керамическая

посуда, украшения, следы пищи, много кремневых орудий, изделия и украшения из кости, кости жертвенных животных. Очень немного изделий из меди: медь была материалом мягким и не технологичным. Но всё же — уже металл.

Сверху погребальную яму перекрывали брёвнами или жердями, на которые укладывали высушенную морскую траву камку. В других случаях перекрытием служили каменные плиты. Затем насыпали курган. Естественно, от брёвен, жердей, травы сохранился лишь слой спрессованной трухи.

Анализируя артефакты из древних захоронений, учёные делают выводы об образе жизни, занятиях, социальном укладе, искусстве людей, чья жизнь отстоит от нашей — страшно подумать — на тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч лет! Яркие описания Щепинского и Черепановой делают время ямников осязаемым:

«Это были красивые, сильные, рослые люди, имели вполне современный физический облик. Вместе с ними сюда продвинулись стада скота и со скрипом вкатились тяжёлые массивные повозки на сплошных деревянных колёсах. Их медленно тащили дородные животные — священные быки.

Над могильной ямой насыпался земляной холм — курган. Поражает объём работ при сооружении курганной насыпи и рытье самой могилы. На стенках некоторых могил, вырытых в плотном глинистом грунте, удаётся при тщательной зачистке обнаружить следы орудий, ширина которых не превышала 2 см. Земля в курганы, часто довольно высокие, насыпалась вручную или при помощи волокуш, в которые запрягались быки. Следует ещё учитывать, что прошедшие тысячелетия, ветры и дожди, а иногда просто распахки значительно уменьшили эти насыпи и

изменили их некогда более стройную конусообразную форму.

Очень интересное погребение исследовано в 1963 г. в кургане близ с. Танкового у Краснопереконска: неглубокая яма, на перекрытии которой лежало множество костей животных. Кропотливый и долгий труд по расчистке этих рассыпающихся остатков был вознаграждён неповторимостью картины – это были тщательно сложенные в ряды черепа и рога 12 быков. На дне могилы лежали два окрашенных охрой скелета. Нигде раньше подобные могилы времени ямной культуры не были известны».

Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский».

Трудно наверняка знать, какие взаимоотношения сложились у пришлых с аборигенами. Однако через какое-то время пришлые племена ямников заселили Присивашье и степной Крым.

Кеми-обинцы

До появления ямников в Крыму уже жили люди. Археологи находят следы их поселений. Их коллективное захоронение открыто в 1965 году возле села Долинки. Аскольд Александрович Щепинский предположил, что на основе местных неолитических культур сложилась особая крымская кеми-обинская культура времени энеолита. Главная её характеристика – подкурганные погребения в деревянных и каменных ящиках, расписанных красками.

Во всех энциклопедиях, монографиях и научных статьях о раннем энеолите упоминается культура ке-

ми-обинцев, выделенная Щепинским. Его авторство неоспоримо. Открытые им «яркие комплексы» поражают воображение! И именно по поводу кеми-обинцев сломано наибольшее количество учёных копий.

В 1957 году в самом центре Крыма под Белогорском Аскольд Александрович Щепинский раскопал курган Кеми-Оба. В кургане обнаружилось поразительное захоронение неизвестной до того времени культуры, названной по имени кургана.

Кеми-обинское погребение
Центральный музей Тавриды

Мне чрезвычайно импонирует эмоциональное, даже страстное описание кеми-обинского захоронения в книге Е.Н.Черепановой и А.А.Щепинского «Там, где пройдёт Северо-Крымский»:

Один из курганов «...достигал 70 м в длину и 5 м в высоту... Раскопки продолжались с начала лета до поздней осени, и труд археологов был полностью вознаграждён важностью находок и открытий.

К концу дня на месте бывшей насыпи среди отвалов земли стоял каменный ящик, длиной 1,7 м и шириной 1,1 м, сооруженный из четырёх массивных, грубо

обработанных плит известняка, перекрытых сверху пятой. Картина была, по меньшей мере, необычна: сооружение, вторично появившееся на свет, казалось, донесло до нас дыхание тысячелетий, тепло рук, мысли и чувства своих создателей. Они обтесали камни, доставили их сюда, установили, тщательно замазали все щели между плитами крепкой зеленовато-серой глиной...

Но вот совочками, кисточками, скальпелями со дна могилы удаляется последняя земля. До того, как она проникла сюда сквозь незаметные щели между плитами, в ящик были положены четверо умерших. Один из них лежал на боку, с поджатыми ногами, головой на восток. Кости остальных были разрознены и сдвинуты к стенке. На многих костях проступали ярко-красные пятна – остатки охры, которой были посыпаны тела умерших. Дно ящика выложено слоем речной гальки, на которой найдены несколько отщепов кремня и костяная булава.

Но самый неожиданный сюрприз археологам преподнёс сам ящик. На его внутренних стенках, на грубо обработанной поверхности плит сохранилась яркая роспись. Сплошной полихромный узор покрывал их. На влажной поверхности камня, только освобождённой от земли, краски выглядели ярко и нарядно. Трудно было поверить, что они нанесены 4,5 тысячи лет тому назад.

В распоряжении первобытного художника было несколько красок: чёрная (сажа), красная (охра) и белая (известь). Пёстрое чередование этих красок создало сплошной геометрический орнамент, не повторяющийся ни на одной из плит, но единый по своему композиционному замыслу. На чёрном фоне красными и белыми линиями смело нанесены перекре-

щивающиеся полосы, треугольники, ромбы, зигзаги, точки. Такие вещи не могут оставлять равнодушными даже бывалых археологов, привыкших к открытиям и сенсациям. Всем присутствовавшим, и специалистам и неспециалистам, без объяснений было ясно, что перед ними замечательный памятник первобытного искусства».

Я помню Аскольда Александровича ровным, сдержанным, негромким. А тут всплеск чувств, восторг, счастье! Нечасто, но такие всплески я наблюдала у него, когда раскапывали что-то особенно интересное, не имеющее немедленного объяснения. Я помню, как он, рассматривал это нечто, вертел в руках, посмеивался, подхихикивал, растянув в улыбке большой рот и прищурив глаза. Было видно, что многолетний археологический опыт не притупил его способности удивляться:

«...Удивительны деревянные ящики, сделанные из брёвен или плах. Конечно, изучать такие памятники нелегко, если учесть, что дерево очень плохо сохраняется. Но, тем не менее, конструкция их выяснена. Над ящиком, каменным или деревянным, насыпался земляной курган, служивший вечным, издали заметным каждому путнику, памятником умершему. Иногда над самым ящиком ещё до создания насыпи кургана воздвигалось каменное сооружение в виде купола или конуса. Так, например, в кургане Кеми-Оба оно достигало 2 м высоты. А в особо торжественных случаях на вершинах курганов ставились каменные изображения людей – стелы...

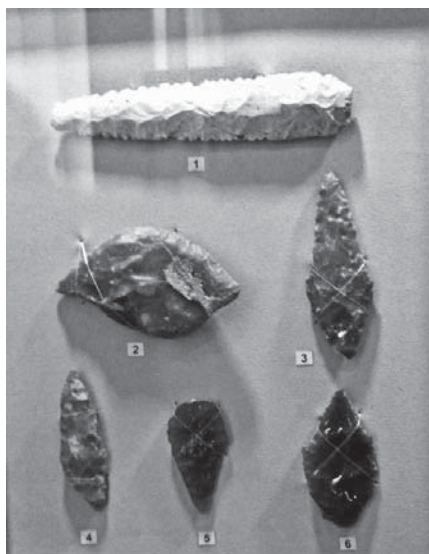
Особенно пристального внимания исследователей заслуживают следы росписей. Сейчас известно 20 её образцов (18 на плитах каменных и 2 на плахах деревянных ящиков). Это древнейшая полихромная живопись юга европейской части СССР имеет неоценимое

значение... Роспись на стенах погребальных сооружений весьма разнообразна, хотя составные части её постоянно повторяются. Разнообразие рисунка создаётся только различным сочетанием элементов».

В статье «Культура энеолита и бронзы в Крыму» («Советская археология», № 2, 1966) Щепинский классифицирует типичные черты погребений кеми-обинцев, помимо цветных росписей и рельефов. Это необходимо для того, чтобы доказать неслучайность находки. Доказать, что существует целый ряд общих признаков, которые позволяют объединить погребения в единую культуру. Он отмечает, что для кеми-обинцев характерно следующее:

- как правило, над погребением воздвигалось каменное куполообразное сооружение,
- дно могилы было устлано слоем морской или речной гальки, либо морскими раковинами,
- захоронение являлось одиночным или множественным (до 30 человек), на спине с поджатыми ногами, или скорченно на боку, головой ориентировано преимущественно на восток или северо-восток, со следами охры на костях,
- в кеми-обинских захоронениях керамические горшочки лепные, плоскодонные, с тонкими тщательно заглаженными или затёртыми (лощёными) стенками. Чаще всего без украшений. Но иногда с геометрическим узором ёлочкой, зигзагами, точками
- в захоронении находились каменные молотки, кремниевые стрелки, ножевидные пластинки, скребки, ножи, проколки из кости, подвески из зубов оленя, металлические (медные) браслеты (редко), шильца, ножи в виде наконечника копья
- в толще кургана могли быть антропоморфные стелы, как например поразительная, хорошо обрабо-

танная стела, найденная у села Казанки. На ней выбиты не только детали человеческого лица и тела. На ней изображена сцена ритуального танца.

Кремневые орудия труда: 1– пила, 2-6 – ножи
Центральный музей Тавриды

В публикациях Щепинского тех лет ощущается уверенность, понимание значительности открытия. В 1957 году, когда был вскрыт курган Кеми-Оба, ему был 31 год. В археологической экспедиции он работал более десятка лет, а самостоятельно бороздить и исследовать Крым он начал ещё раньше. А. А. Щепинский уже был профессионалом, опытным археологом и имел основания для научных выводов. Кроме того – и тут я могу засвидетельствовать: Аскольд Александрович был умным, глубоким, интеллигентным человеком. Думаю, что ключевой фразой, объясняющей радость первооткрывателя, ликование учёного, была фраза: *«...эти своеобразные, нигде за пределами Крыма не встречаемые погребальные сооружения...»*

В публикации «Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму» Щепинский пишет:

«По ряду существенных признаков (погребальному обряду, инвентарю поселений и могильников и пр.) эти памятники резко отличаются от памятников других культур III-II тысячелетий до н. э., известных в Северном Причерноморье и на Кавказе...»

«Советская археология», №3, 1963.

Однако через три года в 1966-м году, видимо, вследствие ряда новых находок и углублённых исследований, Аскольд Александрович приводит список открытий на Кавказе и в азово-причерноморской полосе, имеющих типичные, близкие (но не тождественные) с кеми-обинцами черты и делает предположение:

«Не исключено, что в дальнейшем кеми-обинская культура окажется локальным вариантом более широкой культурно-исторической общности юга европейской части СССР».

«Советская археология», №2, 1966.

В 1975 году Щепинский защищает кандидатскую диссертацию на тему «Энеолит Крыма». В ней он говорит о выделении «особой кеми-обинской культурно-исторической общности». Им была подготовлена и докторская диссертация «Кеми-обинская культура», оставшаяся незащищённой.

Открытие Щепинского стало поводом для научной дискуссии, которая длится уже более полувека. У него есть авторитетные сторонники: идеи Щепинского о наличии кеми-обинских памятников в большом ареале Северного Причерноморья поддержал видный украинский историк и археолог, академик Д. Я. Телегин (1971).

Доктор исторических наук, историк, археолог А.М. Лесков ссылается на работу адепта крымской археологии П. Н. Шульца, который предложил объединить

эти памятники в культуру деревянных и каменных ящиков (Лесков, 1965). Сам Лесков, подводя итоги полевого сезона 1967 года пишет:

«...Исследовано 38 погребений кеми-обинского типа, представляющих большой интерес. Наряду с обычными ямами, перекрытыми закладами из нескольких каменных плит, обнаружено три каменных ящика. С особой тщательностью был сделан прямоугольный ящик в кургане №22, составленный из четырёх хорошо отёсанных плит. На концах поперечных плит вырублены прямоугольные пазы, куда вставлялись продольные. Поражает тщательность подгонки – после установки продольных плит в пазы в них не проходит острие ножа. На плитах сохранилась специальная разметка, нанесённая охрой.

...За четыре года нами исследовано 47 курганов эпохи энеолита-бронзы, где обнаружено 111 кеми-обинских погребений.

...Напрашивается вывод, что в конце III – начале II тыс. до н. э. территория Керченского полуострова была занята кеми-обинскими племенами, а носитель ямной культуры если и просачивались в чуждую этническую среду, то в очень небольшом количестве».

В этой же работе Лесков полемизирует со Щепинским. Он прослеживает «этнокультурное единство племён Северо-Западного Кавказа и Восточного и Горного Крыма вне зависимости от техники нанесения геометрического орнамента».

В докладе кандидата исторических наук Д. Л. Тесленко «К вопросу о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной Украины (историографический аспект)» отражена дискуссия более чем двадцати учёных археологов по теме кеми-обинская культура.

Учёные обсуждают происхождение, хронологию, интерпретацию произведений искусства, культурную принадлежность кеми-обинцев. Например, невозможность рассмотрения кеми-обинцев вне материаловяной и катакомбной культур (Хейслер). Каменные гробницы Кавказа и Крыма связывают с племенами, объединёнными в единую *«майкопскую культуру Северного Причерноморья»* (Гимбутас). Другую, Нижнемихайловскую культуру усматривает в сложении кеми-обинской культуры Шапошникова. Доклад завершается словами:

«Таким образом, мы вынуждены констатировать малоутешительный факт, что... вопрос о культурной принадлежности погребений в каменных гробницах степной зоны Украины и Восточной Европы в целом остается весьма далеким от своего окончательного решения».

Из материалов международной научной конференции «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы», Самара, 2001.

Сам Аскольд Александрович к этому относился философски. Он писал:

«...Он /материал/ «молчал» — ждал своей очереди. Так часто бывает: одно или несколько поколений исследователей лишь собирает материал; обобщение же его выпадает на долю последующих поколений, и тогда оказывается, что, обобщенный и суммированный, он открывает еще одну новую и неожиданную страницу в истории человечества».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Степные курганы».

Я намеренно не вдаюсь в детали научных споров. В этом случае я погрузилась бы в сложные разъяснения, доказательства, подробности и разночтения, что не является целью моего повествования.

Моя же цель состоит в том, чтобы подчеркнуть важность открытий Щепинского, научная полемика по поводу которых не теряет своей актуальности.

К кеми-обинской культуре, по мнению А. А. Щепинского, относятся уникальные произведения первобытного искусства – антропоморфные стелы.

Стелы

От брёвен, жердей, травы сохранился лишь слой спрессованной трухи. А вот каменные перекрытия захоронений, разумеется, сохранились. Некоторые из них оказались древнейшими произведениями монументального искусства – антропоморфными стелами. Впрочем, эти уникальные памятники явились людям современности разными путями.

Первые две из них найдены в 1934-м году, на раскопках античного города Тиритаки V века до н. э. на Керченском полуострове. Изучая оборонительные сооружения города, археологи обнаружили стелы, которые были применены как строительный материал стены. Это называется вторичное использование. Учёные сразу поняли, что известняковые стелы с выбитым изображением, примитивно передающим облик человека, гораздо старше стены и греческого города.

«Исследования показали, что в период ямной культуры ими перекрывали могилы, а позже, очень похожие на тиритакские, устанавливали на вершинах курганов. Так было установлено, что стелы из Тиритаки относятся не к эпохе киммерийцев, а к значительно более ранней – к эпохе раннего металла. Стелам насчитывается не менее четырёх тысяч

лет. Вероятнее всего, первоначально они стояли на вершинах курганов, которыми так обильны степи Керченского полуострова».

Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

В 1956 году возле села Казанки Бахчисарайского района антропоморфную стелу в грунте нашёл тракторист. Рельефное изображение человека на диоритовой стеле серо-зелёного цвета было сложным, многозначным. Древним скульптором были тщательно выработаны голова, спина и плечи. Своеобразно решено лицо: в виде единой дуги изображены брови и спускающийся вниз от центра дуги нос. В нижней части стелы, под «поясом» выбиты две небольшие как бы пляшущие фигурки с изящно поднятыми вверх руками. Тонкости изображения не помешало то, что диорит – камень чрезвычайно твёрдый и сложный в обработке.

Щепинский понимал, что стела, найденная у села Казанки уникальна своей исторической значимостью. Не исключено, что она представляла собой изображение умершего, что её вкопали на вершине кургана над его погребением. Фигурки в нижней части, вероятно, изображают ритуальный танец – это нередко встречается в процессе прощания с умершим у примитивных племён. Ещё было очевидно, что она сложнее и совершенней, чем тиритакские стелы.

А. А. Щепинский сделал публикацию удивительной находки в журнале «Советская археология», №2 за 1958 год. Таков порядок заявления важных находок научному сообществу. В подробном описании он сообщает, что по одним данным стела лежала на пашне, а по другим была выпажана из кургана. Что её высота 1,45 метра, ширина 0,28-0,29, толщина 0,15 метра.

«Непропорционально тонкие, рельефно проработанные руки прослеживаются только спереди; до локтя они показаны вдоль краёв плиты, в локтях они согнуты и сложены спереди, почти соприкасаясь концами расставленных пальцев; большой палец отогнут вверх. Левая рука длиннее правой, плечевая часть рук почти вдвое длиннее их предплечий и кистей. Крупные кисти рук проработаны особенно тщательно, хотя и схематично».

Я привожу эту небольшую цитату для того, чтобы было понятно, какую кропотливую работу выполняет учёный археолог по обработке найденных материалов, помимо работы в поле.

Стелы из сел Казанки (слева) и Ак-Чокрак

В публикации Щепинский сравнивает стелу с другими найденными антропоморфными стелами и констатирует, что её *«по-видимому следует отнести к кругу памятников эпохи бронзы и датировать ямно-катакомбным временем».*

Но вот в 1966 году – о чудо! – в 12 километрах от села Казанки, в урочище Ак-Чокрак, также простым

селянином – не археологом, была найдена вторая стела. Это произошло через 10 лет после первой. Но что такое 10 лет, когда речь идёт о четырёх тысячелетней давности!

«Поразительное сходство с первой: те же пропорции, та же техника изготовления, тот же стиль, тот же сюжет. Для археологов это была удача, о которой никто не мог и мечтать... Две стелы, как две сестры, очевидно, выполнены одним мастером, жившим около четырех тысяч лет назад».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Степные курганы».

Для археологов это была удача. Удача не только в том, что стелы идентичные и, по-видимому, выполнены одним мастером. Научному анализу подлежат и различия, особенно различия. На первой стеле нет топорика за поясом, а на второй есть. Почему? На первой у «танцующей» пары руки подняты вверх, а на второй – руки, находящиеся у краёв статуи, опущены вниз. Что это может означать? И вообще, академик А. А.Формозов возразил Щепинскому: пары человечков не танцуют вовсе, а борются, и приводил этому свои доказательства. Единоборство так же, как и танец, является древнейшим ритуалом.

Поздней осенью 1967 года Щепинский получил письмо, в котором было написано, что недалеко от села Верхоречье Бахчисарайского района, в крымском предгорье лесник нашёл стелу, схожую с двумя первыми. Понимая, что такого не может быть, потому что не может быть никогда – третья аналогичная стела!? – Аскольд Александрович устремился в путь. Автобусом, затем в коляске мотоцикла, затем пешком лесными тропами, и, наконец, он вышел ту самую лесную поляну:

«А вот и стела. Последние шаги — бегом. Так и

есть, достаточно одного взгляда, — «казанковского типа». Но еще лучше выполнена, больше деталей, больше изображений. Изумительно!»

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Степные курганы».

Верхореченская стела

Это действительно изумляет. Антропоморфные памятники, широко распространены в Северном Причерноморье, Приазовье, на Северном Кавказе, на Балканах, а также в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Но, чтобы за десятилетие найти в одном районе три таких прекрасных, выразительных памятника древнейшего монументального искусства. Поистине, Щепинский – археолог, поцелованный богом. И ещё одно важное обстоятельство: Верхореченская стела была найдена в лесу, в предгорьях, как раз там, где, по мнению Аскольда Александровича, оставили следы своих поселений кеми-обинцы.

Совершенная по форме, высокохудожественная Верхореченская стела сейчас установлена в вестибюле Центрального музея Тавриды Симферополя. Скульп-

птура имеет высоту 175 см. Она вытесана из диорита и тщательно обработана и отшлифована. На передней, задней и боковых поверхностях скульптуры разнообразные рельефы. Изображения являются как бы посланием наших предков и несравненным источником информации о жизни людей дописьменной эпохи.

Я представляю, как посетитель, войдя в вестибюль Центрального музея Тавриды, окидывает стелу взглядом: красивая обтекаемая, розовато-терракотового цвета. Как он осматривает рельефы на стеле, может быть, даже внимательно. Вот лук, вот лошади – это понятно. Как поражается, увидев возраст: 4 тысячи лет! Но работа учёных неизмеримо глубже. Историки подробно и всесторонне обдумывают каждый штрих, каждую деталь! Они проводят сравнения, ищут аналогии, делают зачастую осторожные, неокончательные выводы.

Голова антропоморфной, т. е. человекообразной скульптуры округла. Дуга сомкнутых бровей над углублениями глаз с вертикальной линией носа формирует образ лица. Отсутствие рта у подобных творений учёные объясняют «потусторонностью» сюжета. Согнутые в локтях руки даны линией рельефа от плеч до кистей, с пятью пальцами на каждой. Герой оснащён всем, что полагается мужу, добытчику, воину: луком, колчаном со стрелами, боевым топориком, заложенным за пояс. Все изображения, выбитые на стеле, совершенны. На передней плоскости вертикально и горизонтально запечатлены две пары людей, одна из которых имеет гендерные признаки, а вторая – нет. Почему? Ну не забыли же. Может быть бесполой пара, горизонтально расположенная (тоже ведь не случайно) – это умершие предки, или не родившиеся потомки, или вообще потусторонние силы? Прорезанные пары человечков несомненно находятся в движении, во взаимодействии. По-

пробуйте рассмотреть, хоть и на фотографии. Поверьте, очень интересно!

В центре передней плоскости идола изображена пара лошадей. На «спине» изваяния пара косуль – самец и самка – с прямо-таки талантливым, художественным изгибом шеи. Неширокие боковые поверхности украшены орнаментом, который можно трактовать как крылья (как рёбра?).

Моё лаконичное описание не идёт в сравнение с пространными научными толкованиями каждого рельефа. Интересно и глубоко трактует изображение лошадей научный сотрудник на сайте музея:

«Конь в то далекое время было животное полудикое, нервное, и не столь выносливое как бык, верховой узды и тем более седла еще не придумали, единственно, куда могли впрягать лошадей – это в легкие боевые колесницы военной элиты. Так что изображение коня недвусмысленно указывает на самый знатный статус нашего идола. Напоследок напомним, что первым европейским народом, оседлавшим коня и доскакавшим до Египта стали киммерийцы – прямые потомки пастухов эпохи бронзы, поклонявшихся каменным идолам».

Антропоморфные стелы из Казанков, Ак-Чокрака и Верхоречья, представленные Аскольдом Щепинским, относятся к ряду уникальных памятников эпохи бронзы.

Катакомбники

Век меди и ранней бронзы сменяется развитым бронзовым веком. Племена ямников и кеми-обинцев сменяются племенами катакомбников и позже, в завер-

шающей стадии бронзового века – срубников.

Как же точна и красива глава под названием «Катакомбники», впрочем, так же написана и вся книга А.А. Щепинского и Е.А. Черепановой «Там, где пройдёт Северо-Крымский...». Хочется цитировать и цитировать... От всей души порекомендую эту скромную книжку 1966 года издания, увлекательнейшее чтение по истории Крыма.

Катакомбники – это племена времени развитой бронзы. Во II тысячелетии до н. э. – в Египте уже стояла пирамида Хеопса, в Вавилоне был введен правовой кодекс – Законы царя Хаммурапи, а в Крым пришли племена катакомбников. Причём вначале казалось, что катакомбная культура обошла Крым. Она была широко распространена от реки Прут и низовьев Дуная на западе до Волги на востоке, а также в Приазовье, Предкавказье. Но вот в Крыму катакомбные погребения были немногочисленны. До 70-х годов было известно около 20 захоронений. Щепинский объясняет это тем, что археологи изучали, в основном, предгорный и горный Крым. Степной начали планомерно изучать как раз в связи со строительством Северо-Крымского канала, как раз Северо-Крымская экспедиция, как раз Щепинский!

Реконструируя исторические события, Аскольд Александрович предположил, что племена катакомбной культуры вторглись в Крым с севера в начале II тысячелетия до н. э., но встретили сопротивление кеми-обинских племён в предгорье и расселились в степях.

Катакомбники не насыпали свои курганы – это принципиально.

Погребальный ритуал одной культурно-исторической общности редко существует в чистом виде. Обряды ямников, кеми-обинцев, катакомбников могут быть в значительной степени перемешаны и путают карты

исследователей. Учёные объясняют это явление, прежде всего сосуществованием и ассимиляцией народов во времени и в пространстве.

И вот катакомбники как раз не насыпали свои курганы, а хоронили умерших в уже имеющихся, попутных. Выкапывали в них колодец и делали сбоку подбой, камеру, катакомбу. В разные периоды времени, с конца III-го тысячелетия до н. э. и почти до конца II-го – размер катакомбы разнился от объёма комнаты 2-метровой высоты, где археолог мог почти стать в рост, до маленьких, тесных. В них умерший едва помещался, скорченным на боку. Вход в катакомбу закрывали каменной плитой, либо кусками дерева, иногда дополнительно обмазывая их глиной. Колодец, ведущий к катакомбе, засыпали землёй.

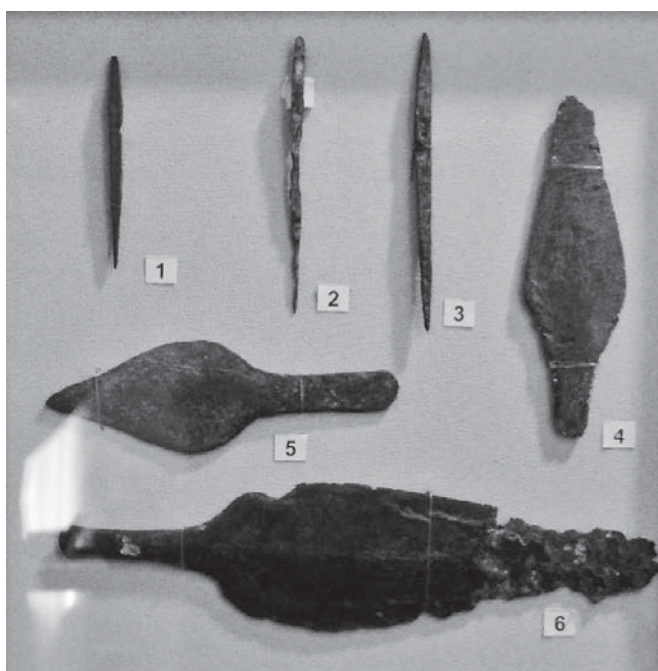

Сосуд катакомбной культуры
Центральный музей Тавриды

Интересен характерный для катакомбников обычай создавать кенотафы. Кенотаф – это вырытая и оборудованная по всем правилам могила, но без покойника. Предположительно, в память погибшего в бою воина.

А. А. Щепинский, учитывая наличие кенотафов, большое количество кремневых наконечников стрел, копий, дротиков, а также часто встречающиеся остатки повозок разных конфигураций, делает вывод о кочевом, воинственном образе жизни племён катакомбной культуры. Хотя анализ погребений и немногочисленных поселений позволяет сделать вывод о том, что катакомбники занимались и скотоводством, и земледелием.

Бронза – сплав меди и олова – тверда и более технологична, чем чистая медь. Немало изделий из бронзы попало в Крым в результате обмена с народами богатого металлами Северного Кавказа. Но в век бронзы и даже

Изделия из бронзы
Центральный музей Тавриды

позже, в начале века железа, каменные орудия не потеряли актуальности. Вещи из камня встречаются в катакомбных захоронениях гораздо чаще, чем бронзовые.

Исполнение мелких изделий из камня, таких, как накопечники стрел, или топоров разных форм было доведено до совершенства. Улучшалась техника ретуши – отжим с камня мелких, плоских чешуек. Получался острый край ножа или скребка. Несколько острых отщепов – вкладышей – вставленных в деревяшку, формировали серп. Каменные топоры были разной конфигурации для разных целей. Они могли быть идеально отшлифованы с высверленными отверстиями для рукояти. В книге Щепинского и Черепановой один из таких топоров справедливо наделён эпитетом «изящный». Люди приспособляются, используя возможности своего времени и доходят в этом до совершенства.

Уникальные находки, подтверждающие это суждение, сделал Щепинский.

«В этом отношении особенно интересно захоронение середины второго тысячелетия до н. э. в большой катакомбе у села Рисового близ Красноперкопска. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на животе лицом вниз. На затылочной части черепа имелось ровное отверстие диаметром 3 см. На его краях хорошо видны следы инструмента, которым был произведен срез кости. Совершенно очевидно, что эта операция на черепе – трепанация. Край среза кости не зарубцевался, следовательно, человек после операции жил недолго или, скорее всего, сразу умер.

В Крыму это уже не единственный известный нам случай трепанации черепа, совершенный в эпоху бронзы. Первый был отмечен в 1955 г. во время раскопок кургана у пос. Марьино близ Симферополя (тоже Щепинским – В. К.). Сейчас известны ещё несколько подобных находок в курганах на трассе канала. Все они позволяют утверждать, что уже 3500 лет тому назад у обитателей Крыма имелись значительные

познания в области медицины, настолько значительные, что «хирурги» отваживались совершать труднейшие операции. Это тем более поразительно, что в то время, в эпоху раннего металла, в их распоряжении были лишь бронзовые, или, скорее всего, даже кремневые скальпели».

*А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдет Северо-Крымский...»*

Срубники без срубов

Последняя племенная и культурная общность бронзового века (3-3,5 тысячи лет назад), населявшая огромную территорию юго-восточной Европы, включая Крым – срубники. Новые времена, новые племена. Занятия: земледелие и скотоводство. Разнообразные и более совершенные орудия труда из бронзы. Иные ритуалы.

В европейской части ареала захоронения производились в настоящем бревенчатом срубе. Потому и название срубники.

«В степном Крыму, где деревья нет и не было в древности, срубы не сооружались. Погребения совершались в обыкновенных ямах, вырытых в насыпи более древних курганов. Эти погребения во время раскопок легко отличимы от других по очень характерной позе умершего: его клали на бок головой на юг или северо-восток, в сильно скорченном положении, сгибая так, что колени оказывались почти у самого подбородка, а кисти рук перед лицом. Обычно перед лицом умершего ставили грубый лепной сосуд баночной формы, совершенно без орнамента или с несложным узором из насечек и продавленных полосок. Рядом кла-

ли жертвенную пищу; от неё сохраняются отдельные кости овец или других животных. Иногда в погребениях встречаются круглые костяные пряжки или бляхи. Обычай посыпания покойника охрой к этому времени уже теряет былое значение».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Керамический сосуд срубной культуры
Центральный музей Тавриды

Ну вот про срубников коротко. Хотя у Щепинского и Черепановой интересный и подробный анализ срубной культуры на материалах раскопок Степного отряда Северо-Крымской экспедиции 1962-1964 годов. Но это специальное, научное описание. Отчёт о работе экспедиции. Полное название «Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до н. э.».

Бог СКЭ

Однажды мы раскопали погребение, перекрытое в несколько слоёв брёвнами. Щепинский определил: 4,5 тысячи лет. Предположительно, ямник. На мой во-

прос, почему брёвна хорошо сохранились, последовало: микроклимат, почвы.

Перекрытие зачистили, измерили, зарисовали, сфотографировали и разобрали. Длина бревен доходила до двух метров. При разборке они, конечно, ломались, но не рассыпались. Сохранилось более чем достаточно изрядных кусков. Ими наполнили бумажный мешок – в лабораторию. И всё равно оставался целый развал лёгких, пористых, но достаточно плотных брёвен. Коричневых, почти чёрных. Верхний слой при касании оставлял на руках тёмный след.

У этого дерева было два важных качества, которыми мы тут же воспользовались.

Во-первых, оно прекрасно горело. Для вечерних костров в степи это оказалось неоценимо. Чурки пылали долго и давали сильный жар. Наверное, дерево было уже на полпути к каменному углю (шутка).

Во-вторых, дерево легко строгалось ножом. Как пробка. И наши мальчишки-подростки вечерами после работы вырезали кому что бог на душу положит. Часто они выстругивали из чурки голову фантастического идолища и ставили его в центр костра. Голову охватывал огонь, по её поверхности шныряли огненные червячки. Постепенно раскаляясь, она становилась пламенно-прозрачной. Казалось, брови, рот, щёки двигаются. Головешка кривлялась и подавала нам знаки. Затем, прогорая, она кренилась на бок, темнела, заваливалась и рассыпалась, отправив в чёрное небо букет искр. Глаз от этого зрелища отвести было невозможно.

И вот как-то мальчишки вырезали из колоды размером с полметра голову: глаза под нависшими бровями, треугольная выемка носа, «страшный», осклизшийся зубами рот. Под жуткой рожей невысокий

постамент с тремя магическими буквами: СКЭ. Понятно: это был бог Северо-Крымской экспедиции.

Сжигать его было жаль. Идолище установили возле костра и ежевечерне возносили ему молитвы и заклинания. Под бой тамтамов исполняли ритуальные пляски, задабривали его жертвенной пищей в виде початков кукурузы с соседнего поля. Щепинский посмеивался.

Деревянный бог СКЭ

Пришло время возвращаться домой, и мне отдали бога СКЭ на хранение. Видимо, это был последний выезд в сезоне, потому что бог остался у меня сначала на год, а потом и на всю жизнь. Он занимал почётное место над книжными полками, я возила его в школу на уроки – шутка сказать! Дерево, пролежавшее в земле 4,5 тысячи лет! Со временем он раскололся по всей длине, но продолжал жить, составленный из двух половинок. Его почитали мои друзья. Под его приглядом выросли сыновья. Я рассталась с богом СКЭ, эмигрировав в 1998 году в Израиль. Не везти же через полмира непонятную деревяшку. Жалею до сих пор. Предполагаю, что эти записки – не без его тайного влияния!

Железо

Начиная каждую новую главу я борюсь с искушением написать тривиальное: «шли годы...». Хотя, зачем бороться? Они действительно идут и бегут, и летят. И годы, и века, и тысячелетия. Время движется с ускорением. На протяжении одной жизни ускоряется от молодости к старости. Говорят ещё, время ускоряется от полюсов к экватору. И в цивилизационном аспекте. К примеру, на протяжении только одного моего пребывания в этом мире стремительные технологические новации меняют глубинный, качественный смысл человеческого существования.

Цивилизационное развитие непрерывно, но в прошлом оно происходило менее равномерно, чем в глобальном мире. Вот красивый, хотя и несколько вольный пример этой неравномерности.

Из книги «Лирика Древнего Египта»

Деревья её сада
Говорит гранатник:
Ряд её зубов за образец
Я избрал для зёрен, а примером
Для плодов – её грудей округлость,
Я листвою красуюсь круглый год.

Под моим шатром чета влюблённых,
Умощнённых маслом и бальзамом,
От вина и браги охмелев,
В знойный день приют себе находят.

Перевод В. Потаповой

Очаровательный поэтический образец XII века до н. э. написан на папирусе. В это время в Крыму ещё не было не только литературы, но и следов письменности.

* * *

В конце второго – начале первого тысячелетия до н. э. бронзовый век начинает постепенно трансформироваться в век железа.

Первое железо, с которым познакомились люди ещё в третьем тысячелетии до н. э., было метеоритным. Редкое, тугоплавкое, оно ценилось дороже золота и применялось для изготовления украшений и инкрустаций. «Синий металл» упоминается в гомеровских поэмах как драгоценность. Но с XII века до н. э. в странах Востока освоили выплавку железа из руды и его применение в производстве оружия и орудий труда. Конечно, Крым не остался «в стороне от магистральных путей». Через полтысячи лет железо появилось и в Крыму.

Первые железные изделия в Крыму нашёл А. А. Щепинский.

Это произошло в 1959 году при раскопках погребения примерно VII века до н. э. у села Зольное к западу от Симферополя.

Я уже писала, какая жалкая участь пересказывать содержание текстов самого Аскольда Александровича. Уж больно хороши и выразительны эти тексты. Лучше я процитирую ещё один отрывок из его с Еленой Черепановой книги.

«В большой могиле, стенки которой, очевидно, были оплетены прутьями лежал скелет взрослого человека на спине со слегка подогнутыми в коленях ногами; левая рука положена на пояс, а правая вытя-

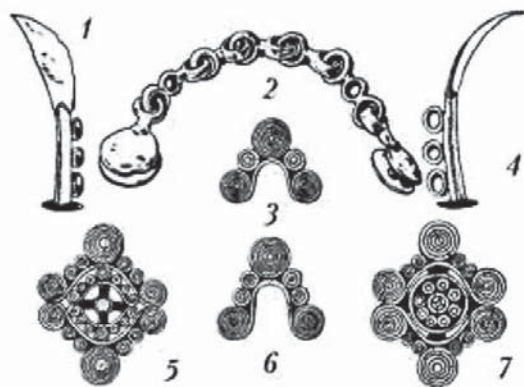
нута вдоль туловища. В могиле был богатый и необычный инвентарь. Около черепа в южном углу стоял большой лепной сосуд с узкой высокой шейкой, выпуклыми боками и маленьким дном. На поясе погребённого вдоль туловища лежал короткий железный меч. Его ручка находилась рядом с кистью руки. Очевидно, совершая обряд погребения, соплеменники торжественно вложили этот меч в руку умершего. Здесь же на поясе висел точильный брусок. Но самые удивительные находки были на перекрытии могилы. Здесь в одном месте лежали 25 бронзовых, 4 железных и 4 костяных наконечника стрел, рядом с ними бронзовые удила с псалиями и стопка из 26 костяных изделий с богатым резным узором: лунницы, фигурные ромбовидные бляхи, костяная «пуговица», изделие, похожее на пряжку, 2 кольца, катушка и костяная цилиндрическая поделка. Все они были украшены резными спиралями, концентрическими кругами, крестами, ромбическими знаками, завитками, резьба заполнена красной или чёрной краской, что придавало вещам очень красивый и нарядный вид. По назначению все они, очевидно, были украшениями конской упряжки.

Судя по инвентарю, погребение принадлежало богатому и знатному конному воину. Это первое подобное погребение на территории нашего полуострова, а железный меч и наконечники стрел – первые вестники наступления железного века».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Малознакомое слово «псалии» для историка наполнено глубоким смыслом. Дело в том, что лошади, прирученные человеком примерно в IV тысячелетии до н. э., сначала применялись лишь как тягловая сила. В военных целях их впрягали в колесницы. Оседлать

лошадь воин смог только после того как были изобретены псалии. Псалии – это приспособления, соединяющие узду с поводьями, что позволяло всаднику управлять лошадью. Следовательно, человек, чьё погребение открыли археологи у села Зольное был всадником, а сам народ имел конное войско.

Изделия из зольного кургана
1,4 – псалии; 2- удила; 3, 5-7 - накладки сбруи

И вот сейчас очень, очень важное, основополагающее для истории обстоятельство: наступление железного века в Крыму по времени совпадает с появлением письменных свидетельств о народах, населяющих Северное Причерноморье, включая Крым.

Первым поименованным народом этого ареала были киммерийцы.

Щепинский и называет захоронение у села Зольное киммерийским.

Профессионалы считают погребение у села Зольное выдающимся историческим памятником. В нём всё ценно и несёт важную информацию. Находки хранятся в Музее археологии в Киеве. Дело в том, что выявить киммерийцев археологически крайне трудно, почти невозможно. А погребение раннего железа у села Зо-

льное, открытое А. А. Щепинским, безусловно кочевническое, предскифское, «скорее всего киммерийское» (А. Канторович).

Киммерийцы

Весьма достоверные сведения о киммерийцах оставлены их современниками – это важно! – на глиняных табличках в аккадских записях VIII – VII в.в. до н. э. Клинописные тексты фиксируют непосредственные контакты ассирийцев и «гимирри». Ассирийские хроники предоставляют точные данные о месте и даже времени события. Однако сведения эти точечные, эпизодические, слишком частные.

Закономерно, что вслед за клинописями «гомерты» упоминаются и в трёх книгах Ветхого завета. Поэтичное, но достоверное ли, описание киммериян и места их обитания даётся Гомером в «Одиссее» (VIII в. до н. э.):

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков;

никогда не являет

Оку людей там лица лучезарного Гелиос. Землю ль
Он покидает, всходя над звездами обильное небо,
С неба ль звездами обильного, сходит,

к Земле обращаясь;

Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

Перевод В. А. Жуковского

Последующие тексты античных источников представляют собой интерпретации и разработку ранних

сведений о «киммерианах», которые к тому времени, возможно, уже сошли или сходят с исторической арены. О киммерийцах пишут авторитетные историки античности Страбон и Плиний. Сведения о них содержатся в «Историях» Геродота (V век до н. э.):

«И теперь ещё есть в Скифии киммерийские степны, есть киммерийские переправы, есть область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор».

Геродот приводит поучительную легенду, касающуюся возможной причины завершения эпохи киммерийцев в Крыму:

«Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Араке, в Киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам). При нашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну, а не подвергаться опасности, оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися. И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться народа. Первые советовали уйти, отдав без боя страну вторгающимся. Цари же, подумав о том, сколько хорошего они здесь испытали и сколько несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом. Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийцев похоронил у реки Тираса, и моги-

ла их еще и теперь видна. Похоронив их, народ, таким образом, покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну».

Геродот. «История», IV, 12.

Ещё одно наглядное упоминание киммерийцев – роспись на этрусской вазе VI века до н.э. Вот вам и всадники. Вот вам и псалии.

Из-за обилия киммерийских топонимов, данных греками: киммерийскую переправу (Керченский пролив), киммерийскую область (северо-восточную часть Керченского полуострова), руины города Киммерик, киммерийские валы – Крым «приватизировал» киммерийцев. Возможно и справедливо.

Киммерийцы

Роспись на этрусской вазе VI в. до н. э.

А ещё благодаря Максимилиану Волошину, поэту, художнику, философу, певцу Восточного Крыма. Конечно, про «приватизацию» – это моя вольная интерпретация.

Волошин писал:

«Киммерией я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (Южного берега и Херсонеса Таврического)».

Волошин сам был чрезвычайно увлечён геологическими и археологическими исследованиями Крыма. Изучая античные первоисточники он предположил местонахождение стёртой временем венецианской гавани и города Каллиеры.

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесенный,
Народ зовет «Иссыпанной короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,
Остроковица эллинской земли
В венецианских бусах — Каллиера!

18 ноября 1926

Прекрасные стихи только на первый взгляд кажутся мистическим пророчеством: Максимилиан Волошин сам провёл первые раскопки в устье Коктебельской балки. Он указал археологам место возможного расположения мола и порта. Позднее аэрофотосъёмка, исследования подводных и «земных» археологов подтвердили его предположение.

В книге «Эчки-Даг» в разделе «Археология, исто-

рия, экология» Щепинский, называет имя М. А. Волошина, в числе исследователей Юго-Восточного Крыма, даже без упоминания его поэтических заслуг. Открытие Волошиным в 1928 году в 4 км к северу от Коктебеля поселения эпохи бронзы было заметным событием в археологии Крыма.

Волошин писал:

«Киммерия – страна опустошённая и печальная, каждый камень которой насыщен огромным, безымянным прошлым».

В своей поэзии и живописи Волошин создал идеальный образ Киммерии. Скорее небесной, чем земной. Но прекрасной:

Как в раковине малой – Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть её мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы её повторены
В движении и завитке волны, –
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии тёмная страна
Заключена и преображена.

«Киммерийские сумерки», «Киммерийская весна» – названия поэтических циклов Максимилиана Волошина.

* * *

Вопрос идентификации и расселения киммерийцев был всегда сложен и запутан. Ни письменные источники, ни археологические данные, ни поэзия Волошина не позволяют дать однозначное заключение.

Есть, например, теория, по которой египетский фараон Сесострис в XIII веке до н. э. предпринял завоевательный поход в Скифию и, победив, оставил в Поднепровье гарнизон. Египтяне взяли в жёны местных женщин. Получились киммерийцы от $\chi\upsilon\mu\epsilon\upsilon\sigma\iota\varsigma$ — «смешивание» /др. греч./.

Несмотря на «крымские притязания», учёные считают районом «киммерийской культуры», как культуры предскифской, огромную территорию, эпицентр которой в середине II тысячелетия до н. э. находился в Нижнем Поволжье. Оттуда ираноязычный этнос мигрировал на запад и на юг и заполнил пространство от Болгарии до Северного Кавказа. Естественно, зоной расселения киммерийцев были Северное Причерноморье и Крым.

Эту точку зрения поддерживает А. А. Щепинский. Или, скорее, археологические открытия Щепинского являются фактической платформой этих выводов. Профессор Санкт-Петербургского Университета В. Е. Возгрин, написавший фундаментальный труд по истории Крыма неоднократно ссылается на работы Щепинского. В отношении киммерийцев у Возгина и Щепинского есть разночтения. Валерий Евгеньевич Возгрин уверенно отождествляет ареал расселения киммерийцев с археологической культурой срубников и даже утверждает, что по этой причине «загадочность» происхождения и исторической судьбы этого народа ныне в целом развешана».

В лекции 2018 года, (а, значит, сведения последние, «свежие») доктор исторических наук А. И. Иванчик высказывает мнение, что археологически киммерийцы тождественны ранним скифам.

А. Р. Канторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ, в лекции 9 октября 2019 года говорит, что в

Северном Причерноморье есть несколько сотен памятников кочевнической культуры IX-VII веков до н. э., в тот период, когда скифская археологическая культура в нашем понимании ещё не существует.

У Щепинского по этому поводу своя гипотеза, которую он выдвинул в интереснейшей монографии «Красные пещеры», изданной в 1987 году.

«Судя по древним письменным источникам, в эпоху начала железного века в Крыму обитали киммерийцы (сведения о них крайне скудны), а также тавры и скифы, о которых мы знаем несколько больше. На северных берегах Черного моря появляются тогда же древние греки. Наконец, археологические источники дали основание выделить здесь кизилкобинскую культуру. Наличие, с одной стороны, письменных источников, а с другой – археологических, ставит перед исследователями сложную задачу: какую группу археологических материалов следует связывать с теми или иными племенами, упомянутыми древними авторами? В результате всесторонних исследований четко выделились таврские и скифские древности. Хуже обстоит дело с киммерийцами, которые были народом легендарным, таинственным уже во времена Геродота (V век до н. э.)».

Но – по порядку.

Тавры

Тавры, в отличие от множества других, упоминаемых историей народов, народ автохтонный (древнегреч.), иначе аборигены (лат.), местные. Они выявились предположительно на рубеже II и I тысячелетия

до н. э. Есть и более ранние археологические следы. Просуществовав немалый срок, примерно, по X в. н. э., тавры растворились в протяжённости, освоенного ими, горного Крыма.

С именем тавров связано второе название полуострова – Таврида. Причём между именитыми учёными нет единого мнения: Таврида названа именем тавров или жителям дано название по месту их обитания. Самое слово «тавр» безусловно греческое, известное – бык. Есть и третья, четвёртая, пятая версии. Например, Артур Кёстлер находил единый корень в словах «тавр» и «еврей» и предположил, что тавры могут быть древними семитами.

В историко-литературном поле существует интересная гипотеза, касающаяся идентификации тавров. Гомер (VIII в. до н. э.) рассказывает, как, странствуя, Одиссей попадает в удивительную бухту, в которой страшной смертью гибнут почти все его спутники. Только хитроумному Одиссею удаётся, перерубив канат и пустившись наутёк, спасти свой корабль и нескольких моряков на нём.

В славную пристань вошли мы:
ее образуют утесы,
Круто с обеих сторон подымаясь
и сдвинувшись подле
Устья великими, друг против друга
из темных бездн
[90] Моря торчащими камнями,
вход и исход заграждая.
Люди мои, с кораблями в просторную
пристань проникнув,
Их утвердили в ее глубине и связали,
у берега тесным

Рядом поставив: там волн никогда ни великих,
ни малых
Нет, там равниною гладкою лоно морское сияет».
«...На громкий
Крик отовсюду сбежалась толпа
лестригонов могучих;
[120] Много сбежалось их, великанам,
не людям подобных.
С крути утесов они через силу подъемные камни
Стали бросать; на судах поднялась тревога –
ужасный
Крик убиваемых, треск от крушенья снастей;
тут злосчастных
Спутников наших, как рыб,
нанизали на колья и в город
[125] Всех унесли на съеденье».

Перевод В.А.Жуковского

Так вот: удивительная бухта, описанная Гомером – это с большой долей вероятности Балаклавская бухта. А ужасные людоеды – лестригоны – это тавры.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета Валерий Евгеньевич Возгрин уверен, что гомеровские лестригоны – это тавры. У него есть для этого основания. Доктор исторических наук, член Королевской датской Академии наук, автор более 150 научных работ, изданных в России, Украине, Дании, Норвегии, Германии, Эстонии, Финляндии, Турции, Италии Возгрин родился в 1939 году в городе Симферополе. В 1957 г. окончил Евпаторийскую мореходную школу и до 1962 г. работал матросом, а затем боцманом на судах дальнего плавания. Валерий Евгеньевич пишет:

«В этом (Гомера) весьма подробном описании нетрудно признать Балаклавскую бухту, уникальное творение природы, равного которому нет не только на Черном море, но и в Мраморном, и в Эгейском, и в Средиземном. Автор (сам Возгрин – В. К.), в свое время много лет отдавший морским плаваниям, видел лишь одну бухту, подобно Балаклавской защищенную от волнения узким и извилистым входом, — в глубине острова Сан-Себастьян, но вряд ли ее Гомер имел в виду: путешествие Одиссея к берегам Бразилии гениальный грек, конечно, измыслить не мог».

Листригоны
Римская фреска I в. до н. э.

Видимо, и Александр Куприн не сомневался в том, какой народ населяет Балаклавскую бухту. В его изумительной по красоте и поэтичности повести «Листригоны» (это не ошибка, встречается и такое написание), Куприн упоминает и Гомера, и Одиссея, и святилище богини Девы, которой поклонялось горное племя.

«Ведь всего в четырнадцати верстах от Балаклавы грозно возвышаются из моря красно-коричневые острые обломки мыса Фиолент, на которых когда-то стоял храм богини, требовавшей себе человеческих жертв! Ах, какую странную, глубокую и сладкую власть имеют над нашим воображением эти опустелые, изуродованные места, где когда-то так радостно и легко жили люди, веселые, радостные, свободные и мудрые, как звери».

Про «радостно и легко» – это, конечно, художественное преувеличение. Я не стала сокращать красивую цитату, однако херсонесские греки, современники тавров, свидетельствуют о своих соседях прямо противоположное. Жестокие нравы и кровавые оргии тавров описывает «отец истории» Геродот (V в. до н. э.):

«У тавров существует такой обычай: они приносят в жертву Деве потерпевших кораблекрушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы... сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибывают к столбу... Живут тавры разбоем и войной».

Страбон – авторитетнейший историк и географ рубежа нашей эры, связал воедино и святилище Девы, и Балаклавскую бухту, которую называл Симболон, и тавров, которые по берегам этой бухты «устраивали свои разбойничьи притоны».

Тацит – не менее авторитетный римский историк и писатель, описывает события 49 г., когда тавры напали на потерпевших кораблекрушение римских легионеров и почти всех их уничтожили.

Тавры и их человеческие жертвоприношения упоминаются многими авторами вплоть до V в. н. э.

«Тавры — народ многочисленный, ведут они жизнь горцев или кочевников, по свирепости — варвары и убийцы, умиловляющие своих богов злодеяниями». (ВДИ, 1948, № 4, 235.)

Соседствуя с греками и скифами, автохтоны осуществляли с ними разнообразные контакты. Они враждовали и торговали, вступали в воинские союзы и создавали семьи. На это указывают эпиграфические памятники.

В греческом Пантикапее найдено надгробье с эпитафией, датированное V веком до н. э.:

«Памятник Тихона. Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон».

Мало того, что тавр с греческим именем Тихон, а ещё и *«для многих желанный»*.

Надпись I в. н. э. прославляет боспорского царя Аспурга, который *«подчинил скифов и тавров»*. Надпись на надгробии в Херсонесе повествует о том, что в могиле похоронены двое вольноотпущенников, одного из которых убил тавр.

Это мы ещё не касались археологии. В греческих городах Тавриды найдено множество черепков керамики клеймённых этнонимом «тавр». В некоторых курганах рядом со скифским воином похоронены женщины в таврских украшениях и присутствует таврская керамика.

Ассимиляция была неизбежна и тавры растворялись в более многочисленных и сильных племенах поздних скифов. С началом новой эры античные авторы уже называли крымских варваров тавро-скифы или скифо-тавры. Последнее упоминание о них датируется X веком.

Тавры исчезли. Но бесследно ли?

В своём труде «Исторические судьбы крымских татар» В. Е. Возгрин излагает интересную версию, выдвинутую в XIX веке замечательным учёным, исследователем Крыма Петром Кеппеном.

...«он высказал не такую уж невероятную гипотезу о том, что тавры, будучи в средние века сильно татаризованы, остались жить на старых местах, но уже под иным именем и перейдя постепенно на татарский язык, заимствовав мусульманскую веру».

Возгрин относится к этой версии с доверием и пишет, что её подтверждают *«весьма точные наблюдения антропологов, которые еще в конце XIX века пришли к выводу о том, что «тавары» гор и Южного берега «ничего не имеют общего с татарами в том смысле, как мы привыкли понимать это слово».*

Письменные свидетельства древних авторитетны. Но они не отвечают на многие вопросы. Каково происхождение тавров, откуда они появились, чем занимались, чего достигли и, наконец, что от них сохранилось?

На эти вопросы отвечает археология. Мало ли что писали древние! Вот, например, поразительное различие: если тавры занимались грабежами и пиратством, то где награбленное? В таврских захоронениях из импорта найдены только греческие бусы из стекла. И это вся добыча безжалостных пиратов? Разгадку Клио хранит до сего дня. В этом месте я обычно говорила ученикам: «Выучитесь, станете учёными археологами и найдёте объяснение».

Может быть, тавры – выходцы с Кавказа? Они преодолели Керченский пролив и осели в Крымских горах и на побережье? Есть сходство артефактов таврских захоронений с предметами кобанской культуры, свойственной Кавказу. Ещё существует гипотеза, что тавры –

это остатки киммерийцев, вытесненные скифами и прижившиеся в Крыму.

Важным звеном в развязывании подобных узлов является язык изучаемого народа. Но язык тавров не сохранился. Сохранилось одно (!) слово. Оно содержится в анонимном описании Понта Эвксинского II в. н. э. Это слово – Ардабда, в переводе с иранского «семибожная». В описании сказано, что так звучало название Феодосии «на аланском или таврском языке». Основываясь на этом, с большой долей сомнения можно предположить ираноязычность тавров.

Археология даёт пищу антропологам. Краниологи – специалисты по изучению черепов относят черепа таврских захоронений к понтийскому с небольшой примесью средиземноморского этническому типу.

Таврский каменный ящик

Всё же большинство историков считает, что тавры сформировались из местных, крымских племён. Аборигены, автохтоны в полном значении слова.

Поразительные памятники таврской материальной культуры – погребальные каменные ящики. Ещё

в XIX веке путешественники отмечали их сходство с дольменами Швейцарии, Кавказа и Бретани. Захоронение тавров может состоять из десятков каменных ящиков, расположенных рядами. Есть могильники из нескольких погребений, есть единичные.

Четыре боковые плиты каменного ящика наполовину зарывали в землю. Пятая перекрывала гробницу сверху. Плиты откалывали от каменных пород, вбивая клинья – та же технология, что при строительстве египетских пирамид – и доставляли на расстояние до километра к месту погребения.

Каждый из таврских ящиков был немногим более метра длиной, метр шириной и метр высотой. Каменные усыпальницы не предназначались для одиночного захоронения: это был родовой или семейный склеп. Покойников в него укладывали на бок в скорченном положении, слоями. Когда ящик наполнялся, «старые» кости вынимали и оставляли только черепа. В каменном ящике Мал-Муз в Байдарской долине обнаружено 68 черепов. Вместе с умершими вкладывали посуду, оружие, конскую сбрую, украшения, в том числе греческие бусы. Все таврские могильники в Крыму, кроме одного Мал-Музского, разграблены.

Если с таврскими погребениями у археологов всё в порядке, то поселение тавров в горах обнаружено всего одно: на горе Кошка у Симеиза на 1,5 га найдены остатки нескольких домов. Как такое может быть? Учёные решили, что это связано с кочевым образом жизни тавров. Однако, когда была разработана обширная кизылкобинская культура предгорий, в которой немало аналогий с таврской, появилось мнение, что кизылкобинцы и есть ранние тавры. Ключевые слова тут «горы» и «предгорья».

Инерционно десятки лет учёные придерживались

версии, высказанной Бонч-Осмоловским в 1926 году, что кизилкобинцы – это тавры.

Кизилкобинская археологическая культура, кизилкобинская племенная общность – название дано по имени Кзыл-Коба – Красная пещера в переводе с крымскотатарского. Исследованием уникального природного и исторического объекта А. А. Щепинский занимался десятки лет. Именно об этом написана его монография «Красные пещеры». В ней Щепинский выступает против отождествления тавров с кизилкобинцами и выдвигает свою версию.

Красные пещеры

Не могу вновь не отметить особенности литературного почерка Щепинского. Книгу «Красные пещеры, как и все научные и научно-популярные сочинения Аскольда Александровича, отличает богатство языка, безукоризненный стиль, высокая культура и интеллигентность. Подробнейшим образом подана историография – названы славные имена исследователей Крыма, начиная с Сумарокова, написавшего в 1805 году книгу о Крыме и до наших дней. С восторгом пишет Щепинский о К. С. Мережковском.

Помимо археологического и исторического аспектов Аскольд Александрович подробно описывает флору и фауну Долгоруковской яйлы, вдоль которой расположены Красные пещеры, глубоко вникает и подробно освещает вопросы карстоведения, гидрогеологии, географии и геологии, поднимает природоохранные проблемы.

С первых строк книги «Красные пещеры» явствен-

но ощущается, что горная яйла, каждая тропа, каждая пещера, о которых он пишет, пройдена «собственно-ножно» и изучена автором лично. Истинно так. Этому Аскольд Александрович Щепинский посвятил свою жизнь.

Щепинский увлекательно рассказывает о том, как в 1879 году К. С. Мережковский посчитал пещеру Харанлых-Коба – одно из ответвлений Красных пещер – необитаемой, из-за того, что весной и в пору летних гроз пещера промывалась неукротимыми потоками воды с Долгоруковской яйлы. А через 35 лет в возвышенной, непотопляемой части пещеры краевед и археолог С. И. Забнин выявил три культурных слоя.

Река Кизилкобинка в Красных пещерах

В верхнем находились обломки керамики римского времени, в среднем – артефакты скифо-сарматского периода.

В нижнем слое содержались серповидные пилы, наконечники копий, скребки, костяные заколки, раковины с просверленными отверстиями, черепки лепной посуды, следы очага, возле которого кости лошади, сви-

нью, овцы, оленя. Нижний культурный слой относился к раннему железному веку.

«Так летом 1914 Сергей Иванович Забнин, сам того не подозревая, стал первооткрывателем новой, ранее неизвестной археологической культуры».

А. А. Щепинский. «Красные пещеры».

Последовавшие в течение XX века изыскания привели к открытию по всей протяженности предгорий нескольких сот мест – поселений и погребений – относящихся к кизилкобинской археологической культуре. Было установлено, что кизилкобинцы появились в Крыму в конце IX-VIII вв. до н. э. и просуществовали до III-II вв. до н. э.

Кизилкобинцы

Основной аргумент, по которому кизилкобинцев связали с таврами – каменные ящики. Почти такие же, как у тавров. Почти, да не совсем. Кизилкобинские меньше размером. Боковые стенки сложены из нескольких плоских камней. Захороненных, в основном, двое – четверо. Сверху насыпан небольшой курган из земли или мелких камней.

В широких плодородных речных долинах или крупных балках были обнаружены следы кизилкобинских поселений. Главное архитектурное сооружение поселений – яма, хотя жили и в хижинах, и в пещерах, и под навесами. Ямы разных размеров и форм вырывали под жилище и под хозяйственный погреб, как зернохранилище и как место отправления культа: в ямах возжигали ритуальный огонь и приносили жертвы.

Наиболее распространённым элементом, опреде-

ляющим общность кизилкобинцев – среди огромного количества разнообразных артефактов – является лепная, лощёная (заглаженная) керамика: блестящие чёрные черепки и более грубые, шероховатые. Иногда орнаментированные врезным изображением.

До конца не объяснено, почему в глубинах мокрых, неосвещённых, мрачных пещер находят черепки кизилкобинской посуды с рисунками, символизирующими солнце, дожди и молнии, и там же кости и десятки черепов животных, сложенные чёткими рядами, «лицом» к выходу из пещер. Логичное объяснение в том, что пещеры являлись местом исполнения культов. Они могли быть естественным храмом, жилищем богов.

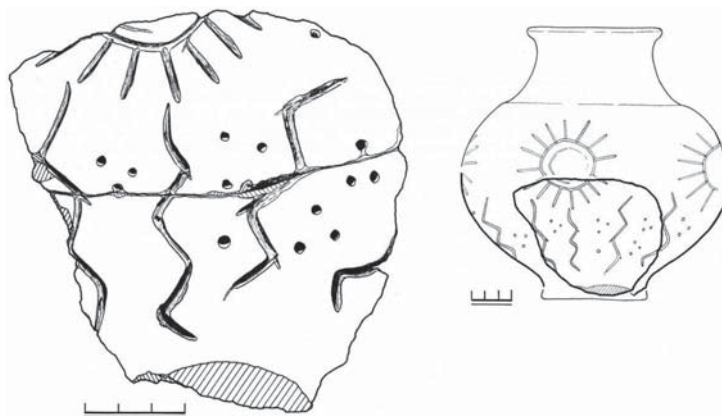
Может быть, именно об этом пещерном святилище писал в «Метаморфозах» Овидий.

Есть в стране киммерян пустая гора с каменистой
Мрачной пещерой; издавна там
Сон обитает ленивый.
Феб не сияет; лишь тонкий туман,
от земли поднимаясь,
Влажной стелется мглой
и сумрак сомнительный светит.
Медленной струйкой Летийский ручей,
по хрящу пробираясь,
Слабым, чуть слышным журчаньем
сладко наводит дремоту...

Перевод В. А. Жуковского

Тут я хочу обратить внимание на рисунок того самого черепка, по которому нанесены символы: солнце, дождь и молнии. Рядом с ним изображён реконструированный сосуд. Такова ткань работы историка: кро-

шечный обломок рассмотреть, осмыслить. Не фантазировать, а изучить аналоги и тогда только попробовать восстановить форму и сделать предположение, а затем вывод. Разбираться в этих и множестве иных подробностей очень интересно. Но всё же главным вопросом остаётся вопрос идентификации.

Черепок и реконструированный сосуд кизилкобинцев

«...Сложен вопрос и с кизилкобинцами. Если это один из известных древним авторам народов, то какой именно? Как с уверенностью увязать между собой скудные, нередко противоречивые свидетельства античности и обильный археологический материал? Одни исследователи видят в кизилкобинцах киммерийцев, другие – ранних тавров, третьи выделяют их в самостоятельную культуру».

А. А. Щепинский. «Красные пещеры».

В 1962 г. проводились новые исследования. В Кизилкобинском урочище в 1962 г. раскопки вели А. А. Щепинский и О. И. Домбровский, в зоне Симферопольского водохранилища раскопками руководили А. Д. Столяр и А. А. Щепинский, у села Дружного, в урочище Таш-Джарган и близ Марьино у Симферополя, в долине реки Качи и других местах работали экспедиции под ру-

ководством Щепинского. По результатам этих раскопок Аскольд Александрович и другие учёные приходят к выводу, что тавры и кизилкобинцы – представляют разные культуры эпохи раннего железа. Я сознательно перечислила места работы экспедиций и деятельность А. А. Щепинского в них. Это всеохватное участие само по себе придаёт авторитетность выводам учёного. Те же выводы подтвердили и раскопки 1969 и 1970 годов.

«Новый материал мало-помалу накапливался, раскопки позволяли что-то уточнить, в чем-то усомниться. Поэтому в 1977 г. автор этой книжки вновь вернулся к «кизилкобинской теме» и опубликовал развернутую аргументацию положений, высказанных им ранее: кизилкобинцы и тавры – племена разные, хотя и жили они в одну историческую эпоху, жили по соседству, отчасти даже на одной территории».

А. А. Щепинский. «Красные пещеры».

Мой поверхностный очерк не содержит и доли действительно развёрнутой аргументации Щепинского, с описанием десятков изучаемых мест, схемами, фотографиями, детальными сравнительными зарисовками, размышлениями, анализом мнения оппонентов. Его выводы складываются в стройную гипотезу. Тем не менее, Аскольд Александрович в книге «Красные пещеры» подаёт её осторожно. Я бы сказала деликатно.

«Трудно о той далекой поре говорить с полной уверенностью: было так или вот этак. Приходится добавлять: возможно, по-видимому. Во всяком случае, формирование и развитие кизилкобинской и таврской культур шло (по-видимому!) двумя параллельными путями. Один из них пролег предположительно по линии «кемиобинцы – тавры», другой – по линии «позднекатакомбная культура – киммерийцы – кизилкобинцы».

...Когда равнинную часть Крыма стали занимать кочевые скифы, отступившие под их натиском киммерийцы (они же кизилкобинцы) нашли здесь, в горах, благоприятную для себя почву. Хотя племена эти и вошли в тесный контакт с таврами, тем не менее, еще долго сохраняли свои традиции и, очевидно, определенную независимость».

А. А. Щепинский. «Красные пещеры».

Сомнения по поводу идентификации кизилкобинцев остаются по сей день. Профессор Таврического национального университета И. Н. Храпунов пишет:

«Тенденция считать кизил-кобинскую культуру таврской сейчас господствует в науке. Однако тем, кто придерживается этой точки зрения нельзя игнорировать различия между горными и предгорными памятниками».

И. Н. Храпунов. «Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке».

Интересно, что одним из главных аргументов учёных, отождествляющих тавров и кизилкобинцев является то, что ни античные историки, ни греки-колонисты не указали в своих описаниях никакого иного народа Крыма, кроме тавров. Приходится согласиться, что аргумент веский. Однако логика размышлений, аргументация и собранные Щепинским собственно-ручно материальные подтверждения столь убедительны, что невольно увлекаясь, становишься их приверженцем.

* * *

По мере узнавания тает высокомерие по отношению к «стародавним» временам. И верно: в небольшом пространстве Крыма так или иначе сосуществовали

высоколобые греки, создавшие свои прекрасные города, тавры – жители труднодоступных вершин, кизилкобинцы – земледельцы и скотоводы предгорий. Степной, равнинный центр полуострова заполнялся племенами, которых не привлекли ни высокие горы, ни удобные бухты. Они были всадники. Они были воины. Они были скифы.

Скифы

Мы – те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.

Вкруг моря Черного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

Что были мы? – Щит, нож, колчан, копье,
Лук, стрелы, панцирь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налеты, – все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Валерий Брюсов

Скифы – народ-призрак. В VII веке до н. э. многочисленные кочевые орды «откуда-то из Азии» устремились на запад и заполнили степи и лесостепи Восточной Европы, Северное Причерноморье, в том числе и Крым. Так сложилась Великая Скифия. Через тысячу лет скифы растворились, ассимилировались, не оставив прямых наследников. Учёные не могут однозначно объяснить их генезис, феномен внезапного появления, исчезновения, уровень развития, истоки уникального искусства.

Скифы

Изображение на вазе из кургана Куль-Оба под Керчью

Тем не менее, скифы являют собой тысячелетнюю цивилизацию с выраженной линией взлёта и падения, рельефной политической историей, ярким искусством. По мере развития скифологии становится всё более очевидным, что роль скифов в мировом историческом процессе намного значительней, чем первоначально отводилась «народу-призраку».

Глубоко почитаемый мной Валерий Евгеньевич Возгрин пишет:

«Огромна роль, которую скифы сыграли в распространении, передаче великих античных культур населению остальной Европы... В целом, скифы стали связующим звеном между Азией и Европой — даже

на далеком Севере со скифской поры встречаются предметы искусства, созданные по античным образцам, — речь идет о местах обитания мари, коми, удмуртов, пермяков (Смирнов А. П., 1966, 5). Поэтому если рассматривать роль скифов в масштабе мировой культуры, то они заняли в истории цивилизаций Европы третье место — вслед за греками и римлянами... Они наложили свой неповторимый отпечаток на все дальнейшее развитие культуры европейского типа, определили культурный расцвет «варварской» Европы, а затем Европы средних веков и Возрождения».

В. Е. Возгрин. «История крымских татар».

Скифская цивилизация опиралась на два революционных преобразования: освоение и внедрение железа и переход к кочевому скотоводству.

Многочисленные изображения скифов, а также антропологические реконструкции не оставляют сомнений в том, что скифы были европеоидами. Утверждение поэта: «Да, скифы мы! Да азиаты мы! С раскосыми и жадными очами!» — поэтическая вольность. Прародиной скифов был какой-то, не определённый точно, регион Евразии, но принадлежали они к индоевропейской семье народов и говорили на диалектах древнеиранского языка. Древние номады принесли с собой уже вполне сформировавшуюся культуру в виде знаменитой скифской триады, а именно: характерный тип вооружения, конская сбруя и искусство звериного стиля. Ни одна из составляющих этой триады не имела аналогов в Европе. Есть учёные, которые добавляют к этой триаде еще и бронзовые литые котлы на конической ножке и бронзовые дисковидные зеркала с ручкой.

* * *

Геродот приводил три варианта происхождения скифов: легенду о «первочеловеке» Таргитае и его сыновьях, рассказанную самими скифами, легенду о брачном союзе Геракла со змееногой богиней Девой, рассказанную эллинами, живущими на Понте. У самого «отца истории» наибольшее доверие вызывала третья версия – менее на сегодняшний вкус сказочная, более наукообразная.

«Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли Аракс (Сыр-Дарью) и удалились в Киммерийскую землю».

Я уже приводила эту легенду в главе о киммерийцах. Напомню, что при приближении скифов у киммерийцев произошла междоусобица и *«пришедшие скифы завладели безлюдной страной»*.

Вообще читать Геродота одно удовольствие! Тексты его живописны и художественны. Я представляю, какое наслаждение испытывают учёные, глубоко и подробно вгрызаясь в них, разбираясь в том, что миф, а что имеет историческое основание, нуждается в анализе, в поиске аналогов.

К примеру, скифы рассказали Геродоту миф о Таргитае и трёх его сыновьях, получивших небесные дары: упряжку быков, плуг, копье, стрелу и чашу. От сыновей Таргитая произошли три скифских племени. Миф имеет аналогию с древними персидскими легендами, рассказанными Александру Македонскому. В них говорится, что племена саков, жившие в Средней Азии, получили с небес дары, причём перечисляются точно такие же дары, как и в скифском мифе. Учитывая, что

язык скифов принадлежит к североиранской группе, миф, при всей своей фантазмагоричности, подтверждает гипотезу о переселении скифов в Северное Причерноморье из Центральной Азии.

Или вот аргоро – пример героической поэтики:

«В области, лежащей ещё дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно. Земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению.

...Об упомянутых перьях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух, и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймёт меня; ведь снежные хлопья похожи на перья, и из-за суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями».

Геродот. История, IV, 7.

* * *

Заполонив в VII в. до н. э. Восточную Европу, скифы повернули на юг, перевалили через Кавказский хребет, разгромили Урарту и вторглись в средоточие древневосточных цивилизаций. Скифские всадники победоносно пронесли по сказочно богатым странам Передней Азии: Мидии, Вавилонии, Ассирии, Финикии, Палестине, создав угрозу даже Египту. Опустошительные скифские набеги описаны в трудах историков и старинных документах. Древние авторы рассказывают

о неукротимом буйстве скифов, свирепости и творимых варварами насилиях. Тысячи наконечников скифских стрел, следы пожарищ и разрушений находят в подтверждение этому современные археологи в раскопах древних городов.

Бесчинства скифов в Передней Азии длились 28 лет. Отмщение пришло в лице мидийского царя Киаксара, который, по свидетельству древних авторов, пригласил скифских вождей и военачальников к себе во дворец на «дружеский» пир и, напоив их до беспамятства, приказал всех перебить. Обезглавленное войско во избежание полного разгрома покинуло Переднюю Азию и с тех пор, с конца VII века до н. э. ареалом их обитания оставались только степные и лесостепные области Восточной Европы.

Примерно через 200 лет, в 512 году до н. э., 700-тысячная армия персов с царём Дарием I из династии Ахеменидов во главе вторглась с запада в земли скифов. Скифы с войском в 200 тысяч отступили и, заманивая персов вглубь своей территории, непрерывно уничтожали их атаками конницы. Они засыпали колодцы и сжигали растительность на пути персов: сожжённые травы лишали конницу врага кормов. Измотанные воины Дария повернули назад. Античные историки пишут, что греки-наёмники случайно оставили неразобраным мост из сдвинутых кораблей, выстроенный через Дунай к военной кампании, и это спасло Дария и остатки его войска. Скифы в тогдашнем мире снискали славу непобедимых.

Следующая страница политической истории скифов – противостояние царя Атея и Филиппа Македонского в середине IV века до н. э. В решающем сражении в Поднепровье македонская фаланга оказалась более эффективной, чем численно превосходящая её

скифская конница. Филипп одержал победу, 90-летний скифский царь Атей, суровый, закалённый в боях воин, пал на поле боя.

Правление Атея историки считают временем наивысшего расцвета Великой Скифии. Через 8 лет после поражения скифы, видимо усвоив урок, полученный от македонян, до последнего солдата разгромили войско наместника Александра Македонского, Зопириона, осадившего Ольвию. Между греческой колонией и скифами существовал в то время военный союз.

Важной, во многом определяющей чертой скифской цивилизации была её открытость сотрудничеству и обмену с внешним миром. Скифы наладили политические, экономические, культурные отношения с греческими колониями Северного Причерноморья, а через них вошли в систему мировых связей.

«Появление греческих колоний на северном берегу Черного моря было решающим моментом в истории Скифской державы... Через греческие колонии северного побережья Черного моря скифская, прочная и могущественная держава вступила, как и Персия, укрепившаяся на берегах Малой Азии, в тесное общение со всем культурным миром и вошла, как немаловажный фактор, в политическую историю того времени».

М. И. Ростовцев. «Эллинство и иранство».

Именно в конце IV в. до н. э. возводятся грандиозные скифские курганы с пышными гробницами. Курганы царей и знатных скифов — это огромные земляные насыпи высотой до 20 м и диаметром основания более 200 м.

Геродот ярко и красочно описал похороны скифского царя. Умершему рыли большую четырехугольную могилу. Тело его бальзамировали: извлекали внутренности, заполняли пустоты ароматическими травами и

покрывали труп воском. Затем на траурной колеснице покойного царя возили по подвластным племенам. Скифы в знак траура отрезали себе часть уха, расцарапывали рот и нос, протыкали стрелами левую руку. После этого царя хоронили. Вместе с ним хоронили одну из его жен, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, коней, отборный скот и зарывали золотые сосуды. Над могилой насыпали курган, стараясь сделать его как можно выше. Курганы царей, знатных скифов — это огромные земляные насыпи высотой до 20 м и диаметром основания более 200 м. Когда умирал рядовой скиф, то покойника везли лишь к родственникам и друзьям. Каждый из них устраивал поминки. Этот обряд длился 40 дней, после чего происходили похороны. Через год вокруг кургана расставляли 50 чучел царских коней и прикрепляли к ним убитых слуг.

Содержимое курганов важнейший источник знания о скифах. Оно дополняет, а часто уточняет и корректирует сведения, почерпнутые из трудов античных авторов. Драгоценная посуда и утварь, еда, одежда, украшения, оружие, конская сбруя предназначались для сопровождения умерших в лучший из миров. На них представлены сцены скифской жизни, военные эпизоды. По этим изображениям можно судить о внешнем облике скифов, обычаях, вооружении и одежде, верованиях, взаимоотношениях с природой.

Всему свету известны скифские курганы Чертомлык и Толстая могила возле Никополя, Солоха в Запорожской области, и, конечно, Куль-Оба под Керчью.

Взаимодействие с античным миром вознесло на невероятную высоту скифское искусство. Скифскими, но чаще греческими художниками созданы редкостные произведения. Многие из них — безусловные ше-

девры. Интересная особенность: греческие мастера, выполняя заказы скифской знати, сохраняли в своих изделиях скифский звериный стиль, зооморфный орнамент.

Великолепный, загадочный и неповторимый звериный стиль. Яркий образец культуры древнего кочевого народа. Главная тема – обличья животных, выполненные в оригинальной трактовке и особой манере. Использовался конкретный набор образов: птицы; хищники породы кошачьих, свернувшиеся кольцом; иногда волк; копытные: олени, косули, чаще в виде жертвы; мифический грифобаран. Животные изображены во взаимодействии, в сплетении. У всех преувеличены органы нападения: клювы, когти, зубы. До сих пор учёные не могут проследить преемственность скифского звериного стиля от более древних художественных форм. Как будто это великолепие возникло сразу и из ничего.

Мастер на бляхе искусно
Грозного пса и в могучих
Когтях у него молодую
Лань изваял; как живая
Она трепетала, и страшно
Пёс разъярённый глядел.

Гомер, Одиссея, 225.

* * *

Понятно, что центром притяжения скифских интересов в Крыму был греческий Боспор. Поэтому известно немало скифских захоронений раннего периода, VII-IV веков до н. э. на подступах и на самом Керченском полуострове. Тут встречаются погребения рядо-

вых воинов и знати, с богатым инвентарём, с золотыми и бронзовыми украшениями работы греческих мастеров.

«Самой обычной находкой в скифских погребениях становятся греческие амфоры – сосуды для перевозки вина и оливкового масла. Совсем недавно близ поселка Советского на трассе будущего канала экскаваторщики случайно обнаружили скифское погребение IV века до н. э. с четырьмя амфорами. По клеймам на горлах амфор было установлено, что три из них изготовлены в древнегреческой Гераклее, четвёртая – на острове Самос в Эгейском море.

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Поселений или городищ в этот период у скифов не было. Они кочевали по степи вслед за своими стадами в четырёхколёсных или шестиколёсных войлочных кибитках, устроенных *«подобно домам – одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды, ни для снега, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов...»* (Гиппократ.)

Во время работы Северо-Крымской экспедиции скифские захоронения были найдены и в северном Крыму. Эти погребения были совершены в насыпях уже существовавших курганов. Щепинский пишет, что в северном Крыму погребения в основном принадлежали *«низшему слою кочевого скифского населения».*

«Вот одно из скифских погребений у села Мартыновки Джанкойского района. Это простая грунтовая могила. Погребённый лежит вытянуто, головой на запад. На тазе, пересекая его справа налево, – короткий железный меч-акинак, у левого бедра – пучок бронзовых наконечников стрел, плотно прижатых друг к

другу и обращённых остриями к ногам. Когда-то они находились в деревянном или кожаном колчане, уничтоженном временем. От древков стрел, достигавших 60-80 см в длину, до нас дошли только маленькие заострённые концы, сохранившиеся во втулках стрел. В ногах погребённого – кости лошади. Перед нами типичное погребение рядового воина-кочевника.

...Конь играл огромную роль в повседневной кочевой жизни скифа и его военных походах. В одном из погребений у села Танкового близ Краснопереконска в числе прочих предметов конской упряжи найдены два бронзовых фигурных нащёчника, изображающих сильно стилизованные лапы хищников. Они выполнены в так называемом «зверином» стиле, чрезвычайно характерном для скифского искусства в целом... для степного Крыма – это первая подобная находка.

Прекрасными образцами «звериного» стиля являются случайные находки в присивашских районах Херсонщины. Во время разведок сотрудники экспедиции получили в дар от школьников села Водославовка два бронзовых прорезных скифских навершия IV века до н. э. Ребята нашли их в кургане на краю села. На одном из них изображение скифского бога Геракла – Таргитая, оседлавшего дракона и охотящегося на оленя. Изображения на этом навершии необыкновенно выразительны и реалистичны... На втором навершии фантастично воспроизведена кульминационная сцена сражения: крылатый дракон разрывает свою жертву».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Еще одна сторона скифского искусства — каменные изваяния в виде стоящей человеческой фигуры. Их устанавливали на вершине кургана. Щепинский считает, что по этим статуям можно определять кур-

ганы с захоронениями знати. Скульптура не имела сходства с оригиналом, это был обобщенный образ мужчины, грубо вырубленный из монолитного камня. Изображались также атрибуты власти — гривна на шее и ритон в руке. Изваяние передавало образ прародителя скифов Таргитая, земным воплощением которого являлся царь.

* * *

«И вдруг все рухнуло, «кануло в Лету», исчезло как дивный мираж в знойной пустыне.

На рубеже IV и III веков до н. э. или в самом начале III века до н. э. великая Скифская держава навсегда уходит с исторической арены. Замирает жизнь на городищах и открытых поселениях. Не возводятся более курганы, как рядовые, так и «царские». Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы не найдено до сих пор».

В. И. Гуляев. «Скифы, расцвет и падение великого царства».

Считается, что главной причиной падения Великой Скифии стало вторжение сарматов. Это оспаривают археологи. Ранее конца III — начала II века до н. э. признаков присутствия сарматов в Северном Причерноморье не находят.

Исторически рубеж IV и III веков до н. э. обозначил водораздел между 400-летним существованием Великой Скифии и новым периодом истории скифов, длящимся до III века н. э., главной ареной которого становится Таврика. Резиденция скифских царей была перенесена в Крым и более, чем на пол тысячелетия скифы стали здесь определяющим этносом, а полуостров «Малой Скифией» (Страбон).

* * *

Поразительно история более чем 2,5 тысячелетней давности переплелась с сегодняшним днём. Совсем недавно я бродила по залам Центрального музея Тавриды, наслаждаясь созерцанием дорогих моему сердцу черепков, сколов и наконечников.

Скифская витрина
Центральный музей Тавриды

У скифской витрины вглядывалась в тот самый «характерный тип вооружения», в уникальные трёхкрылые наконечники стрел, в железные мечи-акинаки, рассматривала фрагменты особой конской сбруи, панцирь воина с нашитыми железными пластинами, бронзовые нащёчники, выполненные в зверином стиле. По рассказу Щепинского они явились первой подобной находкой в степном Крыму. Навершие в зверином стиле с изобра-

жением дракона, терзающего свою жертву, полученное в дар от школьников, украшало ритуальный шест, которым скифы отмечали место принесения жертвы.

Я испытывала волнение и какое-то глуповатое умиление, возникающее при виде подлинных вещей, аутентичных артефактов, по-научному. Вот она, живая история перед глазами! Что может её потревожить? Сейчас я в тысячный раз рассмотрю знаменитое навершие. Оно вынырнуло из океана времени и упокоилось за стеклом витрины, кажется, навеки. Оно символ Крыма, исторический памятник, можно сказать – свидетель. Не случайно изящное изделие древних мастеров стало эмблемой Центрального музея Тавриды. И вдруг – сюрприз! Вместо навершия, вместо скифского бронзового котла IV века до н. э, вместо наконечников скифских копий, вместо уникальных экспонатов, извлечённых из крымской земли и столетиями хранимых здесь же – листы бумаги с картинкой и подписью: «Экспонат на выставке в Амстердаме».

А дело в том, что в начале 2014-го года в Амстердаме открылась выставка «Крым. Золото и тайны Чёрного моря». После присоединения Крыма к России суд в Амстердаме постановил не возвращать крымским музеям экспонаты выставки. Числом более 2-х тысяч. Вместо этих драгоценных артефактов я и увидела в витрине музея листки с картинками.

Греки

В VII веке до н. э., то есть одновременно с интервенцией скифов в Восточную Европу, с юга, водными путями крымских берегов достигли греки – народ-пас-

сионарий, мореплаватели, торговцы, землеоткрыватели.

«На берегах удобных и безопасных заливов и бухт возникают небольшие торговые фактории. Хлеб, скот, рабы – вот что привлекало сюда колонистов. Через некоторое время здесь уже существовал целый ряд ремесленных рабовладельческих городов-полисов, ставших важными центрами хозяйственной и культурной жизни».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Таврика для греков была «краем света» – таинственным и опасным, населённым варварами. У Гомера Одиссея атаковали людоеды, живущие в – почти что точно – Балаклавской бухте. Это «почти что» мы отнесём времени рассказа – VIII в. до н. э., 2700 лет тому назад.

Гесиод повествует о том, как Артемида, в наказание Агамемнону, похитила его дочь, Ифигению, на облаке отнесла её далеко-далеко в Тавриду и спрятала там. Согласно Геродоту в Тавриде Ифигения стала жрицей Артемиды и приносила в жертву потерпевших кораблекрушение моряков, отрезая им головы и сбрасывая тела со скалы в море. По другой версии она сама стала таврской богиней Девой.

«Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения».

Геродот, История, IV, 103.

Греки, опасаясь нападений воинственных кочевников, занимавших центр и горы Таврики, обосновались на восточном и западном побережье. Они занимались торговлей и рыболовством. С воинственными кочевниками – скифами и племенами, подвластными

им — у колонистов возник активный товарообмен. В результате их небольшие поселения развились в города.

В конце VII в. до н. э. выходцы из Милета основали Феодосию и Пантикапей (Керчь). В V веке до н. э. колонисты из Гераклеи создали Херсонес. Керкини-тиду (Евпаторию) построили греки, прибывшие из Ионии. Города — метрополии располагались на полуострове Малая Азия и крымские полисы не теряли с ними связи.

Боспорская надгробная стела II в. до н. э.
Центральный музей Тавриды

В результате Великой греческой колонизации эллины привнесли в Крым достижения европейской цивилизации. В городах строили храмы, стадионы, театры. Как архитектура, так и действия, их наполняющие, были греческими. Развивалось кораблестроение. Импортировались и осваивались виноград, оливки.

«Пантикапей вскоре стал столицей крупнейшего в Северном Причерноморье античного государства — Боспорского царства. Правители Боспора

объединили под своей властью ряд больших и малых греческих городов Керченского полуострова и Тамани и подчинили некоторые местные племена...

Земли восточного Крыма, по которым в ближайшее время пройдёт трасса канала, в античный период входили в состав этого государства. В IV веке до н. э. в период его наивысшего расцвета ему принадлежала территория до Феодосии включительно. Ежегодные раскопки боспорских городов дают возможность всё более подробно раскрывать различные стороны хозяйственной, культурной и политической жизни этого государства. История его – одна из интереснейших проблем в изучении Северного Причерноморья...

История местных племён и народов всего Крыма, в том числе и степного, в это время так тесно переплетается с Боспором, что не может быть понята без него».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Щепинский шутя говорил, что на раскопках античных городов у моря работают археологи-«аристократы». Он же, подвижник и разведчик, исходил степи и солончаки, горы и яйлы, каньоны и пещеры. Конечно, Крым весь прекрасен. Недавно мне пришлось вновь побывать на северо-востоке полуострова. В этот край я попала впервые с экспедицией А. А. Щепинского. Здесь в Нижнегорском районе Щепинский открыл свой знаменитый Ногайчинский курган – неразграбленное захоронение сарматской царицы полное уникальных художественных изделий.

На этот раз, переправившись через новый мост, от Керчи, дабы миновать пробку под Феодосией, мы свернули с основной трассы на просёлки. По обеим сторо-

нам дорог расстилались замечательно сочные, зелёные поля и холмы, звенящие трелями сверчков, источающие ароматы степных трав. Нераскрытые курганы и сейчас встречались довольно часто. Гармонию и красоту пейзажа подтверждают названия сёл: Яркое Поле, Золотое Поле.

Однажды Горький, осмотрев Херсонес, назвал Крым «золотым дном для истории». Ставшая хрестоматийной фраза истинна. В советское время «золотое дно» копали и исследовали представители едва ли не всех университетов Советского Союза. Чем плохо студентам с преподавателями практиковаться в археологии на прекрасных побережьях? Ну, это шутка. На самом деле, Крым, являясь узловым, срединным историческим местом разрешает многие научные дилеммы, раскрывает тайны минувших тысячелетий.

Сейчас, после затишья перестроечных дней, Крым переживает настоящий археологический бум, связанный с тотальным строительством. Медаль, безусловно, имеет оборотную сторону, но, в целом приносит удивительные плоды

С крымской археологией связаны имена крупных советских учёных: М. И. Артамонова, С. Д. Столяра, А. А. Формозова, Е. В. Веймарна, Т. Н. Высотской, Э. И. Соломоник, П. Н. Шульца.

Студенткой исторического факультета Крымского университета на склоне горы Демерджи, прямо под циклопическими глыбами обвала я раскапывала средневековую крепость Фуна. Нашей практикой руководили крымские археологи Ольга Александровна Махнёва и Константин Константинович Когонашвили.

Мне не пришлось попасть в экспедицию к Олегу Ивановичу Домбровскому – учёному, археологу, художнику, реставратору и педагогу, воспитавшему

поколения ярких, увлечённых, людей. Мой друг геолог Леонид Борисенко хорошо знал Олега Ивановича. Мама Лёши Борисенко кандидат геолого-минералогических наук Евгения Васильевна Львова большую часть жизни посвятила геологии Крыма. Возглавила движение против строительства Крымской атомной станции. На учёные выводы Е. В. Львовой ссылается Щепинский, обосновывая свою теорию галечной индустрии.

В своей книге «Крым. Геология. Жизнь» Леонид Борисенко пишет:

«Весной 1962 года мы с мамой переехали в Симферополь. Жили на проспекте Кирова в пятиэтажке. Иногда мама приглашала к нам своих друзей. Собиралась очень интересная компания.

Например, Олег Иванович Домбровский, живущий этажом выше. У него колоритная внешность, ни в коей мере не соответствующая расхожему представлению об учёном. Он мощный, грузный, с короткой шеей и крупными чертами лица. Похож скорее на грузчика, рыбака, охотника. Он известный археолог, впоследствии автор таких книг, как «Фрески средневекового Крыма» (1966), «Крепость в Горзувитах» (1972), «Столица феодалов» (1973), «Аю-Даг – святая гора» (1975), «Солхат и Сурб-Хач» (1978) и др. Создатель археологической школы в Крыму, участники которой вели и ведут систематические раскопки многих памятников. Особенно большой вклад О. Домбровский внёс в изучение Херсонеса, где им был открыт пока единственный в Северном Причерноморье античный театр.

Благодаря О. Домбровскому-реставратору для человечества спасены такие уникальные объекты искусства, как саркофаг царицы и декоративная живо-

пись из мавзолея Неаполя Скифского, экспонируемые в залах Херсонесского заповедника, византийская фреска VIII века из базилики – самого древнего памятника христианской живописи в Украине. В процессе изучения византийской живописи Таврики художник Домбровский опубликовал и сохранил для будущих поколений изображения средневековых фресок Крыма, к сожалению, впоследствии в значительной степени утраченные.

А. А. Щепинский и О. И. Домбровский

Олег Иванович (или «шеф», как его называли), – писал В. Дублянский, – был богом и отцом для нескольких поколений крымских мальчишек. Суровая и радостная жизненная школа, которую они проходили в его «бродячей академии», в херсонесской «вороньей слободке», в «княжеских палатах». Басмана запомнилась им на всю жизнь. Многие, пройдя все три класса обучения в этой школе («змеёныши», «змеи» и «драконы»), уходили в альпинизм, скалолазание или спелеологию... Перефразируя Гоголя, можно сказать, что вся крымская полевая археология и спелеология в

значительной степени вышла из знаменитого кизилового посоха Олега Ивановича. И может быть, это главное, что он сделал в своей жизни!»

Я не знаю, какие взаимоотношения были у Аскольда Александровича Щепинского и Олега Ивановича Домбровского. Судя по фото – деловые. Они работали в разных экспедициях. Но нет сомнений – неизбежно пересекались их научные интересы, как были переплетены судьбы крымских эллинов и степняков-скифов.

Охватывая в своих археологических изысканиях огромные пласты крымской истории, А. А. Щепинский постоянно наблюдал и фиксировал устойчивые связи степняков и жителей античных городов. Я писала, как он мгновенно идентифицировал найденную мной золотую змейку: «Греки!». Впрочем, с его опытом...

ПМ

Группа разбрелась по кургану и вокруг него в поисках подъёмного материала (ПМ). Первейший этап любых раскопок: и курганов, и поселений, и стоянок – это поиски всего, что находится сверху, на земле, в траве, в верхнем грунте. Потом всё это внимательно рассматривают и сортируют. Я видела вещи удивительные, найденные сверху. Сама находила кремневый наконечник стрелы, кованый четырёхгранный гвоздь, древние черепки. Честно говоря, я до сих пор не очень понимаю, как артефакты, явно старинные, выбираются из «глубины времени», из-под земли (под землёй – понятно!) на поверхность. Но выбираются. Культурный слой на метровой и более глубине, а вещи из него на поверх-

ности. Этому конечно есть научные объяснения – я их читала. Но всё-таки удивительно.

Иное дело берег моря. Мой родной Крым, имеющий своей историей европейскую античность, просто изобилует черепками греческой, римской и византийской керамики по всему побережью. Особенно в местах, не очень освоенных. Дело в том, что греческие галеры и парусники, начав посещать Таврику примерно с VI-V веков до н. э, бывало, тонули при приближении к её берегам и до сих пор лежат на дне, занесённые песком, заросшие водорослями. Вначале греки и называли Чёрное море Понтом Аксинским, то есть Морем Негостеприимным. Страбон в своей «Географии» предполагает, что это связано со сложностями навигации. Правда после успешной колонизации греки же с наивной прямолинейностью называли Чёрное море Понтом Эвксинским, то есть, наоборот, Гостеприимным.

Подсчитано, что среди множества затонувших в Чёрном море и не изученных судов всех времён и народов, 40 – древнегреческие. Такую статистику приводит «Крымская газета» 18.12.2015. Кое-что уже найдено и поднято. В том числе целые или почти целые амфоры.

А море расколачивает оставшиеся сосуды и выбрасывает обломки на берег. Огромное их количество мы находили в районе посёлка Межводное на полуострове Тарханкут – западной оконечности Крыма. Черепки подбирали на прибрежной полоске и в местах, где неоглядная степь уходит под воду пористыми каменными террасами. Мальчики нашей экспедиции бродили по террасам по колено в воде и доставали со дна яркие мокрые терракотовые обломки.

Вероятно, наблюдая это и под впечатлением количества черепков, Аскольд Александрович Щепинский с отрядом подводников в 1975 году обследовал прибреж-

ную акваторию Каркинитского залива. Описание этих исследований мне найти не удалось. Но не сомневаюсь, что результат был. Западное побережье Крыма до самого Перекопского перешейка было местом греческих поселений, стремительно выросших тут на рубеже III и II века до н. э. и включенных в зону Херсонесского государства. Поселения, по мнению учёных, разрушились и ушли под воду в связи с подъёмом уровня мирового океана. Этот же район – северо-запад был территорией скифских поселений и множества курганов вокруг. А значит, местом греко-скифской торговли, и, значит, причалом для греческих судов. Всё это объясняло обилие обломков и обещало интересные подводные находки.

«Не исключено, что к одному из таких поселений, расположенному в небольшом заливе у с. Портовое, в античное время по мелководному Каркинитскому заливу подходили за зерном лёгкие плоскодонные лодки с судов, стоявших на рейде в открытом море».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Северное Присивашье».

Возвращаясь к черепкам, извлечённым из воды мальчиками нашей экспедиции, то каждый из них Аскольд Александрович внимательно рассматривал. Если на черепке обнаруживался фрагмент рисунка, или, паче того, клеймо мастера – это была историческая ценность. Такой черепок получал шифр и переправлялся в лабораторию.

Но фрагментов было множество – всех не сохранить, не изучить, не склеить. Да и бессмысленно. «Неважные» черепки – страшно сказать – выбрасывали! У меня же, романтика и дилетанта, любой обломок вызывал восторг. У меня пальцы цепенели, когда я держала их в руках. Настоящие! Античные! Аутентичные! Несколько таких «неважных» я привезла в школу и выложила в витрине

кабинета истории. Я рисовала на доске амфору, а ученики угадывали, какой её частью является черепок. Вот ручка – я прикладывала ручку к рисунку, а вот пузатенькая

Ручки амфор с клеймами
Центральный музей Тавриды

боковинка, а вот горлышко. Дети передавали глиняные фрагменты из рук в руки осторожно, чуть дыша, нюхали и даже пробовали, лизнув кончиком языка. Они чувствовали мою искренность и заражались восторгом!

Каково же было моё изумление, когда спустя много лет, уже в Израиле, мой ученик Аркаша Гольд принёс на урок истории черепки: донышко, боковушку, несколько мозаичных кубиков и несколько ручек амфор. «Мы ездили в субботу на пляж Пальмахим, и я нашёл это. Там много...»

Тут нечему удивляться. Черноморское побережье, это периферия античного мира, а Восточное Средиземноморье – средоточие древних цивилизаций.

И замкнулся круг: ручка древней амфоры, прило-

женная к рисунку на доске. Старинные обломки, которые дети передают из рук в руки, нюхают и даже пробуют, лизнув кончиком языка...

Эти черепки и сейчас лежат на моей книжной полке. Они для меня стали дороже любых сувениров. Они – подлинные!

Синтез двух культур, – греческой и скифской, – сложившийся по обе стороны Керченского пролива, именуется в среде учёных «Боспорский феномен». Это уникальное историческое явление требует отдельного рассказа.

Боспорский феномен

В чём же феномен?

Во-первых, феноменально большое количество курганов. Изучая литературу, я сталкивалась с мнением учёных, что такого сосредоточения курганов, как на Керченском полуострове Крыма, в существовавшем десять веков два тысячелетия назад Боспорском царстве нет нигде в мире. Курганы окружали античные поселения по обе стороны Керченского пролива. Самый обширный некрополь окружал Пантикапей (Керчь). Тут курганные группы тянулись цепочками, образуя целые хребты. Один из них так и называется Юз-Оба – «Сто холмов» Генуэзские купцы, освоившие Крым в средневековье, называли Керчь «Аспромонте», что означает «город холмов».

Русский учёный, исследователь Крыма Пётр Иванович Кёппен писал в 1836 году:

«Кто видел курганы, рассеянные по необозримой равнине, кто видел их при рассвете ..., тот поймет,

какое впечатление должны были производить на обитателя пустыни такие возвышения...»

В окрестностях Керчи число курганов было столь велико, что керченский градоначальник Ф. Ф. Вигель, сосчитав 1200, отмечал, что «и половины не сосчитали».

Отдельные курганы достигали в высоту 25 метров. Но, в основном, их высота равнялась 5-10 метрам.

«К сожалению, никто из исследователей Боспора не сумел составить карту или даже просто пересчитать все курганы, расположенные по берегам Керченского пролива, да и задача эта сейчас представляется почти непосильной. Ясно другое – курганов здесь было очень много, многие сотни или, скорей, даже тысячи. Сейчас уже трудно поверить, но в середине XIX века, по словам П.П.Сабатье, человек, вышедший из Керчи, оказывался «между архипелагом курганов».

Ю. А. Виноградов.

«Курганный некрополь Пантикапея».

Во-вторых, поистине феноменальна архитектура подкурганных сооружений Боспора, что видно даже на фотографиях. Гробницы представляют собой каменный склеп из одной или нескольких камер, к которому ведёт коридор – дромос. И склеп, и дромос сложены из циклопических глыб с уступчатым перекрытием. Каждый вышележащий ряд выступает над нижним. Каменные блоки тщательно вытесаны и идеально подогнаны друг к другу. Уступчатую конструкцию завершают горизонтально уложенные плиты.

Некоторые погребальные камеры, дромос, а также саркофаг были оштукатурены и покрыты многоцветными многофигурными росписями, орнаментами или резьбой. Усыпальницу наполнял разнообразный инвентарь, видимо, необходимый хозяину кургана в потусторонней жизни.

Начало возведения курганов Керчи относят к V веку до н. э. Самые великолепные, поражающие своим строением, внутренним убранством, изобилием и художественным уровнем изделий относятся к IV-III векам до н. э. – периоду расцвета Боспорского царства.

Однако, как ни выразительны курганы Керченского полуострова, история уже знала такие. Почти так же сконструирована знаменитая Гробница Агамемнона в Микенах. Она датируется XIII веком до н. э.

В 1982 году близ болгарского села Свештари среди 26 курганов был открыт курган – усыпальница фракийского царя гетов и его супруги, которая относится к III в. до н. э. По времени создания, по конфигурации и по наполнению – внутри находилась масса изысканнейших изделий из золота – эта находка наиболее близка некрополям Боспора.

«Такие склепы на несколько веков стали очень популярными в среде Боспорской аристократии, создав своего рода «визитную карточку» классической культуры на берегах Керченского пролива», – остроумно замечает Ю. А. Виноградов.

Но вот загадка – и это ещё один феномен – кем была аристократия, которую обессмертили курганы? Кто эти цари, эта знать? Известно, что Боспор Киммерийский возник в результате греческой колонизации. Однако греки пришли не на пустое место.

Валерий Евгеньевич Возгрин пишет:

«...На берегах Керченского пролива... греки встретили «варварское» население, обладавшее весьма высокой культурой даже по греческим меркам... Племена эти были подвластны скифам, но, во-первых, скифы и сами были культурным народом, а во-вторых, не подавляли местную культуру... Судя по некрополю Пантикапея, здесь возникает настоящий греческий

город... В самом городе жили вожди крымских племен, которые не могли не впитывать богатую греческую культуру — об этом говорят особенности их погребений. Греческие вазы и другие произведения искусства найдены, кстати, и в погребениях других древних городов и селений Крыма той эпохи... Однако и в этот период по-прежнему неоднозначной остается проблема этнического взаимопроникновения».

Курганы как погребальные памятники воздвигались на всех континентах, кроме Австралии и Антарктиды. В самой Греции обнаруживают и открывают курганы, относящиеся ко времени средней бронзы и начала железного века.

Существует точка зрения, что Боспорские курганы — место захоронения греческой элиты. Во многих курганах обнаруживают следы трупосожжения. Кремация — греческий обряд. А также ориентация покойного головой на восток, помещение его в гроб или саркофаг, сопровождение покойного всем, что использовалось при жизни: оружие для мужчины, украшения женщины, игрушки для ребёнка, монеты, светильники, посуда... Всё это соответствует погребальным обрядам греков. Греческим является и обычай проведения на кургане тризны — поминального ритуала. На вершинах керченских курганов находят множество костей животных и птиц, черепки битой посуды.

Михаил Иванович Ростовцев (1870-1952 гг.) крупнейший русский и американский учёный, специалист по античному Причерноморью так анализирует одно из курганных погребений Пантикапея:

«Обряд погребения и инвентарь чисто греческие. Господствует в качестве погребального реквизита обычный для эллина подбор вещей, свидетельствующий о роли, которую играла в его жизни

палестра (гимнастическая школа в Древней Греции. W.) и связанный с нею образ жизни. Первое место занимают сосуды для масла, которым натирали тело, и стригили, которыми счищали с тела песок палестры и масло. Эти предметы, прежде всего, нужны были боспорскому греку и за гробом, где он должен был продолжать земную жизнь, жизнь эллина-палестрита... Гораздо реже в гробницах этого времени оружие. Характерно, что оружия меньше всего в гробницах пантикапейского некрополя, значительно больше на периферии Боспора и в некрополях таманских греческих городов. В женских гробницах много ювелирных вещей. Сосуды все ввозные хороших аттических фабрик, попадают иногда и сосуды лучших мастеров, иногда подписные. Нередко так называемое финикийское цветное стекло. Все говорит о довольстве населения и о его чисто греческом облике».

М. И. Ростовцев. «Эллинство и иранство».

Эмоциональное возражение Михаила Илларионовича Артамонова, знаменитейшего советского учёного, археолога, скифолога относится скорее к месту сооружения, а не к греческой принадлежности курганов:

«Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от городов, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещались обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных холмов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом».

М. И. Артамонов. «К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов», ВДИ, 1949, №1.

Многие исследователи вслед за Артамоновым связывают курганы вокруг боспорских городов с вар-

варской, скифской традицией. На варваров указывает катакомбная конструкция могил и скорченное положение некоторых костяков, и наличие в могилах красной краски, мела и напутственной пищи. И наличие оружия, ножей, точил, ярких бус, разбитых зеркал. А особенно, захоронение вместе с усопшим жён, слуг, коней, присутствие конской сбруи и снаряжения всадника.

Хотя и тут выводы учёных о том, что считать греческими чертами, а что скифскими часто расходятся. Например, Ростовцев считал, что оружие свидетельствует как раз о НЕ греческой принадлежности погребения.

Однако несомненно, могилы скифской элиты, расположенные поблизости от греческих городов свидетельствуют о её эллинизации:

«Ближайшая к городам туземная знать все теснее и теснее связывалась с греками не только в экономическом, но и в культурном отношении. Представители этой знати, стоящей во главе родоплеменных организаций, не только продавали грекам продукты собственного хозяйства и собранные ими у подвластного населения, но и оказывали колонистам различные услуги: посредничали в сношениях с другими такими же, как они сами, властителями, обеспечивали охраной торговые караваны и вооруженной силой греческие города. Сохраняя связи с родными для них обществами, они, как скифский царь Скил, подолгу жили в городах, иногда селились в них, усваивали греческий язык и представления греков и даже роднились с ними. Погребения такой эллинизированной туземной аристократии находятся поблизости от греческих городов и отличаются смешением черт местного и греческого происхождения».

М. И. Артамонов.

Несколько по-иному расставляет акценты Ростов-

цев. Говоря о сохранившихся в курганах и дошедших до нас шедеврах, он отмечает:

«Эти чудные вещи дают нам представление о силе и богатстве скифов, об их любви к блеску и красоте, об их понимании высокой силы греческого творчества и, наряду с этим, об их крепкой приверженности к своим обычаям, своим привычкам, своей религии. Не огречились скифы, а только облагородили греческой культурой свой быт и свои вкусы».

Постепенно доминирующим становится воздействие «варварского» мира на греческий и к концу античной эпохи ряд центров античного мира приобретает уже греко-варварский характер.

Контакты греков и скифов в Северном Причерноморье являют пример синтеза античной и варварской цивилизаций. Взаимовыгодные экономические и политические связи способствовали возникновению полиэтнического государства и формированию уникального культурного пространства. И это ТРЕТЬЯ, самая важная составляющая Боспорского феномена.

* * *

Тысячелетнюю, насыщенную событиями историю Боспорского царства (греки, Археанактиды, Спартокиды, Митридат, Рим) мы узнаём из многочисленных произведений древних авторов. Они дополняются эпиграфическими памятниками: 1326 текстов собраны в «Корпус боспорских надписей». Обширные сведения даёт нумизматика. Периоды процветания и упадка, войн и экономических успехов открываются в процессе изучения курганов.

Можно только вообразить, какие сокровища сохранились в керченских курганах, если и нам ещё доста-

лись неисчислимы в историческом, художественном и чисто материальном, золотом эквиваленте ценности. Вообразить – потому что, начиная с античности и до сегодняшнего дня, курганы безжалостно разграблялись и разрушались.

Археологическое изучение курганов началось с открытия П. Дюбрюксом (1770-1835 гг.) погребения на склоне горы Митридат в 1817 году. Поль (Павел) Дюбрюкс, французский дворянин был волею судеб заброшен в Керчь. Он увлекся археологией и получил разрешение на раскопки. Впоследствии его коллекция стала основой Керченского музея древностей.

В марте 1830 года он наблюдал за разработкой кургана Куль-Оба (Холм пепла), которую вели с целью добычи камня для строительства домов семьям матросов. Этот курган нередко использовался как каменоломни. Павел Дебрюкс предполагал, что в кургане находится древнее захоронение. *«Занимаясь более четырнадцати лет раскапыванием курганов в окрестностях Керчи, — пишет Дюбрюкс, — я был уверен, что не ошибся».*

Знаменитый сегодня на весь мир курган Куль-Оба оказался не разграбленным и стал источником важнейших исторических сведений и несметных сокровищ, самого высокого художественного уровня. Главное погребение в кургане Куль-Оба принадлежало по всей видимости, выходцу из скифской царской семьи. В уступчатом склепе находились три захоронения – царя, царицы и, как принято считать, конюха. Под полом склепа был найден еще один погребальный комплекс.

Раскопки Куль-Обы подробно фиксировал Павел Дюбрюкс. Его записи являются бесценным историческим документом. Через пять лет, в 1835 году, он умер в абсолютной нищете.

Впечатлённый находками царь Николай распорядился продолжать отыскивать «подобные куль-обским древности в гробницах» и выдал на расходы две тысячи рублей.

В 1833 году начались раскопки 18-метрового Царского кургана, уникального архитектурного шедевра с квадратной погребальной камерой, которая завершается куполом из 12 постепенно уменьшающихся концентрических колец. Дромос Царского кургана имеет длину 37 метров.

Дромос Царского кургана

В 1832 году начаты раскопки Золотого кургана, расположенного на 100 м выше уровня моря и облицованного циклопическими каменными блоками.

В 1858 году был открыт разграбленный, но очень интересный конструктивно Мелек-Чесменский курган.

Дункан Мак-Ферсон, англичанин, врач участвовал в Крымской войне и оккупации Крыма в 1855-1856 годах. Будучи членом Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии, свободное от войны время он посвящал археологическим раскопкам Боспора Киммерийского. По окончании войны находки доктора были переданы

в Британский музей и вызвали большой резонанс в научном мире.

Результаты и выводы своих исследований Мак-Ферсон опубликовал в интереснейшей книге: «Древности Керчи, и исследования в Киммерийском Босфоре, с замечаниями по этнологической и физической истории Крыма». Лондон, 1857.

В заключение книги он пишет:

«Ни одна из черноморских стран не может соперничать с Крымом. Его беспримерная цепь исторических ассоциаций отражает сменяющее друг друга влияние индийцев, греков, римлян, татар, итальянцев, оттоманов и русских.

Его древние и средневековые руины, географические, геологические, этнологические и климатические особенности слишком многообразны, чтобы подробно описать их в последнем абзаце, — так много подтверждений тому, что интерес, вызванный конфликтом, не исчезнет, но будет только усиливаться благодаря тем, чьи исследования окажутся детальнее и обстоятельнее моего».

Поместив оптимистичное высказывание Мак-Ферсона, я всё же хочу завершить статью о Боспорском феномене публикацией мнения нашего современника, учёного, археолога, доктора исторических наук Ю. А. Виноградова:

«Судьба распорядилась так, что все эти замечательные памятники были раскопаны еще в XIX в. Происходящие из них археологические материалы заслуженно стали частью мирового культурного наследия, и внимание к ним в среде научного сообщества не ослабевает. Несмотря на это, многие курганные комплексы до сих пор полностью не изучены, а имеющиеся очерки развития некрополя на протяжении

нескольких веков не являются вполне удовлетворительными».

О взаимоотношениях крымских этносов между собой и с остальным миром следующий рассказ.

Поздние скифы

В VII веке до н. э. в Восточной Европе и Северном Причерноморье сложилась Великая Скифия. Через 400 лет, в IV-III веках до н. э. пережив кризис, в достаточной степени загадочный и необъяснимый, она сократилась до размеров чуть больше Крыма.

«Вся эта страна, а также почти вся область за перешейком до Борисфена (Днепра) называется Малой Скифией», – писал Страбон.

В научной литературе есть и прямо указующее название: Крымская Скифия. Крымская Скифия существовала более 6-ти столетий. Присутствие скифов в Крыму отмечается ещё в IV в. н. э., вплоть до нашествия гуннов.

Теснимые сарматами из Северного Причерноморья и оттесняя в свою очередь автохтонные племена в горы, скифы заселили равнинную часть Крыма. Тут они в полной мере использовали благоприятный климат, почвы и рельеф полуострова для развития скотоводства и хлебопашества. Решающую роль в этом сыграли железные орудия труда. В науке этот период называется «Поздние скифы».

«... В Тавриде скифы утратили образ жизни кочевника и в ее степной полосе развили интенсивное хлебопашество. Последнее в избытке давало хлеб, как предмет торговли, и греческие колонии, получая от

скифов хлеб, питались не только сами, но снабжали еще и своих соплеменников по берегам Эгейского моря. Благосостояние скифов, поднятое торговлей, делало их настолько сильными, что греческие колонии часто должны были считаться с этой опасной для их существования силой. Боспор даже в самые могучие моменты своей жизни не был господином скифов».

М. И. Ростовцев. «Эллинство и иранство».

Через посредничество греков скифы в изобилии экспортируют зерно, кожи, шерсть, мёд, воск, лён, солёную и вяленую рыбу. Учёные определили это по микроскопическим остаткам на днищах и черепках глиняной посуды. Археологами найдены древние резервуары для засолки рыбы. О том, как вялили рыбу скифы, я могу рассказать на основании личного опыта.

Я прилетела в Межводное позднее других, и нужно было пройти несколько километров вдоль берега моря по степи к месту работы экспедиции. Степь трепетала под солнцем, звенела и благоухала, и плавно уходила в море террасами. У берега, в нескольких метрах от кромки воды чернели деревянные навесы. Под ними сотнями рядов висела нанизанная на верёвки рыба. Каждая рыбина была выпотрошена и развёрнута в плоскость. Привязанные за хвост, подсохшие коричневые фанерки медленно вращались, следуя дуновению ветра. Пустые глазницы сверкали, пропуская солнечные лучи и блеск моря. Была ли скифская технология иной, по сравнению с этой? Думаю, нет.

Историки сделали интересный вывод о том, что скифы-торговцы, временами минуя посредничество Херсонеса и Боспора, сами переправляли кораблями крымские товары в порты Средиземного и Мраморного морей. В обратном направлении, в Крым они доставляли вина, пряности, ткани, произведения искусства.

Степные кочевники, которые в книгах по истории изображаются не иначе, как в войлочной кибитке в сопровождении вооружённых всадников, на самом деле оказались столь искусными мореходами, что Чёрное море этих времён имеет в исторических текстах и второе название – Скифское!

За последние 30 лет были открыты удивительные места времени поздних скифов., Кандидат исторических наук, директор музея Неаполь Скифский Юрий Зайцев рассказывает, как в 90-е годы археологи копали знаменитый Усть-Альминский некрополь в юго-западном Крыму «наперегонки» с грабителями. Похоже, что грабители обставили археологов. Но, несмотря на это, учёные обрели потрясающие, уникальные сокровища в прямом и переносном смысле; множество золотых, бронзовых, керамических артефактов поздне-скифского времени огромной исторической ценности. В элитных погребениях Усть-Альмы сохранилось на удивление много художественных деревянных предметов. Я сразу вспомнила объяснение Щепинского: «Микроклимат, почвы...».

Чрезвычайно важные и неожиданные открытия ждали учёных при раскопках в Центральном Крыму в районе Белой скалы – Ак-Кая. Там в 2000-е годы обнаружили и раскрыли городище, крепость и курганный некрополь «ускользавшего» ранее от историков III века до н. э. – начала времени поздних скифов. Все объекты большие, выразительные и великолепно сохранились. Были открыты курганные захоронения: склепы – шедевры греко-скифской архитектуры, не уступающие Боспорским.

Юрий Зайцев предполагает, что комплекс Ак-Кая III века до н. э. мог быть первой столицей поздних скифов в Крыму. В это время в Крыму насчитывалось око-

ло 80 скифских поселений. Замечательные открытия последних лет значительно дополнили их список.

За два столетия до начала новой эры в центре Крыма, в долине реки Салгир, на перекрестье торговых путей была выстроена новая столица. На белых известняковых скалах, образующих поверх неприступных обрывов плато, возник город, именуемый греками Неаполис. А, как его именовали сами скифы, история умалчивает.

Неаполис

В 1827 году по дороге южнее посёлка Ак-Мечеть двигались гружёные строительным камнем повозки. Камень, добытый из развалин старинной крепости Керменчик отправляли на строительство новых кварталов Симферополя: новой столицы, новой (с 1783 года) Таврической губернии, присоединённой Екатериной II к Российской империи. Александр Иванович Султан-Крым-Гирей, продолжатель старинного крымского рода Гиреев, любитель истории и собиратель древностей разглядел на двух известняковых плитах изображение конника и несколько греческих надписей. Он выкупил камни со старинными рельефами и сообщил о них Ивану Павловичу Бларамбергу – директору Одесского и Керченского музея древностей. На Керменчике были проведены раскопки и Бларамберг нашёл ещё одну, мраморную, плиту с рельефом, изображающим двух мужчин: молодого и пожилого. Сравнение барельефа с изображениями на монетах позволило предположить, что на камне портреты скифского царя Скилура и его сына Палака. И значит остатки древней крепости могут быть Неаполем Скифским.

Почётный декрет в честь Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI, датируемый II в. до н. э. гласил:

«Когда же скифский царь Палак (По имени Палака скорее всего названа Балаклава – В. К.) внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми... Когда же скифы сдали ему царские крепости Хабеи и Неаполь, вышло то, что почти все сделались подвластными царю Митридату Евпатору; за что благодарный народ почтил его приличными почестями, как освобожденный уже от владычества варваров».

Впрочем, споры по поводу идентификации древнего поселения возле Симферополя и его правителей длились более 100 лет. На протяжении XIX-го века Неаполь Скифский около десяти раз раскапывали русские и западные археологи, краеведы, исследователи. В первые советские десятилетия было не до того. В 1926 году были проведены раскопки под руководством замечательного учёного – крымоведа, археолога, библиографа Николая Львовича Эрнста. В 1938 году Н. Л. Эрнст был арестован и сослан в лагерь как немецкий шпион. 20 марта 1956 года, в день, когда Николай Львович наконец получил разрешение вернуться в Крым, он умер от инфаркта.

Новый период в изучении Неаполя открыла в 1945 году Тавро-скифская экспедиция под руководством П.Н.Шульца. К этому времени мраморная плита с двойным портретом была утеряна. Остались лишь её зарисовки. Павел Николаевич Шульц будучи историком, археологом и профессиональным искусствоведом совершенно случайно, как он пишет сам, в фондах Музея скульптуры ленинградской Академии художеств

нашёл гипсовый слепок с этой плиты. Увлекательное расследование продолжилось.

В 1947 году Павлу Николаевичу Шульцу принёс свои находки 21-летний Аскольд Щепинский. Старинные черепки, осколки и разные диковины он подобрал во время одиноких походов по долинам и взгорьям Крыма, что было его единственным и неотъемлемым увлечением. Он принял предложение Шульца поработать в Тавро-скифской экспедиции. Причём первые несколько лет он работал даже без зарплаты. В путеводителе «Крым. Crimea», изданном в 1982, Щепинский пишет о раскопках Неаполя:

«Сохранились остатки оборонительной стены с центральными городскими воротами, мавзолея скифского царя Скилура, зерновых ям, стен общественного здания, богатого жилого дома с полуподвалом, здания с фресками, уникальные расписные склепы, вырубленные в скале и т. д.».

В книге крымской писательницы Елены Криштоф «Сто рассказов о Крыме» многие страницы посвящены раскопкам Неаполя Скифского, идентификации Скилура и Павлу Николаевичу Шульцу.

С Еленой Георгиевной Криштоф я была знакома много лет. Она даже не могла предположить, сколько случайно брошенных ею фраз, мимолётно прозвучавших суждений, произнесенных в разговоре сентенций, побудили меня задуматься, более того – стали определяющим жизнь вектором. Уверена, что не только для меня – для многих. Елена Георгиевна жила увлечённо, страстно. Она открыто декларировала, что жизнь многообразна, захватывающе интересна. Этим ощущением было пронизано окружающее её пространство. Им проникались её друзья, независимо от возраста. Её афоризм «Жизнь в поворотах до самого кладбища» я считаю не-

превзойдѣнным. Е.Г. Криштоф написала «Библейские истории о любви»; «Попытку старомодного романа»; «Для сердца нужно верить» – о Пушкине; воспоминания об Арсении Тарковском, с которым была дружна и ещё много прекрасных книг. И, конечно, особое место в творчестве урожденной крымчанки занимал Крым.

Елена Георгиевна знала Крым вдоль и поперѣк. Она писала о его уникальной природе, о малодоступных уголках, куда ездила с геологами или археологами. Один из своих путеводителей Криштоф назвала прекрасной строкой Бодлера: «Приглашение к путешествию». Приглашение невозможно было не принять. Отчасти оно стало причиной моего увлечения археологией. Ею написаны прекрасные «Легенды Крыма в пересказе Елены Криштоф» и «Сто рассказов о Крыме», которые охватывают историю полуострова с античных времѣн, поэтично адаптируя греческие мифы.

Елену Георгиевну всегда увлекали крупные личности, она влюблялась в незаурядных, талантливых, особенных и писала о них. Влюблѣнность в Павла Николаевича Шульца сквозит в очерке «Как нашли Скилура»:

«В этом же для археолога есть гордость и сладость — доказать, что люди, жившие за многие столетия до нас на нашей земле, не вовсе были лыком шиты: оставили после себя что-то, что могло соперничать и с заморскими свидетельствами материальной культуры.

В Неаполе скифском найдены были обширные хранилища для зерна, остатки зданий. Сомнений в том, что найден город столичный, не оставалось. В этом убеждал еще и мавзолей, обнаруженный у городской стены. В мавзолее хоронили многих, но раньше всех — старика, ради которого и был построен мавзолей.

Кафтан его украшали многочисленные золотые бляшки, рядом с ним лежал меч, недалеко от него закопали трех коней и воина. Среди других захоронений пышностью отличалось более позднее — в деревянном, истлевшем саркофаге, — скифской царицы, очевидно. Не жены, но, возможно, внучки или правнучки того, кто лежал в каменном ящике. А кто лежал? С черепом этого неизвестного Шульц поехал в Москву и не сказал скульптору-антропологу Михаилу Михайловичу Герасимову, где взял свою находку. Не сказал, чтоб была полная объективность. Когда Герасимов работу закончил, стало ясно: череп не тот. Не Скилура череп.

В то время Герасимов еще только входил в славу, и одни считали его реконструкции бесспорными, другие — очень даже сомнительными. Подумать только: по очертаниям костей черепа скульптор берется восстановить облик человека, жившего за триста лет до нас, а то и за несколько тысяч! А как проверить?

В мастерской Герасимова Шульц был не один, но никто из гостей не знал, чей бюст перед ними. Видели сухое, сильное, горбоносое лицо — и только. И вдруг кто-то случайно надел на голову этого не-Скилура шапку. Кажется, папаху, серую, какие тогда многие носили... И тут Шульц понял — Скилур!»

Е. Г. Криштоф лишь в одном проявила невольную неточность. Она завершает свой рассказ словами:

«Когда я его (Шульца — В. К.) увидела, он был уже совсем стариком, но борода загибалась все также остро и кожа обгорала на ветру. И вот что интересно: никогда бы не подумала, что смелость больше всего бросится в глаза в облике этого ученого, старого человека. Но именно так случилось: бросилась. А как же иначе? За своим Скилуром он отправился летом

сорок пятого, когда не только мне, мало и плохо образованной девочке, многим казалось: кому это нужно?»

На самом деле смелость П. Н. Шульца была не в том, что он «как бы не вовремя» начал раскопки, а в том, что никто не мог заранее предсказать их результат. Распоряжение вести поиск в Неаполе Скифском и, главное, что нужно там найти и доказать, поступило сверху. С самого верха. Из Кремля. От Сталина. Но об этом ниже...

Трагическая история

Переживая события 2014 года, когда Крым, отделившись от Украины, вновь приобщился к России, я причитала: «Надо же, моя крошечная, цветущая обитель! мой Крым! Вышел на первые полосы газет мира! Стал причиной политической бури, камнем преткновения лавины противоборствующих течений. Как же так получилось?

И как я ошибалась тогда, запамятавав, что Крым не раз уже становился камнем преткновения противостоящих политических течений. Особенно в советское время, мифология которого остро нуждалась в поддерживающих концепциях. И эти борения касались в большой степени археологии и археологов!

В 1924-25 годах русский археолог, антрополог, палеолитовед Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский произвёл сенсацию, открыв одну из самых древних и знаменитых палеолитических стоянок в Крыму и во всей Европе.

Однако оказалось, что он открыл вовсе не то, что

требовалось. Требовалось открыть кроманьонцев, а в Киик-Кобе были найдены неандертальцы. В 1934-м году Бонч-Осмоловского сослали в Воркутинские лагеря. В это же время в журнале «Историк-марксист» была опубликована статья «О методах вредительства в археологии и этнографии».

Политический абсурд избрал ареной своей борьбы древнейшие палеолитические времена. А во второй половине 30-х годов гитлеровская пропаганда актуализирует тему тысячелетнего пребывания германцев-готов в средневековом Крыму, вследствие чего нацистские идеологи провозглашают историческое право немцев на полуостров.

Советские учёные-историки парируют утверждение немцев, опираясь на господствующую в то время стадиальную теорию Н. Я. Марра, объявляющую время готов всего лишь феодальным этапом в развитии исконного, местного, «автохтонного» населения. Н. Я. Марр отрицал миграционные процессы, которые были приравнены к фашизму и расизму. Ещё одна крайность.

Я уже писала о том, что в 1926 году на месте Неаполя Скифского были проведены охранные раскопки под руководством Николая Львовича Эрнста (1889-1956). Н. Л. Эрнст профессор Таврического университета, глава Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии, создатель, а затем заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды. В ежегодных раскопках он изучал палеолитические стоянки Крыма, открыл знаменитую стоянку Чокурча, исследовал степные курганы и позднескифские городища, исследовал позднескифский могильник Нейзац, средневековый могильник Узень-Баш, пещерный город Эски-Кермен. Н. Л. Эрнст автор важнейших мето-

дик и разработок по археологии, автор полутора десятков книг.

И вот Николай Львович Эрнст, по несчастью этнический немец, в комментариях к переводу трактата шведского историка XVIII века И Тунманна, упомянул «Великое готское царство» в Крыму. Ему инкриминировали «германофильскую пропаганду в крымской науке». В феврале 1938 года он был арестован и осуждён как «немецкий шпион» на 8 лет лагерей. Выдержка из протокола показаний Николая Львовича, датированная 1938 годом /W/, свидетельствует о «признании вины» вконец измученным, сломленным человеком.

«...Я всецело подтверждаю правильность акта экспертной комиссии о моих научных работах, а также рецензии о моей работе «Исторические памятники ЮБК», которые мне зачитывались. Однако экспертная комиссия рассмотрела далеко не все мои научные труды и не всю мою научную деятельность, а поэтому выявила далеко не все мои научные преступления, да и в тех трудах, которые рассмотрела, подметила далеко не все мои вины (Прилагаю при сем полный список моих научных работ). Поэтому я здесь для полного саморазоблачения считаю необходимым рассмотреть всю мою научную деятельность и ее заклеить. Для наиболее удобного проведения такой фашистской пропагандистской работы, продиктованной мне германской разведкой, а также для поддержки шпионских вылазок в Крым из центра под видом археологических экспедиций я нуждался в соответствующей организационной форме и нашел такую в форме Таврического общества истории, археологии и этнографии...»

Наказание Николай Львович Эрнст отбывал в лагере, в Горьковской области. Работал лесорубом. В 1946 г.

он был освобождён и сослан на поселение. В 1949 вновь арестован сроком на 5 лет и выслан в сибирский лагерь. В 1953 году судимость была снята, а 20 марта 1956 года Николай Львович Эрнст получил разрешение вернуться в Крым и в тот же день умер от инфаркта.

Готы действительно жили в Крыму долго, около полутора тысяч лет. В эпоху Великого переселения народов они двинулись из Скандинавии на юг и в III в. достигли в том числе Крыма. Именно в Крыму готы сохранились значительно – на 1000 лет – дольше, чем во всех остальных частях Европы. Крымская Готия с её величественной горной столицей Мангуп, имела свою историю, определяющим событием которой было распространившееся в среде готов с III в. христианство. Пребывание готов в Крыму зафиксировано в сочинениях греческих авторов, средневековых хронистов, документах христианской церкви, межплеменных и межгосударственных актах, свидетельствах путешественников и чиновников средних веков и нового времени. По некоторым данным Крым стал единственным местом, где в обиходном общении вплоть до XVIII века сохранился реликтовый восточногерманский язык.

У Гитлера сформировалось «особое отношение» и возникли «особые планы» на Крым. Полуостров должен был быть переименован в Готенланд, этнически зачищен и «германизирован».

2 июля 1942 года Гитлер заявил:

«Едва ли где-либо на земле в течение столетий так удерживался [немецкий] народный дух, как в Крыму; готы являются тому живым примером».

Немецкий писатель Вернер Боймельбург, посетив в 1942 году Мангуп ощутил «готский дух», *«говорим ли мы о старом замке готских князей, о византийской*

базилике, о новом здании замка 14 века, гробницах, подземных подвалах, городских стенах или угловых башнях».

На территории готских памятников службой Розенберга были установлены таблички с предупреждением, о скорых археологических раскопках. Они не осуществились в связи с изгнанием оккупантов.

* * *

После освобождения Крыма перед историками была поставлена задача: обосновать научную несостоятельность «исторического права» немцев на территорию Крыма. Задача скорее правового, чем научного характера в рамках советской идеологии и пропаганды решалась прямолинейно. Требовалось доказать, что готов в Крыму не было, ну, или почти не было!

Заодно, в поддержку депортации 1944-го года, нужно было обосновать чужеродность крымских татар для Крыма. А заодно и армян, болгар, греков... Осудив коллаборационизм части крымских татар в военные годы, им припомнили набеги на русские и украинские земли, работорговлю.

Параллельно потребовалось разработать концепцию: «Крым – исконно славянская земля».

«Все мы хорошо понимаем, что проблема Крыма – это не просто краеведческий вопрос, что Крым в истории нашей Родины играл и играет большую роль, что от освещения различных сторон истории Крыма зависят и ответы на многие вопросы истории всей нашей страны», – заявил академик Б. Д. Греков.

Вот так. Не истина, рождённая в исследованиях, а «освещение» вопроса. Не факты – а их толкование. Не научная честность – а враждебная позиция.

Исследуя эту тему, я опиралась на монографию современных крымских историков и археологов В. Ю. Юрочкина и В. В. Майко «Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи», основанную на неопубликованных материалах научного архива Института археологии Крыма РАН. Она вышла в сборнике «Неизвестные страницы археологии Крыма» в 2017 году. А также на работу В. Ю. Юрочкина «“Готский” и “славянский” вопросы в послевоенном Крыму».

Тогда, в 1945-м, предками славян были назначены скифы. Необходимо было доказать преемственность славянской культуры от скифов, проследить роль поздних скифов в образовании славянской государственности в Крыму. С этой целью в 1945 году была создана Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца.

Нужно сказать, что скифо-сарматское происхождение славянства допускал ещё М. В. Ломоносов. В XIX – начале XX века эта теория имела своих сторонников. Однако фактических подтверждений она не нашла.

«Ввиду отсутствия конкретного археологического материала, который можно было бы хотя бы отдаленно назвать «славянским» приходилось довольствоваться декларациями», – пишет В. Ю. Юрочкин и приводит отрывок из доклада П. Н. Шульца 1946 года:

«В высокой для своего времени материальной и духовной культуре поздних скифов в Крыму удалось установить много новых точек соприкосновения с культурой древних славян. В характере скифских городов и жилищ, в частности, в коньках на крышах, посуде, деревянной резьбе, орнаменте, погребальном обряде... находим много общих черт с древнейши-

ми памятниками славянской культуры, с русским и украинским народным искусством».

В ряде статей и выступлений П. Н. Шульца прозвучало непривычное название древней столицы: Новгород-Скифский, а в 1949 году на фоне развернувшейся борьбы «с космополитизмом и низкопоклонством перед западом» им было сказано:

«Крым – солнечная здравница Советского Союза, – один из богатейших исторических заповедников нашей страны, распродался космополитами разного толка оптом и в розницу и римским оккупантам, и готам, и генуэзцам, и татарам, и туркам, и немцам».

Братья Владимир Петрович Бабенчиков (1885-196?) и Павел Петрович Бабенчиков (1883-1947) краеведы, педагоги, основатели Севастопольского музея краеведения являлись признанными «патриархами крымской археологии».

В 1930 году Павла Петровича Бабенчикова арестовали по «Академическому делу» и переправили из Крыма в Ленинград. Он был обвинён в том, что составленные им карты Севастополя и Крыма «предназначались» для генерального штаба Германии.

«Признаю себя виновным в том, что мною были переданы гр-ну Мерварту А. М. фотографии и эскизы Севастополя и его окрестностей, за что получил 1500 р. В совершенном преступлении искренне раскаиваюсь и прошу снисхождения».

Александр Михайлович Мерварт российский учёный, этнограф и лингвист немецкого происхождения. В 1930 году был арестован в рамках Академического дела по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Приговорён к пяти годам исправительных лагерей. Умер в заключении.

За «шпионаж» в пользу Германии приговорили к

трём годам исправительно-трудового лагеря и Бабенчикова. Со временем лагерь заменили ссылкой. После освобождения П. П. Бабенчиков вернулся в Крым.

В 1946-1947 гг. Павел Петрович руководил раскопками раннесредневекового некрополя на склоне пещерного города Чуфут-Кале. Артефакты – пластинчатые и орлиноголовые пряжки, зооморфные фибулы – и погребальные склепы указывали на принадлежность памятника культуре готов. Но в 1946 году обозначить могильник как готский было невозможно. В. П. Бабенчиков атрибутировал памятник как аланский, хотя «хронологическая лакуна» между аланами и захоронениями некрополя составляла более полутысячелетия.

По замечанию Юрочкина «в обстановке тех лет «аланская» атрибуция взамен «готской» была, по крайней мере, политически приемлема. В общественном сознании аланы-осетины воспринимались положительно: этот малый народ всегда оставался верным союзником и проводником русской политики на Северном Кавказе и явно не собирался предъявлять территориальных претензий на Крым. К тому же осетинские корни имел и руководитель страны – И. В. Сталин».

В. Ю. Юрочкин и В. В. Майко квалифицируют изменение атрибуции следующим образом:

«Совершенно очевидно, что предложенная гипотеза содержала множество противоречий, фактических и логических нестыковок, а самое главное не находила никакого подтверждения в письменных источниках, более тысячи лет замечавших лишь готов, но странным образом игнорировавших алан. Вместе с тем это крайне смелое предположение наносило мощнейший удар по «готскому вопросу», выбивая из-под него подоснову в сфере материальной

культуры. Все известные раннесредневековые могильники юго-западного Крыма (Суук-Су, Эски-Кермен, Узень-Баш и т.д.) из разряда «готских» просто переводились в разряд «аланских». «Готский вопрос» казался решенным, по крайней мере, в области археологии».

В 1947 году Павел Бабенчиков скоропостижно скончался. Отчёт по раскопкам Чуфут-Кале заканчивал Евгений Владимирович Веймарн – опытный археолог, знаток крымского средневековья. Е. В. Веймарн подтвердил аланскую атрибуцию некрополя у Чуфут-Кале.

Фibuлы и орлиноголовые пряжки
из погребальных комплексов Южного Крыма

Необходимо сказать, что вопрос дифференциации готы – аланы до сего дня остаётся проблемой чрезвычайно сложной. Два разных этноса, проникшие на полуостров с противоположных сторон, обитали в Крыму в одно и то же время, располагались близко друг от друга, ассимилировались, перенимали технологические приёмы, обычаи, способы погребения. К слову, В. В. Майко

считает, что плотность населения раннесредневекового Крыма была больше, чем сегодняшняя. К середине X в. в результате набегов племён с севера она уменьшается. В XV в. по свидетельству венецианского путешественника Иосафата Барбаро готы и аланы слились и даже стали именоваться готаланы. Наиболее характерные предметы, определяющие готские захоронения – это женские украшения: фибулы и орлиноголовые пряжки. Однако идентификация захоронений требует от археологов, историков, лингвистов, антропологов новых археологических изысканий и глубокого осмысления темы. Директор Института археологии Крыма, доктор исторических наук В. В. Майко считает, что эта проблема далека от своего решения. Полемика по этому поводу идёт и сегодня. Это нормально, если над учёными не довлеет идеология.

В конце 40-х Е. В. Веймарн, работая над темой «Аборигенные культуры юго-западного Крыма», писал:

«...Особенно вредны и тенденциозны две буржуазные концепции в отношении юго-западного Горного Крыма, возникшие еще в конце прошлого столетия это: 1. Стремление враждебных нам групп историков доказать, что в III в. готы-германцы проникли в Крым и овладели полуостровом. Остатки, якобы, этих готов просуществовали в Крыму до XVIII столетия; 2. Преклонение перед византийским влиянием на историю Крыма в результате чего, даже в работах некоторых советских ученых, это влияние и политическое господство Византии над горным Крымом изображалось как многовековое, безраздельное господство. До сих пор эти две вреднейшие концепции в научной литературе серьезно не разоблачены, поэтому еще очень часто в практике культурно-просве-

тительной работе история Крыма эпохи средневековья освещается совершенно неверно».

В 1948 году на сессии по истории полуострова Владимир Петрович Бабенчиков предложил свою версию славянского Крыма:

«После падения в Крыму скифского государства Скилура и Палака... в крымских степях и нагорье происходят новые перегруппировки племен, в силу которых преобладающим в Крыму народом оказывается сарматское племя аланы, родственное скифам. Аланы, как скифы-сколоты и как некоторые другие сарматские племена (роксоланы) являлись, как полагают современные исследователи, одним из компонентов славяновосточных, в частности – русских славян... Понятно также и то, что у византийских писателей русские славяне слынут под именем “скифов у Тавра”, “тавроскифов”, “тавров”, понятно потому, что русские являлись прямыми наследниками древних тавров и скифов, исконных хозяев Крымской земли Тавриды, и здесь на почве Крыма издревле стали хозяевами значительной части полуострова. Поэтому мы теперь с уверенностью можем сказать, что Крым – издревле русская земля, и все другие народы – печенеги, половцы, генуэзцы, татары, турки, вливавшиеся в Крым и остававшиеся здесь в течение более или менее длительного периода – являлись захватчиками».

Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная 20 июня 1950 г. в газете «Правда», внесла дополнительную сумятицу в модификации крымских историков. В этой работе Сталин «разоблачил» взгляды Марра, как «противоречащие марксизму». Стадиальная концепция Марра, следуя которой в Крыму славяне как бы сами собой вызрели из скифов, потерпела крушение. В. Ю. Юрочкин пишет:

«Для историков, разрабатывавших этногенез славян, в том числе и крымских, это была настоящая катастрофа. Теперь уже не было возможности вывести славян непосредственно из скифов. Возможно, самого Павла Николаевича (Шульца – В. К.) это событие могло даже порадовать, ведь теперь не было надобности выдумывать абсурдные «точки соприкосновения», фальсифицировать историю и наконец можно было заняться нормальными научными изысканиями в созданной им академической структуре».

Смена научной парадигмы не изменила существа вопроса.

Е. В. Веймарн предложил «новое толкование вопроса об этнической принадлежности могильника близ Артека, бывшего Суук-Су». Могильник прежде считался эталонным памятником «области Крымских готов». «Новым толкованием» был «поставлен вопрос о проникновении славянского антского элемента в юго-западный Крым, в частности на южное побережье».

В 1952 году под руководством Е. В. Веймарна были начаты раскопки некрополя у высоты «Сахарная Головка» в районе Инкермана. Могильник оказался аналогичным памятникам крымско-готской культуры. Но Веймарн отказался и от аланской атрибуции и определил захоронение как антское. Круг замкнулся. Памятники готов были атрибутированы как славянские.

Е. В. Веймарн родился в 1905 году в Севастополе, в дворянской семье обрусевших немцев. Его отец был офицером царской армии. Е. В. Веймарн до войны участвовал в работе Эскикерменской и Мангупской экспедиций. Потом воевал. После войны был приглашён Шульцем на работу в Тавро-скифскую экспедицию. В 1948 году им была создана Бахчисарайская археологическая станция Института археологии АН УССР.

Поколение советских времён умеет «читать между строк». Нам не нужно объяснять, как происхождение и национальность влияли на судьбу человека и почему необходимо упомянуть биографические данные учёных. Кстати, Павел Николаевич Шульц также происходил из дворянской семьи профессора-биолога немецких корней.

Для тех, кто видит в данном контексте имена авторитетных учёных, руководителей экспедиций, создателей археологических школ, подвижников, наших любимых педагогов, коими безусловно являлись и ещё много лет после описанных событий оставались и П. Н. Шульц, и Е. В. Веймарн, и другие, неизбежны размышления о том, как «век-волкодав» заставлял приличных людей идти на подмену научного знания. Думаю, компромиссы, допущенные ими, сродни «признательным показаниям» Н. Л. Эрнста, полученным под пытками.

«Этнические кульбиты» крымской науки длились семь лет. Археологи, историки и партийные функционеры выступали на множестве сессий, пленумов и собраний. Обстановка на них была напряжённой, «а порой перерастала в истерическую» (Ю. Брайчевский). Публиковались «разгромные» статьи в периодике, выходили специальные труды. Складывались противоборствующие группировки, коллеги и соратники становились врагами. В конце 40-х, начале 50-х непримиримая критика могла стоять оппоненту жизни. По счастливой случайности никто из учёных не пострадал.

Итог подвели решения Объединенной научной сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма открывшейся в Симферополе 23 мая 1952г.:

«Новым замечательным вкладом в сокровищни-

цу марксизма-ленинизма является гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», представляющий боевую программу для всех работников идеологического фронта, в том числе для советских историков... Задачей настоящей сессии является координация работ всех советских историков и археологов, исследующих историю Крыма, подведение итогов проделанной работы, выявление путем критики и самокритики ошибок и недостатков в работе и преодоление этих ошибок для обеспечения правильного марксистско-ленинского изучения истории Крыма, как неотъемлемого звена истории СССР, и прежде всего русской истории... Крымские археологи приступили к изучению важной проблемы – истории проникновения славян в Крым, установив наличие славянских памятников в Крыму уже III-IV вв. н. э. В изучении истории Крыма наблюдалась фальсификация исторической роли готов. Готы, составлявшие в III-VI веках незначительную часть пришлого населения Крыма постепенно ассимилированные, объявлялись создателями никогда не существовавшего «готского государства». Эта реакционная теория, созданная для оправдания немецкой империалистической агрессии, проникла в отдельные работы советских археологов (В. И. Равдоникас). В научной и популярной литературе встречалось преувеличение исторической роли Византии (А. Л. Якобсон), хазар (М. И. Артамонов), генуэзцев, татар и турок...»

* * *

После смерти Сталина и передачи Крыма Украине страсти поутихли. Ранних славян в Крыму обнаружить так и не удалось. Они появляются здесь лишь в

VIII веке как участники набегов, затем торговли, затем как сторона военных договоров с Византией.

С готами дела обстояли сложнее. Профессор Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук Валерий Евгеньевич Возгрин пишет:

«...При анализе современных советских трудов по «готскому вопросу» создается впечатление, что некоторые, даже весьма авторитетные, ученые-марксисты до сих пор ведут борьбу с гитлеровской пропагандой, как будто боясь признать очевидный факт, что на перепутьях истории сталкивались, ассимилировались или противостояли друг другу этносы, из живого общения которых и образовались современные народы. Степень взаимного влияния народов, их исторические истоки и судьбы — вот единственно благодарный и благородный предмет исследования».

В. Е. Возгрин. «Исторические судьбы крымских татар», 1992.

Думаю, эти слова — исчерпывающее резюме нашей трагической истории.

Р. S. Во время работы над «Курганом» ушёл из жизни Валерий Евгеньевич Возгрин. Это произошло 9 января 2020 года. Ему было 80 лет. За год до этого я послала ему главу из своего сочинения с несколькими уточняющими вопросами. Свой ответ он начал вдохновившей меня фразой: «С удовольствием прочёл всё полученное от вас...». Спасибо ему. Однако я о другом.

Монография «Исторические судьбы крымских татар» первоначально вышла в Самиздате в 1980-х годах, в 30-ти экземплярах.

«Тогда, в советское время, приходилось размножать её на ксероксе (точнее — на громоздком аппарате, носившем имя Эра), поскольку изучение истории коренного крымского народа всё ещё считалось

преступлением. Причина этих издательских сложностей проста, — ведь и сам народ был объявлен несуществующим, небывалым, чуть ли не плодом фантазии. В 1992 г. книга была издана уже легально, и на неё обрушилась повальная критика специалистов по крымскотатарской проблеме — российских и крымских».

Возгрин.

Судьба самого учёного и его замечательной книги дополняет грустную картину, запечатлённую в этой главе.

Сарматы

Совсем молодой Щепинский в «исторических кульбитах» не участвовал. К нему и без того была масса претензий. Нет образования: учёба в школе была прервана, когда Крым захватили фашисты; сомнительное — дворянское — происхождение и т.д. и т.п. Напомню, что впервые археологом он начал работать в Тавро-Скифской экспедиции под руководством П. Н. Шульца на раскопках Неаполя Скифского.

Павел Николаевич Шульц в своём труде «Неаполь Скифский», написанным в соавторстве с женой и соратником В. А. Головкиной обрисовал ход и результаты этих интереснейших раскопок:

«В последние века существования Неаполя-Скифского среди его жителей начинают появляться сарматы. Близкая к скифам сарматская народность, в которую входили аланы, в первые века нашей эры становится господствующей в Северном Причерноморье... О проникновении алан в Неаполь-Скифский говорят погребения аланских дружинников с их конями».

* * *

Сарматы – этноним нескольких родственных ираноязычных племён. Антропологический тип – европеоиды с монголоидной примесью. Аорсы, языги, сираки, аланы, роксоланы, саи – их общее название сарматы. Сарматы были скотоводами – кочевниками и чрезвычайно воинственны. С Крымом в разные периоды средневековья связаны аланы и роксоланы. Это нужно запомнить.

Геродот, посетив в V веке до н. э. Северное Причерноморье, пишет в «Истории»:

«За рекой Танаисом (Дон – В. К.) – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от Меотийского озера (Азовское море – В. К.), на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажёных деревьев».

Обратите внимание: единица расстояния по Геродоту – дни пути. «...Пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажёных деревьев», – это Великая Степь. Равнинный пояс, простирающийся через Евразийский континент почти до Тихого океана, местопребывание кочевых народов древности.

Геродот трактует происхождение сарматов, опираясь на древнюю легенду. После деликатной преамбулы: «О савроматах рассказывают следующее», он повествует, как в древности эллинские воины победили амазонок в сражении на реке Фермодонте (Малая Азия). Древнегреческое слово «амазонка» толкуется как «безгрудая». Мифы говорят, что в раннем детстве дочерям амазонок выжигали правую грудь, дабы она не мешала стрельбе из лука. На трех кораблях вместе с пленницами победители отплыли на родину. В море

амазонки перебили эллинов. Но воительницы не знали искусства мореходства, корабли стали неуправляемы, и ветры и течения выбросили их на побережье Меотийского озера, где обитали свободные скифы. Скифы сначала вступили с пришельцами в битву.

«После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины».

Скифы решили больше не убивать их, а пожелали иметь от них детей, что разумно. Далее Геродот рассказывает о том, как скифы «приручили» амазонок. Повествование это столь занятно, что я опять не могу удержаться от цитирования:

«В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставлял амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок».

От союза амазонок и скифов появились могущественные племена савроматов. Амазонки попросили мужей переселиться за реку Танаис.

«Прибыв в ту местность, они заселили её. И с

того времени жёны савроматов придерживаются древнего образа жизни, выезжая на охоту на лошадях вместе с мужьями, и отдельно от мужей; они также ходят на войну и носят ту же одежду, что и мужья... Относительно брака у них установлено следующее: никакая девушка не выходит замуж прежде, чем не убьёт мужчину из числа врагов. Некоторые из них, не способные исполнить обычай, умирают в преклонном возрасте, прежде чем выйти замуж».

Геродот. «История», IV, 110.

Геракл и амазонки

Античная чёрнофигурная гидрия

Эта история Геродота, как и сами амазонки, долгое время считалась легендой. Сарматы до конца XIX века «существовали» исключительно в письменных памятниках. Только с началом археологических изысканий в задонских степях, в Заволжье и южном Приуралье были открыты женские захоронения с боевым оружием и военными атрибутами и стало понятно, что такие племена – да! – были.

Высокий статус женщины – пережиток матриархата – подоплёка версии Гомера о происхождении сарматов от мифических амазонок. Археология подтверждает равноправное и даже лидирующее положение сармат-

ских женщин. О правительницах, воительницах, жрицах свидетельствует центральное положение женских погребений в курганных некрополях, военное снаряжение, конная упряжь, предметы жреческого культа, найденные в женских захоронениях.

Сарматы – племена курганной культуры. Путь их перемещения в Великой степи можно проследить по цепочкам курганов, видных в том числе спутникам в космосе.

Археологические раскопки показали, что у сарматов был распространён обычай искусственной деформации черепа. С раннего детства ребёнку начинали бинтовать голову. Учёные не исключают, что длительное перевязывание головы могло быть причиной повышенной агрессивности воинов.

Римский географ I века н. э. Помпоний Мела пишет про сарматов:

«Племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвовали в войне наравне с мужчинами... Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства. Они вечно живут лагерем, переезжая имущество и богатство туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие, или преследующие враги».

Особое положение женщин, обычай деформации головы; иной, чем у скифов, погребальный ритуал, расположение короткого меча на голове или правом плече умершего воина – по этим знакам археологи узнают сарматские захоронения. Короткий акинак, либо кинжал в золоченых ножнах применялся более как сопровождение усопшего. В боевом снаряжении меч был удлинённый, метровый. Сарматы первые в истории взяли на вооружение длинные, до 3 метров, тяжелые копья.

Копья требовалось держать двумя руками, поэтому для закрепления всадника на коне сарматы начали использовать кожаные стремяна. Наряду с пластинчатой у сарматов появилась кольчатая броня – кольчуга. Они покрывали защитной бронёй и специальными украшениями – фаларами – своих коней. Всё это позволяет историкам красиво именовать сарматов первой тяжелой конницей степей.

Сарматы создавали прекрасные произведения искусства. Преобразуя золото в изящные изделия в зверином стиле, они инкрустировали их драгоценными камнями и самоцветами, окрашенным стеклом и эмалями. Вкрапление бирюзы в золото – «фирменный стиль» сарматского искусства. И сам звериный стиль сарматов, при внимательном исследовании его археологами и искусствоведами, «не имеет ничего общего» (И. Храпунов) со способом изображения и технологией скифского звериного стиля. Лепные керамические, металлические и даже деревянные сосуды сарматов имеют ручки в виде зверей и птиц. Только ручки. Только у сарматов.

В IV-III веках до н. э. сарматы двинулись из Азии на запад, в Европу. Они были чрезвычайно воинственны. Они захватывали территории. Их кочевые союзы образовывались и распадались. Оценив ратную доблесть сарматов, европейские правители включали их наёмные отряды в свои армии. Таким образом, сарматы достигли Британских островов и, через Пиренеи, даже Северной Африки. Существует гипотеза, что сарматы явились прототипом рыцарей круглого стола в кельтских мифах о короле Артуре. В разное время своё происхождение от сарматов декларировала польская шляхта и донское казачество.

В Северном Причерноморье следы сарматских

продвижений обнаруживаются на протяжении 8 столетий. В IV веке сарматы были разбиты и частично поглощены гуннами. Часть сарматов-аланов сохранилась и осела на Северном Кавказе. Их потомками считают себя современные осетины.

* * *

О сарматах в Крыму впервые упоминает греческий писатель II века Полиен. Будто бы жители Херсонеса попросили у сарматов помощи в защите от скифов. Говоря современным языком, херсонеситы попросили сарматов «разобраться со скифами».

«56. АМАГА

Амага, жена Медосакка, царя сарматов, простирающихся до Понтийского побережья, видя, что муж погряз в роскоши и пьянстве, сама часто вершила суд, сама же поставила и стражей страны, отражала набеги врагов и сражалась вместе с местными жителями, которым наносили обиду. И слава ее была блистательной среди всех скифов, так что и херсонеситы, живущие на Таврике, терпя бедствия от царя находившихся поблизости скифов, попросили у нее права стать союзниками. Она же вначале написала скифам, приказав удерживаться от нападений на Херсонес, когда Скиф это презрел, то, взяв сто двадцать человек наиболее сильных душой и телом, дав каждому по три коня, за одну ночь и один день проскакала тысячу двести стадий (190-220 км. – В.К.) и, внезапно появившись перед царским дворцом, перебила всех, бывших перед воротами, а когда скифы были приведены в замешательство как бы неожиданным ужасом и считали, что пришли не столько, сколько они видели, но что их было гораздо больше, чем при-

шедших, Амага с теми, которых она имела, устремившись на дворец и напав на Скифа, и убив бывших вместе с ним родственников и друзей, вернула землю херсонеситам, сыну же убитого вручила царство, повелев править справедливо и удерживаться от нападений на живущих по соседству эллинов и варваров, видя кончину своего отца».

Это полный и дословный перевод из Полиена. Рассказ о женщине – воительнице, о событиях, которые М. И. Ростовцев датирует рубежом III и II веков до н. э. История Амаги помещена автором в ряду рассказов о полководцах древности. Целиком труд Полиена называется «Стратегемы». Должна сказать, что копаться в древних текстах не менее увлекательно, чем в курганах. Стил повествования, акценты, подробности бывают ошеломительно интересны. А сейчас в интернете за просто можно выискать и прочитать потрясающие редкости.

Есть и другие упоминания сарматов в Крыму. Они относятся к концу II века до н. э. и содержатся в двух источниках. В почётном декрете в честь Диофанта – полководца Митридата Евпатора и в «Истории» Страбона – великого географа и историка рубежа новой эры. Текст Страбона полон интереснейшими подробностями и выводами. Тут роксоланы (сарматы) выступают уже не на стороне Херсонеса, а наоборот, против него, на стороне скифов.

Роксоланы «...пришли на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность или толпа легковооружённых людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооружённой фалангой. Во всяком случае, роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять против 6 000 человек, выставленных Диафантом,

полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены. У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч».

В следующий раз аланы (сарматы) в Крыму упоминаются через 300 лет. Но есть археология. В статье «Археологические памятники Крыма» из путеводителя «Крым» 1982 года Щепинский так охарактеризовал состояние археологии сарматов в Крыму:

«Сравнительно мало в Крыму выразительных памятников сарматской культуры. Это главным образом отдельные подкурганые погребения, в том числе Ногайчинский курган, содержащий богатое захоронение сарматской царицы или жрицы. Однако влияние сарматской культуры прослеживается в инвентаре, погребальном обряде и т. д. позднескифских, боспорских и других памятниках Крыма».

Деформированный череп
Центральный музей Тавриды

В последние десятилетия в крымских предгорьях были открыты некрополи, содержащие целые комплек-

сы выразительных сарматских артефактов. Наиболее полный и интересный из них могильник Нейзац в 20 км от Симферополя. Его исследовал и подробно описал доктор исторических наук Игорь Храпунов.

В некрополе Нейзац обнаружены все типы сарматского вооружения и конской сбруи, а также фибулы, пряжки, наконечники ремней, зеркала, украшения. Найдено огромное количество бусин: по раннесредневековой моде ими обшивали подола платьев сарматские женщины. Обнаружено также несколько деформированных черепов.

* * *

В путеводителе «Крым» 1982 года, авторы раздела «История» К. К. Когонашвили, Л. И. Волошинов и А. А. Щепинский осветили события раннего средневековья вполне современно. В смысле, в современной концепции, не стесняясь упоминания готов. Хотя в начале 80-х ни о готах, ни о болгарях, ни о всяких там хазарах говорить было ещё «не принято», да и небезопасно.

«В начале второй половины III в. н. э. Таврида подверглась набегам готов, которым сопутствовало проникновение сюда сарматского племени аланов. В длительной борьбе между пришлыми и местными племенами погибло большинство городов и поселений Боспора и Скифии. Однако жителей полуострова ожидало еще более ужасное бедствие — нашествие гуннов. Под их ударами Боспорское царство пришло в упадок, от которого не смогло оправиться. Прекратило существование и Скифское государство. Его сильно сарматизированное земледельческое население искало убежища в горах Таврики, смешиваясь с местными племенами — потомками тавров».

С VI века Византия возводит в Крыму знаменитые пещерные города, как оборонительные сооружения, препятствующие набегам кочевников. Пограничное, сторожевое население и военный гарнизон защитников крепости Чуфут-Кале, а возможно и других пещерных городов: составляли и аланы. Но это, по выражению профессора Игоря Храпунова, были уже «другие аланы». Это были аланы-христиане. Вычленить то, что они унаследовали от своих древних сарматских предков трудно.

История аланов длится в Крыму вплоть до присоединения Крыма к России в конце XVIII века. Тем не менее, вопрос идентификации, ассимиляции и взаимодействия с другими этносами, населявшими Крым в средневековье остаётся достаточно сложным именно в связи с обилием и тесным переплетением межэтнических связей.

Упомянутый лаконично, одной фразой в путеводителе 1982 года Ногайчинский курган, конечно, мог быть презентован подробнее и ярче. Потому что Ногайчинский курган – это открытие мирового уровня. Сделал это открытие в 1974 году Аскольд Александрович Щепинский.

Ногайчинский курган

Я почти полностью и дословно перепечатаваю интересную, талантливо написанную статью самого Аскольда Александровича Щепинского, опубликованную в журнале «Вокруг света».

В ней мы возвращаемся к несравненной воительнице, царице Амаге.

Диадема царицы Амаги?

01 ноября 1977 года, 00:00

...Близ Нижнегорска издавна высился огромный – восьмиметровой высоты и диаметром в восемьдесят метров – Ногайчинский курган. Среди местных жителей о нём издавна ходили легенды о бесчисленных сокровищах, скрытых в нём, о белом коне, появляющемся иногда по ночам. И вот, когда воды канала должны были оросить до сих пор безжизненное поле, на котором стоит курган, мы и приступили к его раскопкам. Десять дней от зари до зари бригада скреперистов, выделенных нам строителями, срезала рукотворную гору.

Одиннадцатый день. Конец дня и рабочей недели. С севера неожиданно прорывается резкий, холодный ветер – он рвёт разрыхлённую землю, песок бьёт в глаза, забивается под одежду, хрустит на зубах. Два часа до конца работы. Всего лишь два часа и, смыв с себя «пыль веков», можно будет отдохнуть от грохота дизелей, напряжённого наблюдения за обнажающейся под ножами скреперов стратиграфией кургана, порывов осточертевшего ветра. И вдруг в свежем срезе почвы – венчик глиняного сосуда. Техника немедленно переводится на другую половину кургана – здесь же пошли в ход ножи, совки, кисточки... Ещё один глиняный сосуд. Сверкнула золотая бляшка. Вторая. Третья. И через несколько минут ясно – перед нами, судя по всему, неграбленное погребение. Но надвигается ночь, мечется ветер, да и в довершение всего начинает накрапывать дождь.

Невесть как о находках узнали строители и жители соседних сёл – не обращая внимания на непогоду, стоят, смотрят, как всё явственней и явственней «проявляется» уникальное по богатству погребально-

го инвентаря древнее захоронение женщины. Золотая налобная повязка – диадема и массивная, 900-граммовая гривна из кованой золотой проволоки. На её концах грифоны, мифологические крылатые чудовища с львиными туловищами и орлиными головами. На груди погребённой золотая брошь на руках и ногах браслеты. Кисти рук покоились в серебряных чашах. Бронзовое зеркало. Следы деревянной шкатулки, в которой лежали золотые перстни, флаконы для благовоний, бусы, застёжка из горного хрусталя в виде дельфина остаток деревянного саркофага.

Большинство найденных изделий украшены драгоценными камнями – изумрудом, гранатом, хризолитом, цитрином, яшмой, сапфиром, янтарём, сердоликом, агатом. Как считает геолог В. Супрычев, хризолит – оливин привезен с острова Забергет в Красном море, агат из Малой Азии (Лидия), сердоликовый оникс из Йемена, изумруд и сапфиры из Египта, шпинель или гранат, вероятно, с Востока, а жемчуг, которым украшены браслеты, не исключено, с берегов Персидского залива. А вот кулон из агатовой яшмы, встречающейся только в Крыму.

Основная работа по тщательному научному изучению драгоценностей Ногайчинского кургана ещё впереди, но уже сейчас ясно, что по своему происхождению их можно разделить на три большие группы: вещи собственно сарматского производства, изделия, изготовленные по заказам и вкусам сарматской аристократии в мастерских Боспорского царства или других античных центров Северного Причерноморья и изделия как бы «импортного» производства, попавшие к сарматам в качестве военной добычи, подарков, предметов торговли.

Конечно же, такой уникальный по богатству и

размерам курган не мог быть воздвигнут над погребением обычной женщины. Всё: и гривна, и налобное украшение (символы высокого достоинства), и положение рук в серебряных сосудах, как бы подчёркивающие знатность погребённой, и, наконец, само обилие украшений из золота и драгоценных камней общим весом более двух килограммов – даёт основание считать, что перед нами захоронение царицы или жрицы, жившей где-то в пределах конца II века до нашей эры – I века нашей эры.

Вряд ли когда-нибудь можно будет точно установить, чьи именно останки скрывал Ногайчинский курган. Но обращает на себя внимание одно любопытное и интригующее совпадение с письменными источниками.

У античного писателя Полиэна, жившего во II веке до нашей эры, есть такой рассказ: «Амага».

Как считают некоторые исследователи, эти события происходили в 165-145 годах до нашей эры. Именно в это время и был насыпан «наш» курган – самый богатый из всех раскрытых на территории Северного Причерноморья сарматских курганов. И на той же земле, где правила царица Амага...

А. А. Щепинский, начальник Северо-Крымской экспедиции института археологии УССР».

Интересно? По-моему, очень! Но история становится просто захватывающей, когда начинаешь вникать в процесс исследования и сопоставления деталей, в поиски и анализ древних текстов. Когда сталкиваешься с различными, часто непримиримыми суждениями учёных, с их острой полемикой.

В ходе изучения Ногайчинского кургана камнем преткновения сразу же стала датировка – возраст захоронения.

Один из самых пристрастных исследователей содержимого Ногайчинского кургана, доктор исторических наук, сотрудник Института археологии НАН Украины, специалист по сарматам Александр Владимирович Симоненко в статье «Стеклянные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника)» рассказывает:

«...Мнения о дате могилы разошлись. А. А. Щепинский, не будучи специалистом по сарматам, предложил достаточно широкий временной интервал: конец II века до н. э. – I века н. э., т. е. в пределах тогдашней даты среднесарматской культуры.

Я датировал погребение второй половиной I – началом II века н. э. (то есть на полтора-два века позже, чем Щепинский. – В. К.).

М. Ю. Трейстер (доктор исторических наук, научный сотрудник Института переднеазиатской археологии Свободного университета Берлин – В. К.) показал, что большинство ювелирных изделий из этого комплекса относятся к эпохе позднего эллинизма: конец III-I веков до н. э. (ещё на сто лет раньше, чем предположил Щепинский – В. К.), однако оспаривать мою (Симоненко – В. К.) точку зрения не стал».

А. В. Симоненко. «Археология, этнография и антропология Евразии», № 1, 2007.

Тут Симоненко мне непонятен. Трейстер сам датирует находку временем на три столетия более ранним, чем Симоненко, но и с Симоненко не спорит. Где логика?

Оппонентами Симоненко выступили крымские учёные: кандидат исторических наук, директор историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» Ю. П. Зайцев и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей

истории РАН В. И. Мордвинцева. Они согласились с датировкой Щепинского.

Но Симоненко не сдался:

«Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева ориентировались на раннюю дату золотых украшений и, невзирая на наличие в комплексе более поздних вещей, датировали памятник началом – первой половиной I в. до н. э. (слышится прямое обвинение в научной недобросовестности: «невзирая на наличие более поздних вещей...» – В. К.). Среди предметов, дата которых спорна – золотой перстень со стеклянной геммой, чаша из мозаичного стекла и фаянсовая тарелка».

Понятно, что ранние изделия, особенно ценные, могут попасть в позднее погребение, а вот изделия, изготовленные позже, в раннее погребение попасть не могут. Значит, указанные три предмета: перстень, чаша и тарелка становятся предметом доказательства спора. Симоненко не соглашается с ранней их датировкой и считает их изготовленными позже, уже в «нашу эру».

То есть, ещё раз: все изделия, найденные в Ногайчинском кургане относятся ко времени как минимум позднего эллинизма, то есть конец III в. до н. э. Если же перстень, чаша и тарелка сделаны позже, значит и весь курган насыпан позже – после – уже в новую эру.

Таким образом, на Ногайчинском кургане – простите за двусмысленность – сталкиваются две гипотезы: Щепинский и Зайцев-Мордвинцева предлагают раннюю датировку находки: II века до н. э. – I века н. э. Симоненко отстаивает более позднюю (почти на 300 лет позже – ничего себе!) дату. А Трейстер вроде как за первых двух, даже ещё более раннюю дату предположил, но и точку зрения Симоненко «оспаривать не стал» (?).

А уж совсем схематично: Щепинский и Зай-

цев-Мордвинцева датируют курган временем ДО новой эры; Симоненко – ПОСЛЕ начала новой эры.

Полемика учёных может показаться не слишком значительной на фоне лавины исторических перипетий и потрясений. На самом деле каждый пазл в картине должен занять своё место. Точная датировка заполняет пробелы во всеобщем потоке времен и событий. Она уточняет вольно толкуемые предположения. Связывает, на первый взгляд далеко отстоящие друг от друга явления. Гипотезы переходят в разряд исторических фактов. Картина мира проясняется. И не стоит смотреть на «прежние времена» снисходительно. Моя любимая Паола Волкова – учёный, искусствовед, историк, философ – вообще считала, что никакого прогресса нет и не было. У каждого времени свои высоты и свои провалы.

Археологи Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева уверены, что точная датировка содержимого Ногайчинского кургана чрезвычайно важна, что она *«по-особому отражается на оценке её (погребённой) социального ранга... Совершённое в I в. до н. э. ногайчинское захоронение является единственным в своём роде погребальным комплексом не только для территории Восточной Европы, но и для всего античного мира того времени... Видимо, не будет преувеличением обозначить статус ногайчинского погребения как “царский”»*.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций. «Боспорский феномен», т. 2, СПб., 2004. С. 290-297.

И далее в той же статье:

«Обзор ювелирных украшений наводит на мысль о том, что в Ногайчинском кургане была погребена

женщина, вкусы которой были сформированы в эллинском обществе. Однако похоронена она была по варварским обычаям и в варварской среде. Самое же из варварских украшений – гривна в зверином стиле – явно представляет собой элемент погребального ритуала, подчёркивающий высокий социальный статус покойной».

Авторы интересно объясняют устройство и назначение погребального, то есть предназначенного только для погребения, украшения:

«На этом предмете не зафиксировано следов ношения. Гривна в сжатом состоянии (её высота 14 см) жестко фиксировала шею и подбородок погребённой, и могла быть накручена на шею только один раз, видимо, перед совершением захоронения».

Щепинский, следуя за Полиэном, предположил в «хозяйке» Ногайчинского кургана сарматскую царицу Амагу. Впрочем, предположение, высказанное на страницах популярного журнала могло служить лишь «созданию интриги».

Зайцев и Мордвинцева предлагают связать данную археологическую находку с другими историческими событиями. И так же, по тону их публикаций понятно, что это допущение гипотетическое. Без надписей, подписей, свидетельств, серьёзные учёные о столь важных коллизиях могут высказывать лишь догадки. Но всё равно интересно!

Рассматривая исторический контекст, который можно сопоставить с этим погребением по времени и статусу, учёные обращаются к труду «Митридатовы войны» Аппиана, одному из наиболее достоверных источников по истории Причерноморья конца II – первой пол. I в. ДО н. э. Их внимание привлекли следующие эпизоды из «Митридатовых войн»:

«Он (Митридат) прошёл через земли скифских племён, воинственных и враждебных частью договариваясь с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастье, он вызывал к себе почтение и страх... Когда Митридат вступил в область Меотиды, над которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и царской власти, да и военная сила его, бывшая ещё при нём, была значительна; они пропустили его и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, ещё более удивительные планы: идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей»

Аппиан. «Митридатовы войны», 102.

Зайцев и Мордвинцева полагают:

«Этот единственный факт удачного бракосочетания дочерей Митридата VI Евпатора со скифскими царями произошёл около 65-го года до н. э. Данный пассаж можно сопоставить со спецификой погребального инвентаря ногайчинского погребения – преимущественно эллинский характер личных украшений, а также наличие в погребении предметов, связанных происхождением с Прикубаньем (кувшин, брошь-заколка, кулон и т. д.). В сочетании с «царским» статусом покойной эти наблюдения делают вероятным предположение о том, что в кургане могла быть похоронена одна из дочерей Митридата, выданная замуж за «скифского» царя. В этой ситуации усыпанные жемчугом, роскошные браслеты с изображением брачной пары Эрота и Психеи могли быть специально изготовленным свадебным подарком».

Вот! Разве это может быть неважным? Учёные почти идентифицируют «хозяйку кургана» как дочь Митридата VI Евпатора – последнего великого царя эллинистического Востока (Габелко О. Л.).

Аргументами своей гипотезы Зайцев и Мордвинцева приводят как раз не перстень и чаши, а браслеты.

БРАСЛЕТЫ

«Браслеты – самые примечательные украшения в личном уборе ногайчинской «царицы». В их декоре было использовано до 1500 жемчужин, покрывающих корпус браслетов сплошным слоем – исключительная роскошь, учитывая особую роль жемчуга в древних культурах. Сюжет «Эрот и Психея» является главным смысловым элементом браслетов... Фигурки показаны с округлыми формами, некоторые детали (кисти рук, их переплетение за спиной) переданы небрежно, элементы как бы перетекают один в другой, что является отличительным признаком позднеэллинистической пластики. Наиболее близкая иконография и такой же экспрессивный стиль исполнения отличают известную терракотовую статуэтку из Амиса... Поразительное сходство обеих композиций позволяет предположить для них общий прототип».

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.

«“Царица” из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций».

Симоненко категорически не согласен с крымскими учёными. Он приводит многочисленные аналоги фигурных композиций с Амуром и Психеей и гневается. Его тон ироничен:

«У этих авторов своеобразное видение сходства и различия, т. к. персонажи на браслетах и терракоте представлены в разных позах: на браслетах

Амур одной рукой обнимает Психею, а второй гладит её лицо, на терракоте он целует её в своих объятиях... В целом отсутствие технологических и стилистических аналогов заставляет оставить вопрос о датировке и месте производства таких браслетов открытым (это могли быть и Греция, и эллинистический Ближний Восток, и Египет). Полихромия и сюжет их характерны для эпохи эллинизма, но, как уже отмечалось, в Северном Причерноморье эллинистический вкус в ювелирных изделиях бытовал и в римское время».

А. В. Симоненко «Стеклянные и фаянсовые изделия из Ногайчинского кургана (к дискуссии о дате памятника)».

Лично я не имею права, не хочу и не стану арбитром в этом споре. Я даже стараюсь быть беспристрастной в пересказе его содержания и выборе аргументов, дабы, вырванные из контекста, они не повлияли на убедительность какой – либо из позиций. В то же время участвовать, пусть пассивно, в этой дискуссии чрезвычайно интересно. Во-первых, речь в ней идёт об открытии Аскольда Александровича Щепинского и одна из сторон отстаивает его гипотезу. Во-вторых, сама суть спора интересна. И в-третьих, захватывает жесткий, нетипичный тон научного диспута.

Аргумент Симоненко трудно оспорить: эллинистический вкус в ювелирных изделиях бытует и в наше время. И я бы с удовольствием надела аналоги извлечённых из кургана серёг и браслетов и многих других шедевров ювелирного искусства. Кроме, естественно, накрученной на шею после смерти гривну. Прекрасная, откровенно чувственная композиция «Эрот и Психея» на браслетах не может безоговорочно доказать гипотезу ранней датировки захоронения. Нельзя не согласиться

с Симоненко: хозяйка кургана могла носить дорогие, старинные уже и в её времена украшения. Этот изыск существует и сейчас.

Однако, возвращаемся к трём предметам, заявленным Симоненко, как изделия более поздние, опровергающие раннюю датировку Ногайчинского кургана.

Первый из них – золотой перстень со стеклянной геммой.

ПЕРСТЕНЬ

Анализируя перстень, Симоненко соглашается:

«Форма шинки (шинка в кольце, перстне ободок, обвивающий палец –В. К.) характерна для III-II вв. ДО н. э. Практически идентичен ногайчинскому по форме перстень I в. до н. э. из позолоченного известняка со стеклянной геммой (гемма – ювелирный камень с изображением), якобы найденный близ Розеттских ворот в Александрии (Британский музей)».

Поиск аналогов – важнейший элемент идентификации древних артефактов. Предмет может быть найден в центральном регионе, может быть привязан к известным событиям, принадлежать известным владельцам. Сходство с ним загадочной вещи, раскопанной в кургане кочевников, на окраине цивилизованного мира, например, в степном Крыму, многое говорит об этой вещи. Так, если «наш» перстень аналогичен найденному в Александрии, близ Розеттских ворот и возраст александрийского определён I веком до н. э., да ещё хранится он в Британском музее – представляю, сколько учёных умов над ним корпели – почти наверняка «наш» относится к тому же времени. Ура! Всё-таки «до». Однако раннее ювелирное изделие не доказывает безоговорочно ранний возраст погребения. Не доказывает, но, как бы это сказать, – даёт шанс. Ещё

раз указывает на ранние времена, привязывает к ним. Ко временам до.

Хотя рано радоваться. Симоненко этот шанс превращает в его противоположность. Учёный настаивает на более поздней датировке перстня, приводя довольно оригинальный аргумент:

«Исходя из стиля геммы, я предположил, что она была изготовлена и вставлена в перстень позже – в Римское время. К такой мысли склоняло и состояние вещи: гемма несколько меньше оправы и сидит в ней неплотно; края оправы деформированы, скорее всего, для того чтобы закрепить не подходящую по размеру вставку».

Аргоро: Интересно, много ли в истории случаев, когда шинка перстня относится к одному времени, а гемма к другому? Действительно, интересно. Без иронии.

Зайцев и Мордвинцева не согласны с этим предположением Симоненко. Они считают, что на инталии изображена царица Египта Арсиноя III. Изображение на гемме перстня из Ногайчинского кургана совпадает с портретом Арсинои III на монетах. Похоже, что это изображение одной женщины. А стало быть это II век до н. э.

Симоненко возражает:

«...Никто не может гарантировать, что на гемме изображена именно она».

Действительно. Гарантировать трудно. Далее на четырёх страницах, с абсолютной научной скрупулёзностью Александр Владимирович Симоненко описывает разные части перстня, технологию их изготовления, прослеживает множественные аналоги, стилистику, временные отличия и т. д и т. п. Вывод его остаётся неизменным:

«...Хронологическая разница между перстнем и вставленной в него геммой очевидна...»

А мне этот вывод кажется каким-то зыбким.

Но есть ещё чаша из мозаичного стекла и фаянсовая тарелка. Может быть, их поздняя датировка будет более убедительной? Безоговорочной? Почему нет?

ЧАША

Вернее даже сказать не чаша, а чашечка. В коллекционной описи № 82 с.7 А. А. Щепинский обрисовывает её лаконично:

«Чаша из стекла с внутренним рисунком. Диаметр 9 см, высота 5 см».

По поводу драгоценной чашечки спор учёных становится ещё ожесточённой, с применением запрещённых приёмов. Например, о Щепинском Симоненко пишет:

«В отчёте Щепинского она (чаша – В. К.) описана более чем кратко и невразумительно».

Невольно сопоставляя дату статьи Симоненко – 2006 г. – и дату кончины Аскольда Александровича Щепинского – 1997 г. – становится ясно, что один из спорщиков столь же резко ответить другому уже не может. Чем вызвана подобная неучтивость по отношению к старшему коллеге, трудно сказать.

Мордвинцева и Зайцев описывают чашечку более детально:

«Фон орнамента – желтое стекло; спиральные завитки выполнены из полупрозрачного стекла с добавлением золотых вкраплений. Диаметр венчика 8,5 см, поддона 4 см, высота сосуда 5 см».

Если согнуть большой и средний пальцы руки взрослого человека полумесяцем, да ещё и сблизить их порядочно, получится как раз 9 сантиметров. Поэтому

и чашечка. На чашу не тянет. А, между тем, чашечка драгоценная. Изготовлена в технике миллефиори, что в переводе с итальянского означает «тысяча цветов». В научной литературе такие изделия называются полихромными. Технология была изобретена в Древнем Египте. В I веке до н. э. позаимствована римскими стеклодувами, затем утрачена. И возродилась только в XIX веке. Прямым наследием техники миллефиори является венецианское муранское стекло.

В монографии 2011 года «Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья» Симоненко пишет:

«...В Северном Причерноморье сосуда миллефиори были редкостью, возможно из-за их дороговизны. Плиний Старший писал, что небольшой сосуд в технике миллефиори стоил 70 талантов... В Северном Причерноморье они найдены в двух погребениях».

Одно из двух драгоценных стеклянных изделий находилось в Ногайчинском захоронении.

В полемике о датировке чаши и всего Ногайчинского комплекса Симоненко завершает тему достаточно категорично:

«Фото из отчета А. А. Щепинского вызывает сомнения в достоверности описания чаши, приведенного Ю. П. Зайцевым и В. И. Мордвинцевой. Спираль, формирующая корпус, на снимке совершенно не видны. Возможно, в этом виноваты патина и очень плохое качество фотографии... Чаша из Ногайчинского кургана на снимке больше напоминает миллефиори раннего римского времени – с одноцветной основой, в которую вкраплены разноцветные «брызги»... Таким образом, я не вижу оснований датировать стеклянную чашу из Ногайчинского кургана (а по ней – весь комплекс, как это делают Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева) только первой половиной I в. до н. э.

Уточнить время ее изготовления в пределах I века до н. э. — I века н. э. вряд ли возможно.»

Однако тема не закрыта. Через пять лет, в 2011 году, в монографии «Римский импорт» Симоненко продолжил полемику.

«До последнего времени эта чашка была известна лишь по плохому фото из отчета А. А. Щепинского. В статье Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой появилось еще одно фото, и мои сомнения в его существовании оказались, к общему удовольствию, безосновательными. Качество этого воспроизведения также оставляет желать лучшего, и рассмотреть на нем спирали можно лишь при большом увеличении и желании...»

Таким образом, я по-прежнему не вижу возможности уточнить дату ногайчинской чашки в пределах I века до н. э. — I века н. э., со спиралями она или без них».

Напомню, что с раскрытия Ногайчинского кургана прошло 37 лет и 14 лет после смерти А. А. Щепинского. Может быть, причина саркастической интонации А. И. Симоненко по отношению к научным оппонентам кроется в некой обиде? Может быть, в тексте сноски?

«Я тогда не знал странную манеру А. А. Щепинского описывать вещи из погребений в коллекционной описи в конце отчета и легкомысленно даже не заглянул туда. Для объема этот черновик был вложен в рукопись и сдан в издательство, а когда я предоставил новый вариант и попросил заменить им старый, об этой просьбе скорее всего забыли. Верстка до меня не дошла, поскольку я был в экспедиции, и все ошибки оказались опубликованы, за что и приношу свои извинения и сожаления».

Вот, возможно, корень обиды. Невнимательная

работа с записями привела Симоненко к ошибкам в научной публикации.

В то же время вопрос датировки остался открытым. Доказательства, что чаша сделана ПОСЛЕ, в римское время, как настаивает Симоненко, имеют сильные контраргументы Зайцева и Мордвинцевой. Они продолжают утверждать, что чаша относится ко времени позднего эллинизма. А значит, ДО.

Остаётся тарелочка.

ТАРЕЛОЧКА

Последняя надежда. Доказав, что тарелочка была изготовлена ПОСЛЕ, Симоненко может утверждать, что и всё погребение не могло быть сделано ДО, а только ПОСЛЕ.

Напоминаю: до – это «до новой эры». II либо I век, а ещё важно – начало или конец века. Всё это влияет на толкование событий, создаёт иное наполнение, иной контент, если хотите. Языком же историков водораздел проходит между поздним эллинизмом и более поздним – римским временем.

На мой взгляд, как раз тарелочка наиболее явно указывает время ДО. Этот научный поиск может осуществить даже заинтересованный читатель – дилетант.

Даётся описание тарелочки Щепинским:

«Тарелочка глазурованная с головой Сатира в центре. Глина, глазурь голубая. Диаметр внутренний 5,5 см, ширина бортика 1,2 см, диаметр дна 2,5 см».

Описание Зайцева и Мордвинцевой более подробно:

«Это сосуд из белого фаянса с глянцевым пятнистым покрытием зеленовато-голубого цвета. У та-

релки горизонтальный широкий венчик, неглубокий корпус и слабо выраженный кольцевой поддон. По венчику проходит рельефный орнамент в виде венка. На дне в обрамлении рельефного “жгута” помещено слабо рельефное изображение человеческого лица с повязкой на лбу и округлыми локонами прически. Диаметр венчика 8,2 см, дна – 2,5 см, высота сосуда 2 см».

Крымские учёные подчёркивают уникальность тарелочки и отмечают, что сочетание белой фаянсовой основы с бирюзовой («зеленовато – голубой» в описании) позволяют датировать находку как римским временем, так и поздним эллинистическим.

1:0 – ведут крымчане.

Симоненко указывает на ближайший аналог тарелочки: изделие, найденное в иранском Азербайджане и хранящееся в Национальном музее Ирана (Тегеран). Она (иранская тарелочка) датируется парфянским периодом. Других данных нет. Парфянский период в английской историографии аналогичен римскому времени. Римское время, значит после.

1:1.

Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева привели еще одну очень близкую параллель — тарелку из Смирны. Она практически идентична ногойчинской по диаметру (8,2 см), цвету и орнаментации, лишь в центре дна другая рельефная маска — сатира.

Тарелка из Смирны датируется I веком до н. э.

2:1 в пользу сторонников до.

Но у Симоненко в рукаве есть ещё один аргумент:

«В упомянутых работах я склонялся к датировке ногойчинской тарелки римским временем и предлагал сопоставить такие сосуды с группой вотивных (жертвенных – В. К.) египетских стеатитовых (природный материал – В. К.) чаш позднеэллинистическо-

го и римского времени... Клаус Парласка датировал египетские чаши в достаточно широких пределах — от позднего эллинизма до римского времени. Я не исключаю, что тарелки типа ногойчинской — фаянсовый дериват египетских стеатитовых чаш».

Однако Клаус Парласка — немецкий учёный, изучавший и описавший стеатитовые чаши, не видит в них аналогии с ногойчинской. Об этом честно упоминает в сноске Симоненко:

«В личном письме автору профессор Клаус Парласка выразил сомнение в правомочности такого сопоставления».

Но даже если бы аналогия была убедительна, она позволяла бы датировать тарелочку временем позднего эллинизма, а значит, до.

3:1. Определённо, наши крымские ведут.

Тут уж Симоненко не то чтобы признаёт поражение, но как бы смещает акценты. Стрелка переводит спор на несколько иные рельсы. Судите сами:

«Тарелка из Тегеранского музея не имеет узкой даты, а второй аналог — из Смирны — датирован I в. до н. э. Если эта дата верна, то и ногойчинскую тарелку следует отнести к тому же времени. На каком основании Ю. П. Зайцев и В. И. Мордвинцева считают, что такие сосуды не позднее именно первой половины этого столетия или даже конца II в. до н. э. мне непонятно».

Задиристый тон Симоненко не исчезает. Но — вы обратили внимание? — суть вопроса перемещается исключительно во времена до!

Стало быть, версию крымских учёных Зайцева и Мордвинцевой и предшествующую ей датировку, заданную Щепинским можно считать окончательной? Вовсе нет. До 2011 года ни одна из сторон не согласи-

лась полностью с доводами оппонента и по мнению Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой «дискуссия зашла в тупик».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

Мой поверхностный очерк ни в коей мере не передаёт научную глубину спора, который на самом деле изобиловал сложными понятиями, доступными только профессионалам, анализом множества фактов и теорий в разных научных плоскостях и контекстах. Позиция Александра Владимировича Симоненко имела под собой научную основу. Справедливое замечание приводит по этому поводу Валентина Мордвинцева:

«Очевидно, однако, что когда погребение датируется по предполагаемому историческому контексту его совершения, то нарушается процедура исследования его археологического источника. Это справедливо и в отношении соотнесения всех богатых погребений Нижнего Дона, а затем и всего Северного Причерноморья с аланами... Таким образом, археологический материал был использован только как иллюстрация сведениям, полученным из нарративной традиции».

Всё же точка в дискуссии была поставлена благодаря современным научным достижениям, а именно, естественнонаучным методам исследования, а ещё точнее, датировке по углероду C14.

Подробности этой работы можно найти в статье Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева, К. Хеллстрём «Радиоуглеродные датирования женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте» Сборник научных статей, 2013 год.

Для исследования взяли костный материал фаланги пальца погребённой. Пальца кистей рук, «уложенных в серебряные сосуды». Второй предмет для

проверки – фрагмент дерева ножки гроба. Два разных материала исследуются, а затем результаты сопоставляют для устранения возможных погрешностей. Кто думает, что радиоуглеродный анализ даёт несомненный, единственно правильный ответ – глубоко заблуждается. Эта процедура также неоднозначна и требует глубокой научной проработки. Данный аспект выделяет один из авторов статьи К. Хеллстрём:

«Независимое датирование памятников сарматского времени на территории Северного Причерноморья естественнонаучными методами вызывает у ряда исследователей определённое сомнение. Так считается, что при датировке археологических комплексов раннего железа по $C14$ эти даты представляют собой относительно широкие временные отрезки, не способные наиболее верно отобразить действительную дату существования памятника.

Тем не менее, предлагаемый здесь пример отображает возможность уточнения представлений о хронологии при комбинировании естественнонаучного и археологического датирования в ряде конкретных случаев».

Анализ фаланги пальца проводился в лаборатории радиоуглеродного датирования Лундского университета Швеции. Деревянную ножку гроба исследовали в научном центре Мангейма, Германия.

После интереснейшего описания процесса исследования авторы делают вывод:

«В итоге можно предположить, что с наибольшей вероятностью время совершения погребения женщины в Ногайчинском кургане относится к I веку до н.э.».

И вот уже в Москве, в 2018 году, читая лекцию в Национальном исследовательском университете ВШЭ «Взлёты и падения элит. Символы власти в археологи-

ческих контекстах», Валентина Мордвинцева подвела итог многолетней дискуссии, подтвердив гипотезу, выдвинутую в 2004 году:

«Видимо, это была одна из дочерей Митридата Евпатора, который, как мы знаем, умер на горе Митридат в Керчи, в 63 году до н. э. Примерно к этому же времени относится Ногайчинское погребение, тоже в Крыму».

Так или иначе, Ногайчинский курган – крупное историческое открытие, которое считается главным событием научной биографии Аскольда Александровича Щепинского. А между тем, более чем за 50 лет работы в археологии Щепинским сделано порядка 800 открытий. Хотя в данном контексте понятие «открытие» двусмысленно. Прямое открытие – раскоп исторических объектов и научное открытие, комментарий, интерпретация, вывод. Думаю, что правомерно и то и другое толкование.

Путеводитель

Я бережно храню одну старинную, уже рассыпавшуюся по страничкам книгу. Путеводитель «Крым» 1925 года издания. Книжка вышла по инициативе Московского физиотерапевтического общества и была призвана помочь «...народным массам ознакомиться с лечебными богатствами нашей Республики».

В создании путеводителя участвовали удивительные авторы. Профессор Борис Фёдорович Добрынин обрисовал геологическое прошлое и настоящее полуострова, флору и фауну Крыма. Чего стоит только название его очерка: «Крым как обломок Средиземья».

Население, хозяйство и все возможные маршруты осветил учёный, краевед и литератор д-р Иван Михайлович Саркизов-Серазини. Содержание его текстов объяснимо для 1925 года. Через 7 лет после Октябрьского переворота большевикам важно было любыми аргументами скомпрометировать монархический, самодержавный режим. Поэтому запись Саркизова-Серазини открывает любопытные, никогда ранее не встречавшиеся факты:

«Те сведения, которые дошли до нас к моменту покорения Крыма войсками Екатерины, рисуют страну как густонаселённый край, покрытый цветущими селениями.

До прихода русских население занималось скотоводством, в озёрах осаждали соль. Сохранилось описание Палласа, где он отмечает то искусство, с каким татары возделывают свои сады, их знание сложных прививок...

Но с того момента, как тяжёлый сапог екатерининского солдата прошёлся по безбрежным степям Тавриды, а над столетним ханским дворцом взвился флаг с чёрным силуэтом орла, физиономия края быстро меняется. Гордые потомки некогда могучей орды, перед которой трепетали и Русь, и Литва, и Польша, напуганные слухами о крещении, подвергаемые насилиям со стороны победителей, в паническом страхе бросают города, деревни, гробницы отцов и бегут в единоверную Турцию.

И некогда цветущий край приходит в упадок и замирает на долгое время. Искусственное заселение государственными крестьянами и щедрая раздача земель развратной императрицей князьям и дворянам не могут спасти Крым от упадка и запустения. По словам учёного Палласа, число выселившихся татар

в 1790 году достигло 80 000 человек из числа 140 000 населявших край»

Замечательно интересны и трогательны описания Крыма столетней давности:

«Из Симферополя в Алушту выезжают рано утром. Кроме обычных линеек и автомобилей для многочисленных экскурсантов, можно нанять крымскую «мажару», вмещающую в себя человек 20 и стоящую наполовину дешевле. Для этого необходимо отправиться в один из постоялых дворов на базаре и сговориться. Там же встречаются линейки и экипажи, возвращающиеся обратно в Алушту. Они значительно дешевле, чем вновь нанимаемые...

Когда едешь Алуштинским шоссе, то не можешь не обратить внимания на ту тишину, которой заполнены не только застывшие в молчании леса, лишённые прелестной возни, гама, свиста наших пернатых обитателей, но и на безмолвие самого пути.

Изредка-изредка проедет встречная линейка, да внезапно где-то вверху заноеет надрывистая песня, полная вековой жутости и тоски, грека «дангалаки», тяжёлым молотом кромсающего щебень, идущий для утрамбовки дорог. Весь путь очень утомителен. Здесь впервые знакомишься с характером крымских предгорий, с их флорой, ещё напоминающих флору наших южных губерний, и здесь же познаешь все отрицательные свойства крымской пыли, заполняющей рот и уши, волосы, одежду, отравляющей весь переезд, внушающей больным лёгкими определённый ужас. Для молодежи рекомендуется пройти этот путь пешком, но обязательно с заходом в пещеру Кизил-Коба. Путь в пещеру Кизил-Коба следующий: дойдя до дер. Чавке, по мосту переходят реку Ангару (влево от дороги) и доходят до дер. Кизил-Ко-

ба. Здесь, взяв проводника, направляются вдоль реки Су-Учхан, до прелестной поляны, образуемой изгибом реки, образующей водопад. На краю этой поляны расположена небольшая сталактитовая пещера. Отсюда тропинка идёт вверх к двум огромным пещерам: верхней Иэль-Коба (Ветряная пещера) и нижней Харанлых-Коба (Грязная пещера). Входя в пещеры, нужно с собой иметь свечи и магний. Обе пещеры имеют длинные переходы и залы. Во второй из них течёт подземная река. В нижней пещере была стоянка человека каменного века, здесь были найдены скребки, ножи, молотки и проч.».

Могу заметить: кое-что узнаваемо. Я позволила себе столь длинное цитирование, потому как откуда же ещё вы узнаете, где можно нанять крымскую мажару?

Вот ещё – можно прикинуть:

«ПРАКТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ: Извозчики. – Определённой таксы нет. Извозчики запрашивают в 2 раза. Необходимо торговаться...

Жизнь в Севастополе дешевле, чем на Южном побережье. Летние цены номеров в гостиницах от 1 р. 50 к. до 6 р. в сутки. В частных квартирах можно иметь комнаты от 10 до 50 руб. в месяц. Обеды в лучших ресторанах от 80 к. до 2 р., а в кухмистерских 60-75 к.».

* * *

Раздел «Культура, искусство, памятники Крыма» написал Максимилиан Волошин. Его художественные обобщения поражают пронизательностью:

«“Дикое Поле” и “Маре Интернум” определяли историю Крыма.

Для Дикого Поля он был глухой заводью.

Во время человеческих походов оно выступало из берегов и затопляло его. Соседний Кавказ был гребнем, о который чесались все народы, оставляя на его зубцах клоки руна и шерсти всех мастей – образцы расы. Это делает Кавказ этнографическим музеем.

Крым – не музей. Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безводной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались.

Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенег, хазары, половцы, татары, славяне... – вот аллювий Дикого Поля.

Греки, армяне, римляне, венецианцы, генуэзцы – вот торговые и культурные дрожжи Понта Эвксинского.

Сложный конгломерат расовых сплавов и гибридных форм – своего рода человеческая «Аскания Нова», все время находящаяся под напряженным действием очень сильных и выдержанных культурных токов.

Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как все, что идет от Азии, – его роль степного полуострова, и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей – роль самого крайнего сторожевого поста, выдвинутого старой средиземноморской Европой на восток».

Максимилиан Волошин – поэт, переводчик, художник обнаруживает в высказанных им исторических сентенциях глубину истинного ученого:

«В то время как Херсонес во все эпохи своей двухтысячелетней истории является носителем чистого греческого духа безо всякой варварской примеси, культура Боспора является сложнейшим сплавом многих

варварских рас, хотя и с постоянным коэффициентом эллинизма...

Мы дошли до последних слоев, выступающих на самую поверхность. Эта почва, представляющая огромное расовое напластование всех племен, когда-либо проходивших через Дикое Поле, и глубоко проработанная эллинскими, римскими и итальянскими токами, заливается татарским племенем.

Монгольское население оказывается очень плавким и гибким и быстро принимает в себя и кровь и культуры местных рас. Греческая и готская кровь совершенно преображают татарство и проникают в него до самой глубины мозговых извилин. Татары дают как бы синтез всей разнообразно-пестрой истории страны. Под просторным и терпимым покровом Ислама (было и такое – В. К.) расцветает собственная подлинная культура Крыма. Вся страна от Мелитийских болот до южного побережья превращается в один сплошной сад: степи цветут фруктовыми деревьями, горы – виноградниками, гавани – фелюками, города журчат фонтанами и бьют в небо белыми минаретами.

В тенистых улицах с каменными и деревянными аркадами, в архитектуре и в украшениях домов, в рисунках тканей и вышивках полотенца догорает вечерняя позолота византийских мозаик и облетают осенние вязи итальянского орнамента».

* * *

Собственно исторический раздел путеводителя: «Крым и его прошлое» написал профессор Алексей Степанович Башкиров. А. С. Башкиров (1885-1963 гг.) советский (и русский) историк, антиковед, археолог.

Специалист по древней истории, искусствоведению и архитектуре, этнограф и краевед, культуролог, один из основателей советской палеосейсмологии.

Какое наслаждение читать тексты, не обезображенные идеологическими догмами! В 1925 году так писать было ещё возможно. Несомненно, прошедшее столетие археологических и научных открытий внесло свои коррективы и дополнения. Но выводы учёного говорят о высоком уровне русской исторической науки начала XX века.

«Средневековая эпоха в Крыму.

В середине III века готы проникли в Тавриду и быстро и легко здесь обосновались, чему благоприятствовало ослабление скифов, разбитых ещё Диофантом и римскими войсками, и смуты в ослабевших Херсонесе и Пантикапее.

Рим к тому времени увёл свои последние войска, оставив на произвол судьбы слабую Тавриду. Готы заняли главным образом юго-восточную половину Крыма и прошли к южному его берегу.

Вся Таврида в руках готов, и Боспор с Пантикапеей и Херсонес – покорные их слуги».

В 1935 году, через 10 лет после выхода путеводителя А. С. Башкиров был репрессирован, арестован и выслан в Казахстан.

Следствие добивалось от него признания участия в организациях, готовящих свержение советского строя. Башкирова допрашивали ночами с применением «физических методов воздействия». Об этом пишет советский историк А. А. Формозов в книге «Русские археологи в период тоталитаризма. Следственное дело трёх профессоров-историков 1935 года», 2006 г. Одним из этих профессоров и был Алексей Степанович Башкиров. Его точку зрения по вопросу заселения готами

Крыма Формозов и, по-видимому, следствие не называют. Напомню, что в том же 1935 году за упоминание готов в Крыму был репрессирован Николай Львович Эрнст. Видимо, путеводитель по Крыму не был в глазах сталинских душегубов значительным событием.

Гунны

В IV веке из Великой степи в Европу вторглись «превосходящие в своей дикости всякую меру» (Марцеллин) гунны. Их нашествие повлекло за собой эпоху Великого переселения народов – тектоническое перемещение этносов, в результате которого в Европе были заложены основы национальных государств в современном понимании.

Наступило время, когда основополагающими становятся письменные свидетельства. Древнеримский историк Аммиан Марцеллин (330-395 гг.) жил в одно время с гуннами. Фракиец Приск Панийский (примерно 410-472 гг.) сам был участником посольства к Атилле, вождю гуннов. Труды этих историков драгоценны. Археология их подтверждает, уточняет, иногда оспаривает.

«Они... сокрушают всё что попадает на пути. Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашную рубятся безрассудно мечами, а сами, уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают на врага крепко свитые арканы... Все они, не имея ни определённого места жительства, ни домашнего очага,

ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жёны ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина... Подобно неразумным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах... не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту».

Аммиан Марцеллин. «Деяния».

В древних легендах гуннов называли исчадьем ведьм, сыновьями болотных духов. Историки считают, что, средневековые хронисты преувеличили этот «ужас ужас!». Возможно, из-за того, что это было первое столкновение европейцев с монголоидами. Напротив, Приск Панийский свидетельствует, что гунны занимаются коневодством, торгуют, устраивают ярмарки. Атилла, снискавший прозвище Бич Божий, представлялся Приску грозным, но мудрым правителем и дипломатом. В войнах Атилла успешно применял тактику кавалерийской атаки, и осаду городов. Он подчинил себе огромные территории на Балканах и в Подунавье, опустошил Галлию и Италию. *«Аттила сравнял с землёй всю Европу»* (Марцеллин). После смерти Атиллы в 453 году и крушения его империи гунны влились с состав других восточноевропейских народов.

В конце IV века гунны вторглись в Крым.

Их вторжение – целая история, вернее несколько историй, рассказанных историками V века. Бык, преследуемый оводом, бросился в воду, пастух за ним, но они не утонули, а обнаружили переправу. Или вовсе не бык, а лань показала дорогу, чуть прикрытую водой. И было это в Азовском море недалеко от Арабатской

стрелки. Или, может быть, в Керченском проливе, который наносы ила и песка иногда превращали в мелководье. И по нему можно было перейти прямо из Азии в Европу. Потому что на средневековых картах именно Керченский пролив отделял Азию от Европы. Или ещё может быть, что это было зимой, когда Керченский пролив покрывался льдом.

Вначале от гуннов пострадала западная часть Боспорского царства. Была разрушена Феодосия. О бедствиях, вызванных их вторжением свидетельствуют слои разрушений и пожаров, открытых археологами на раскопах городов Керченского полуострова. Однако сам Боспор был взят гуннами лишь через столетие. Не удалось гуннам добраться и до Херсонеса. На пути к нему лежали крымские степи. Жители степей: сарматы, аланы, готы приняли основной удар и были оттеснены к Главной гряде Крымских гор. Обломок гуннского котла найден в дерновом слое, перекрывавшем руины Неаполя Скифского.

Немногочисленные погребения гуннов рассеяны по степи. Они совершены в перекрытых деревом ямах, выкопанных в насыпях уже имевшихся курганов. С гуннами связан впервые появившийся в крымской степи языческий обряд кремации (М. М. Казанский). В захоронениях гуннов найдены довольно изящные украшения, сделанные из золота. Похоже, что для этого гунны переплавляли золотые римские монеты. Видимо, считали, что для украшения оружия или сбруи коня золото нужнее. Мастер разделял поверхность золотого изделия на ячейки и вставлял в них красные камни: гранаты-альмандины, сердолики или стекло. Эта технология носит название «гуннский полихромный стиль». Она включает также ювелирную технику под названием «зернь», когда маленькие шарики – зёрнышки – на-

паивают кучно на поверхность изделия. К гуннской культуре причислены и литые бронзовые котлы, красивые, возможно ритуальные, совершенно особой конфигурации.

Готский историк VI века Иордан повествует, что в Крыму гунны под названием альцагиры проживали между Боспором и Херсонесом. Они пасли скот в степях, с наступлением жары уходили на север в низовья Днепра и Буга, а на зимовку опять возвращались в Крым.

«В степи сохранилось немного памятников, относящихся к этому смутному времени. Одним из самых интересных можно считать погребение кочевника IV-V вв. н. э. Оно обнаружено в кургане близ села Мирюлюбовки Красногвардейского района. Богатство инвентаря, пышное убранство одежды, украшения конской сбруи и оружия говорят о знатности погребённого. В могилу рядом с воином был положен его боевой конь, большой бронзовый жертвенный котёл, железный меч, наконечники стрел. Самыми замечательными находками в погребении, благодаря которым оно привлекло внимание археологов, были многочисленные золотые бляшки и нашивные пластинки с тисненым узором, украшенные вставками альмандина (лилово-красный драгоценный камень). Весь комплекс в целом даёт полное представление о парадном облачении и вооружении знатного воина-всадника, о торжественности погребального обряда. На лбу у него богатая золотая диадема, на шее – массивная гривна, золотые пластинки покрывают кожаный пояс воина, сбрую его лошади, ножны и рукоять меча».

Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский.
«Там, где пройдёт Северо-Крымский...»

Вот вам и бронзовый жертвенный котёл, и узоры, украшенные вставками альмандина. А ведь на всю Европу подобных погребений 40-50-60 (М. Казанский). Это в степи, а на востоке Крыма, на Боспоре, вскоре (через столетие) развернулись более интенсивные события.

Прокопий Кесарийский пишет:

«Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть василевса Юстина» (518-527 гг.).

То есть Боспор подчинился Византии.

Прокопий полагает, что это произошло как раз в связи с угрозой наступления гуннов. Однако события приняли неожиданный оборот. В первый же год царствования Юстиниана I предводитель гуннов Горд отправился в Константинополь и крестился. Этот факт иллюстрирует второе – идеологическое направление политики Византии. Восприемником Горда был сам император. Юстиниан I преподнёс Горду щедрые дары. На деле крещение означало подчинение гуннов Византии. На Боспор Горд вернулся в сопровождении византийских воинов под командой их военачальника и с заданием охранять границы государства, город Боспор и собирать с гуннов «дань быками». Возвратившись Горд первым делом расплавил гуннских языческих идолов, сделанных из электрона и серебра и обменял ценные металлы на римские серебряные монеты – милиарисии.

Жрецы подговорили гуннов убить Горда и передали власть его брату Муагерию. Вслед за этим был уничтожен византийский гарнизон, захвачен Боспор и разрушены два византийских города.

Император послал против гуннов готов, скифов и других гуннов, подчинявшихся Византии. «Наши» гунны бежали.

«В Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно».

Ромеями (греч.) или римлянами называли себя византийцы.

Эту историю описали пятеро хронографов. Она иллюстрирует, сколь насыщено событиями и густо заселено было крымское средневековье. Напомню, что и в прямом понимании плотность населения раннесредневекового Крыма до X века превышала сегодняшнюю. (В. Майко).

Пещерные города

Как «обломок Средиземья», Крым претерпел все трансформации античной Европы: архаика, классическая Греция, эллинизм, Рим, Византия.

На рубеже античности и средневековья главным фактором для Таврики стала Византия, а главным византийским городом в Крыму – Херсонес, который назывался теперь Херсон.

Император Юстиниан I Великий (483-565 гг.) отстроил заново военные укрепления Херсона и Боспора (ранее Пантикапей). По его распоряжению были воздвигнуты новые крепости Алустон и Горзувиты. Эти четыре обозначения указаны в трактате «О постройках» византийского историка VI века Прокопия Кесарийского, посвящённом созидательной деятельности Юстиниана. Руины древних крепостей Алустон и Горзувиты и сейчас можно увидеть в Алуште и Гурзуфе.

«10. Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу... и находятся на краю пределов

римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими.

11. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзубитах».

Прокопий Кесарийский.
«Война готов», Книга 3, раздел VIII

Но есть территория, ныне малолюдная, почти запустевшая, которая на протяжении крымского средневековья была густозаселённой и чрезвычайно важной, потому что являлась пограничьем с Диким полем, заслоном и регулятором в отношениях с воинственными ордами степных кочевников. Это юго-западный Крым – пространство внутренней гряды Крымского хребта.

Юго-западный Крым замечательно красив. Долины утопают в зелени, раскрашенной цветущими садами весной и золотом лесов осенью. Сады благоухают, птицы щебечут, ручьи журчат. Среди долин возвышаются одетые лесной порослью одиночные горы-останцы с плоскими вершинами. Они и стали местом возникновения «пещерных городов», чьё совместное присутствие в одном регионе – явление уникальное.

При виде пещерных городов, действительно, дух захватывает. Я помню, как онемели от восторга шумные пятиклассники, когда, миновав сады села Малиновка, вышли на простор и увидели вверху над собой меловое кружево опустелых пещер Баклы. С самого начала было понятно, что пещеры рукотворны, что это человеческая обитель, но непривычная, диковинная, ни на что не похожая. Что это какой-то фантастический альянс человека и природы.

С вершин же, с плато, взору открывался простор невиданный. Поистине, зрелище заслуживает высокого стиля. Для его описания приведу слова поэмы иеро-

монаха Матфея, посетившего эти места в 1394-м году. Матфей обращается к городу Мангун:

Как же сумел ты вознестись высоко над землей
Достойный обозрения со всех сторон,
 как с земли, так и с моря?
Кто сотворил твои источники сладкой
 кристальной воды,
Лужайки и долины, мысы и лощины?
Ибо нигде в мире не найдешь
 ни более широкого пространства,
Ни более великого города,
 кроме, пожалуй, Константинополя,
О чудо из чудес, меня изумляет твое сотворение!

В научной классификации пещерные города относятся к разделу «скальная архитектура».

«В юго-западном Крыму в средневековое время возникают «пещерные города» — Каламита (Инкерман), Эски-Кермен, Сюрень, Качи-Кальон, Тепе-Кермен, Кыз-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла и др. Они располагаются на живописных скалах, господствующих над горными ущельями и долинами. Одни из них — крупные города площадью до 10-15 га (Чуфут-Кале, Эски-Кермен, Кыз-Кермен), другие поменьше — всего 1-2 га (Тепе-Кермен, Сюреньское укрепление)».

А. Щепинский. «Археологические памятники.
Крым. Путеводитель», 1982.

* * *

Историки, путешественники, исследователи по-разному объясняли возникновение пещерных городов Крыма. Существовало мнение, что их создали тро-

глодиты – доисторические люди, способные размягчать скалу. Слово «троглодит» на древнегреческом и означает «живущий в пещере». Размягчение скалы вызывает вопросы.

Директор Симферопольской мужской гимназии и училищ Таврической губернии Е. Л. Марков в статье «Пещерные города Крыма» (1872) предположил:

«Первоначальное происхождение этих пещерных гнезд относится к доисторическим временам человечества, когда человек еще не успел выбиться из общих зоологических условий существования... Тут одно рабское подражание птице и насекомому».

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона также написано, что пещеры создавались доисторическим человеком.

Путеводитель, выпущенный перед посещением Екатериной II Крыма в 1787 году сообщает:

«В самой древности в берегах ее (Севастопольской гавани – В. К.) жили тавры, коих жилища и по сие время в крутизне каменных утесов изсеченные, во многих местах еще целы».

Более близкую современной гипотезу выдвинул П. И. Сумароков в начале XIX века в своём труде «Путешествия по Крыму»:

«Не готы ли, сие отродие скифов, озаренные уже христианской верой и бывшие в малом здесь числе, найдя выход себе из Тавриды загражденным, от мняющихся в ней повелителей сармат, гуннов, казар и половцев, поселялись ради безопасности своей на тех громадах».

Возникали теории о создании пещерных городов иконопочитателями, бежавшими от иконоборцев Византии.

«Пещеры... суть работы монахов, живших во

времена императоров и более поздние времена», — писал П. С. Паллас в 1799 году в «Путешествии по Крыму».

Дискуссии по поводу пещерных городов и времени их возникновения ведутся до сего дня.

Наиболее экзотические предположения содержатся в публикациях Т. М. Фадеевой. Они основаны на теории, сформулированной в 1996 году американскими учёными-геологами, согласно которой примерно 7,5 тысяч лет назад произошёл прорыв Босфора и «масштабный, катастрофический подъём вод Чёрного моря» (W). Низменные территории затопило и люди того времени были вынуждены поселиться высоко в горах. Внутри некоторых пещер обнаружены выступающие из стены каменные рёбра, в которых сделаны отверстия, «проушины». «Проушины» иногда встречаются вне пещер, на скалах. И вроде бы существуют предания, что видели в этих проушинах железные или медные кольца и служили они для причаливания лодок. Другие версии: проушины служили для привязи скота.

* * *

Свыше 45 лет ведёт раскопки Мангуп-Кале крымский учёный историк и археолог — Александр Германович Герцен. Археология пещерных городов в Крыму имеет свою специфику. Дело в том, что в скальных гротах культурный слой начисто отсутствует. Смыт ливнями, выветрен ураганами. А ведь именно культурный слой служит главным источником информации. Правда по следам от орудий труда на стенах и потолках пещер можно попытаться восстановить технологический процесс вырубки. Вот как его описывает исследователь-

ница каппадокийских (Малая Азия) пещерных монастырей Л. Родли:

«В начале в скале высекался тоннель, достигавший примерно середины создаваемого помещения: в его дальнем конце делали расширение, которое доводили до пределов чуть меньших, чем планируемый контур помещения. Затем, начиная со свода и опускаясь вниз, на грубо обработанной поверхности скалы высекали детали архитектурного декора».

Грузинский учёный Саникидзе описывает другую технологию:

«На начальном этапе скала обрабатывалась грубо: делались две глубокие параллельные борозды и оставшуюся часть между ними массы легко выбивали одним ударом долота. С приближением к предполагаемой стене теска велась более осторожно и более утонченными инструментами. Если возникала необходимость тщательно подтесать помещение, то после выравнивания всех стен, сводов, профилей и фрагментов начиналась их отделка или протирка, для которой применялись абразивный камень и вода».

А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричов.

«Крепость драгоценностей Кырк-ор. Чуфут-Кале».

Существовали и другие способы вырубки пещер: скалу раскаляли огнём, а затем поливали водой: камень трескался и рассыпался. В трещины вставляли деревянные колья, которые так же поливали водой. Колья разбухали и выламывали куски камня. Александр Германович Герцен пишет, что вырубка скальных помещений, как ни странно, требовала гораздо меньших затрат труда, чем наземное строительство: два-три квалифицированных каменотеса для детальной обработки и несколько человек для выборки и вывозки камня.

* * *

Обильный материал дают раскопки на плато гор. Пещеры – и это очень важно! – тесно связаны со строениями: городищами и храмами, которые возводились на вершинах. Эти здания в большинстве случаев и являлись главным назначением и смыслом строительства. Пещеры служили их дополнением. Хотя строения разрушены, а пещеры сохранились и выглядят живописно и загадочно.

Большинство современных историков и археологов считают, что пещерные города сооружены в раннем средневековье при непосредственном участии Византии. Место для сооружения крепостей было чрезвычайно удобным: горы-останцы труднодоступны и служат естественной преградой для врагов на подступах к византийскому Херсону. Расположенные на них крепости, усиленные оборонительными стенами, охраняемые воинскими гарнизонами были хорошей ему защитой. Жители долин в периоды набегов степняков-кочевников также укрывались на вершинах столовых гор вместе со своим скотом, что было принципиально важно. Весь периметр мангупского плато ограждён хорошо сохранившимися искусно сложенными, византийскими стенами.

Александр Германович Герцен демонстрирует «великолепно сохранившиеся» раннесредневековые византийские стены: *«чистяк, вторая половина VI века»*, показывает облицованные прекрасными кладками природные обрывы: *«с запасом...»* *«Весь периметр мангупского плато оказался великолепно защищён. Любое доступное место было перекрыто главной линией обороны во второй половине VI века»*.

А. Г. Герцен. Лекция «Пещерные города Крыма и их обитатели: проблемы, гипотезы, открытия».

«С конца VI — начала VII в. в горах Внутренней гряды возникает ряд крепостей (Мангун, Эски-Кермен, Чуфут-кале, Тепе-Кермен), построенных по инициативе византийской администрации, где наряду с оборонительными стенами создаются и помещения в скале.

...Таких помещений известно относительно немного: на Чуфут-Кале — около 25, Эски-кермене — 25-30, Мангуне — 15-17, Тепе-кермене — 10-15. Использовались пещеры в следующих целях: для контроля подъемных дорог и подходов к городищам, легкодоступных расселин, в качестве наблюдательных пунктов, привратных помещений, укрытий для караульных у оборонительных стен...»

Привожу эти сведения по книге «Пещерные города в Крыму» (2005). Её автор доктор исторических наук, знаток скальной архитектуры Крыма Юрий Миронович Могаричев.

Однако у этой теории есть оппоненты. В 2007 году был опубликован труд кандидата исторических наук, научного сотрудника ИНИОН РАН Т. М. Фадеевой «Тайны горного Крыма». Татьяна Михайловна также многолетний исследователь и автор трудов о пещерных городах. В её книге, как раз после рассказа о «проушинах», в которые закрепляли кольца для привязи лодок, читаем:

«Из сказанного следует, что с пещерами дело обстоит не так просто, и что проблема эта еще ждет своих исследователей. Если в эпоху раннесредневековых пещерных городов они играли подчиненную роль по отношению к наземным постройкам как хозяйственные и казарменные сооружения, изредка — культовые, это еще не значит, что они не существовали раньше: иначе где бы жили троглодиты — пещерные

жители Страбона и Плиния? Наконец, некоторые укрепления, возникшие в раннесредневековый период, вообще лишены пещер (Кыз-кермен, Сюйренское укрепление): это косвенное свидетельство, что средневековые строители пещерных городов, по-видимому, использовали уже существующие пещеры, но не создавали их сами».

Имеет ли гипотеза Фадеевой основание, покажут новые исследования.

* * *

13 «пещерных городов» юго-западного Крыма строили и достраивали на протяжении столетий. Они отличались друг от друга размерами и назначением. Их история – это полная событий средневековая история крымских этносов.

В VI веке Прокопий Кесарийский писал:

«13. Здесь же, на этом побережье, есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно.

14. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны, и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны; гостеприимны они больше всех людей.

15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды.

16. В этой стране император не построил нигде

ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях.

17. Так как казалось, что их местность легкодоступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов. Таковы были его дела здесь».

Прокопий Кесарийский. «Война готов»,
книга 3, раздел VIII.

Строки Прокопия: «В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости» в контексте пещерных крепостей, конечно же, вызывал и вызывает разные толкования. А. Г. Герцен считает, что

«Крепости он (император – В. К.) начал строить просто после того, как Прокопий поставил точку в своём вот этом трактате. Потому что на Мангупе в 2012 году найдена в базилике надпись с именем Юстиниана. И не мраморная – мраморы, они путешествуют. Под Мангупом была найдена в 1983 году надпись из Ольвии. Мраморная надпись, но Ольвийский декрет. Перекочевал сюда. Но это мрамор. А тут местный известняк и Юстиниан!»

А. Г. Герцен. Лекция «Пещерные города Крыма и их обитатели: проблемы, гипотезы, открытия».

Готов Прокопий описал замечательно. Его письменное свидетельство подтверждают археологи. Однако они уточняют: единая археологическая культура, сложившаяся в юго-западном Крыму, в стране Дори, принадлежит готам и аланам.

«Несомненно, данные могильники оставлены одним и тем же населением — аланами и готами. Очевидно, территория от Алустона и Лучистого до

устья реки Черной и Балаклавы и называлась страной Дори. Плодородные земли в бассейнах рек Черная, Бельбек, Кача, Альма, протекающих сквозь невысокие горы и плато Второй и Третьей горных гряд, и сами плато близки описанным Прокопием».

А. И. Айбабин. «Этническая история ранневизантийского Крыма».

Основываясь на почти полувековых исследованиях А. Г. Герцен делает заключение о том, что это был «... особый этнический и культурный византинизированный комплекс: огреченные, христианизированные готы, аланы и какие-то другие этнические элементы» и, скорее всего, именно Мангуп во времена Юстиниана I именовался Дорос и был первой столицей страны Дори.

Мангуп окружён могильниками Черняховской, т. е. выраженной готской археологической культуры середины III – начала IV веков. Она представлена керамикой, орлиноголовыми пряжками, украшениями.

В VI веке в раскопах могильников возникает христианская символика, что по остроумному суждению Герцена свидетельствует о «стремлении Византии привязать к себе готов, как союзников, не только за плату, но и по душе». На это указывают найденные моливдовулы – именные свинцовые византийские печати, которыми халтуларий – византийский писарь в офицерском чине опечатывал документы. И вот такое удивительное явление, не единичное для того времени: из печатей были вырезаны кресты и положены в погребение с усопшим.

Жизнь людей раннего средневековья была одухотворена христианством, что, несомненно, наряду с греческим языком, объяснялось влиянием Византии. На плато Мангупа обнаружены следы огромной монументальной христианской базилики. Приведу замечательно поэтичное описание подобного храма:

«За их спинами не было ни усадеб, ни стен, ни зарослей — только голая скала, временно обжитая людьми. Лишь недалеко от ворот высилось белое здание под оранжевой черепичной крышей — базилика. Через много столетий на этом месте вырастут жилые дома, хозяйственные постройки, протянутся заборы усадеб. В их кладки, как древняя кровь в жилы отдаленного потомства, войдут детали этого великолепного храма, возможно, носившего имя Пресвятой Богородицы. А еще позже руины усадеб окончательно скроют его место, оставив слабый, рассеянный след и надежду вернуть нам еще одну сокрытую временем драгоценность».

А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев.

«Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале».

Кстати, по размеру церкви историки могут судить о количестве проживавшего в данной местности населения. Следы самых крупных храмов тех лет находятся на вершинах Мангуп-Кале, Эски-Кермен и горе Бойка.

Эски-Кермен — второй из крупнейших пещерных городов юго-западной Таврики. Много лет его раскопками руководит доктор исторических наук, специалист по истории и археологии Крыма Александр Ильич Айбабин. На основании раскопок, а также данных эпиграфики он констатировал:

«...В ответ на экспансию тюрков в Крым византийцы возвели для населявших страну Дори готов и алан крепости на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале... Комплексный анализ материалов многолетних археологических раскопок в названном регионе позволил определить дату возникновения культуры, проследить ее эволюцию, а также обосновать этническую принадлежность ее носителей».

А. И. Айбабин, Э. А. Хайретдинова.

«Готы страны Дори», 2017.

Диву даёшься, какие подробности из незапамятных времён позволяют устанавливать кропотливые археологические исследования и научный анализ. Определение времени основания «пещерных городов» и этносов, их населявших – это только начало. Жизнь в регионе длилась более тысячелетия.

В конце VIII века юго-западная Таврика подверглась экспансии хазар. В предшествующее столетие хазары продвинулись от Боспора почти до Херсонеса. Византия заключила с хазарами военно-политический союз. Однако в 787 году хазары захватили Дорос-Мангуп, Эски-Кермен и другие «пещерные города». Христианизированные аланы и готы, жители Дороса, подняли в 784 году антихазарское восстание. Предводителем восстания стал епископ Иоанн Готский. Из важнейшего письменного свидетельства этих событий, коим является «Житие Иоанна Готского», известно, что восстание потерпело поражение, Иоанн Готский попал в плен к хазарам, однако бежал и провёл последние четыре года жизни в Амастриде, на южном берегу Чёрного моря. После смерти ученики вернули мощи Преподобного Иоанна Готского на его родину в Партенит. Он упокоился в базилике основанного им же монастыря. После описанных событий в письменных источниках название Дорос не упоминается. Вероятно, с этого времени его сменяет топоним Мангуп. Хазарский контроль этих территорий осуществлялся примерно ещё полстолетия, а затем вернулся к Византии.

* * *

В X-XIII веках интенсивно развиваются пещерные города Эски-Кермен, Тепе-Кермен и Бакла. На них насчитывалось соответственно 400, 250 и 90 скальных пе-

щер. Это были в большинстве хлева и загоны для скота, а также цистерны и подвалы под жилыми строениями.

На плато Эски-Кермен найдено поселение примерно X-XIII веков с византийской прямоугольной планировкой кварталов по обе стороны 5-метровой ширины (!) главной улицы. Поселение было хорошо укреплено и имело осадный колодец – винтовую лестницу, ведущую вглубь скалы к источнику воды. Жилые, хозяйственные и культовые сооружения хранят следы пожара, уничтожившего их по всей видимости в 1299 году, когда крепость была разрушена ордами хана Ногая.

Сенсацией археологического сезона 2019 года стало открытие экспедицией В. И. Айбабина и Э. А. Хайретдиновой на плато Эски-Кермен большого византийского храма, сложенного из хорошо обработанных блоков. Стены храма сохранились на высоту более метра, в 3-4 ряда кладки. Открыто захоронение священника, найден алтарь, кресты. и цветные настенные росписи – фрески. Фресками расписаны и 10 пещерных храмов в скалах Эски-Кермен.

Пещера на протяжении веков являлась символом смерти и воскрешения. Вырубленный в скале склеп – место погребения Иисуса Христа после распятия. Древняя традиция пещерных захоронений известна во всём мире. Погребальные камеры, молельни, кельи аскетов, отшельников вырубались в крымских горах. На территории юго-западного Крыма насчитывается 63 скальных храма. Начало создания пещерных обителей хронологически можно отнести к X веку. Но и в XI веке, когда господство Византии в Таврике прекратилось, приверженность жителей юго-западного Крыма христианству не ослабела. Этому не помешало экономическое и политическое подчинение Таврики с середины XI века язычникам: кыпчакам – половцам.

«После 1475 г. (турецкого завоевания) большинство пещерных монастырей приходят в упадок. Еще ранее, в конце XIII — первой половине XIV в. погибают Эски-Кермен, Тепе-Кермен и Бакла — поселения, где было расположено большинство хозяйственных пещерных помещений. «Центр» скальной архитектуры перемещается на Чуфут-Кале, где на протяжении XVII-XVIII вв. создается ряд вырубленных в скале помещений для содержания скота и хранения запасов жителей города... Последние крупные скальные помещения создавались в Крыму уже после присоединения к России, во второй половине XIX века, когда были возобновлены ряд древних пещерных монастырей: Успенский, Инкерманский, Качи-Кальон».

Ю. М. Могаричёв. «Пещерные города в Крыму».

Успенский монастырь

В отличие от пещерных городов, которые сохранились лишь как памятники истории и туристические объекты, пещерные монастыри разрастаются, расстраиваются. В почти пустующей сейчас стране гор-останцов действует четыре монастыря.

Помнятся времена, когда на пути в Чуфут-Кале

Успенский монастырь виднелся высоко на горе, как памятник неизвестно чему и кому, каким-то стародавним временам. Между тем жизнь в нём продолжалась.

«В годы красного террора святая обитель была разграблена, иноки расстреляны. Во времена Второй мировой войны на территории располагался госпиталь, а после психоневрологический диспансер. Долгожданное возрождение Свято-Успенского монастыря началось после падения социализма, в 1993 г.»

Сейчас там разрослись новые строения, красиво вписанные в гору. Множество посетителей, паломников. Жизнь кипит.

Княжество Феодоро

Особая историческая судьба сложилась у крепости Мангуп. В XI веке, возможно в результате природного катаклизма, возможно, землетрясения, Мангуп замирает на три столетия. Он возрождается в середине XIV века, «перенимая эстафету» (Герцен) у разрушенного в 1299-м году войсками хана Ногая поселения Эски-Кермен.

В середине XIV века на плато Мангуп строится город Феодоро. Город уже в полном понимании этого слова – столица княжества Феодоро, административный и политический центр Готии. Главной функцией города-крепости была военная защита населения юго-западной Таврики. Это были потомки готов и алан; а также греки и караимы, армяне и татары, принявшие христианство. Они занимались полеводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и виноделием, скотоводством. Жители прибрежных районов —

рыболовством, горожане — ремесленным производством: гончарным, кожевенным и другими. Интересная подробность от археологов: улицы города Феодоро мостили устричными раковинами (Герцен).

Предполагается, что правители города — «господа Феодоро», были выходцами из армяно — византийского рода Гаврасов (А. А. Васильев). Наиболее известный из князей Алексей правил до 1434 года. Он именовал себя «господином и владыкою Феодоро и Поморья». При Алексее велось активное строительство: была возведена Цитадель, Октагон — восьмиугольный храм, в память святых Константина и Елены, вырублены новые украшенные фресками скальные церкви, княжеский дворец. На раскопках дворца нашли плиту с текстом и — что важно! — изображением Двуглавого орла — геральдического знака Палеологов — «главной приманки соседей княжества» (Герцен). Есть упоминание о том, что сын Алексея, княжич Алексей, женился на представительнице знаменитого византийского рода Палеологов.

Торговые интересы княжества Феодоро пересекались (вплоть до военных столкновений) с интересами генуэзцев. Князья Феодоро имели широкие международные контакты, заключали военные союзы, династические браки. Предпоследний князь Феодоро Исаак (1471-1475 гг.) выдал свою дочь Марию Мангупскую замуж за Стефана Великого, авторитетного европейского правителя, монарха Молдовы. Гробница Марии Мангупской в румынском монастыре Путна почитается до сего дня. В 1474 году в Мангуп прибыло посольство из Москвы с предложением заключить брак с мангупской княжной, сестрой Марии (её имя неизвестно) сына Великого князя Ивана III — Ивана Молодого. Союз с отпрыском государя всея Руси не состоялся, что объясняет следующая дата.

История княжества Феодоро закончилась в 1475 году. Завершение это было героическим. В мае под Кафой (Феодосия) высадилось войско турок-османов. Генуэзская колония Кафа сдалась через 6 дней осады. Через месяц османы захватили всё южное побережье, жители которого при приближении врага покидали свои селения. Несколько дней сопротивлялась Чембала (Балаклава). Археологи находят там следы штурма.

Осада Мангупа длилась полгода. Турки штурмовали Мангуп с помощью тяжёлых пушек, с применением ручного огнестрельного оружия. Ранее считалось, что использовать огнестрельное оружие начали в XVI веке. Открытие ещё более раннего начала использования огнестрельного оружия принадлежит археологам Мангупа. В кладке тысячелетней византийской стены было найдено застрявшее пушечное ядро 35 миллиметрового калибра. Под осадной стеной в слоях земли собрано более тысячи наконечников стрел, пуль, ядер. Разбросанные по всему плато останки защитников говорят о резне, учинённой османами после падения крепости.

Для Мангупа и для жителей всей округи, в которую входило более 150 селений, начался трёхсотлетний период османского правления. Мангуп оставался административным центром, местом пребывания правителя – паши, а подчинённая ему территория даже расширилась за счёт Южного берега, вплоть до Партенита.

Археологические и письменные источники позволяют сделать вывод, что на территории Мангупа до середины XVII века сосуществовали мусульманская, иудейская и христианская церкви. Последние обитатели покинули Мангуп-Кале (слово «крепость» добавили турки) – после присоединения Крыма к России в 1783 году.

Кочевничество

В замечательном путеводителе 1925 года профессор Б. Ф. Добрынин писал:

«Крымский полуостров естественно делится на три главных части: однообразную степную равнину северной половины, восточный придаток Керченского полуострова и, наконец, на более интересный, совсем особенный у нас в Европейской России – Горный Крым с его чудесным южным берегом».

«Однообразная степная равнина» – большая часть полуострова: север, запад и центр – очевидное ответвление Южно – Русской равнины и Великой Степи.

Великая Степь простирается через два континента от восточной Монголии до Венгрии и имеет свою великую историю. Она неразрывно связана с античной и средневековой Европой, но со своими истоками, своей самобытностью, своей мощью. Ключевое слово истории Великой Степи – кочевничество. Целые народы воинов-конников с семьями, с шатрами и скарбом в повозках, двигались, поднятые природными катаклизмами или гонимые своими же собратьями в поисках пастбищ для своего скота. Лучшие пастбища отвоёвывали у других племён, у оседлых народов, захватывали с прославленной в веках жестокостью.

Экспансию кочевников учёные квалифицируют как миграцию.

Светлана Александровна Плетнёва, доктор исторических наук, крупнейший специалист по кочевникам, проследила в трудах средневековых авторов две противоположные тенденции. Одна идеализировала кочевников: их общение с природой, с животными, «особенно с одним из самых красивых и благородных —

конём», их обычай побратимства, суровые законы, наказывающие смертью за воровство и прелюбодеяние.

«Наряду с этим направлением авторы второй группы, относящейся крайне критически к кочевничеству, подчёркивали в своих сочинениях действительно мрачные и неприятные стороны степняков: жестокость к врагам и беспощадность к побеждённым, грязь и предельная неприязнительность в быту, вымогательство подарков (своеобразное взяточничество), чрезмерное, граничащее с низкопоклонством почитание сильных мира сего. Древние европейские и переднеазиатские авторы с раздражением и неприязнью описывали даже внешний вид тюрко- и монголоязычных кочевников — их поражала нередко резко выраженная монголоидность, кажущаяся некрасивой европейцам, иранцам и семитам. И даже пристрастие к коням расценивалось в сочинениях «критической» группы авторов, как чудовищное извращение. В древних сочинениях и легендах появлялись образы фантастических, диких и безобразных кентавров».

С. А. Плетнёва. «Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей».

Миграция степных народов в масштабах континентов, происходила по принципу домино. Одни кочевники наталкивались на других и теснили их. Те теснили предыдущих. Так народы Степи покорили европейский континент, дойдя до Британских островов и через Пиренеи до Северной Африки. Некоторые из современных жителей Европы, например, венгры и болгары являются генетическими наследниками кочевых этносов Великой Степи.

Крым также претерпевал миграционные потоки Великой степи. Но полуостров, связанный с материком узким перешейком и окружённый со всех сторон

морями представлял собой некий карман, где кочевые племена, наслаивались и смешивались между собой. Сарматы потеснили скифов; скифы оттеснили в горы тавров. По времени это соответствовало европейской античности и колонизации полуострова с юга греками.

Раннее средневековье ознаменовалось вторжением готов и алан, которых в свою очередь «задвинули» в предгорья и горы Крыма гунны. Гунны положили начало эпохе Великого переселения народов Европы и открыли период тюркской экспансии.

В то же время главным цивилизационным фактором на юге и юго-востоке полуострова в раннее средневековье оставались Византия и христианство. Кочевые этносы оседали на полуострове и вступали с Византией во взаимодействие. Их присутствие страховало северные границы Византии и способствовало экономическому развитию региона. Ёмким и точным является определение Крыма как контактной зоны севера и юга (А. В. Сазанов), цивилизации и варварства, культуры и дикости.

В середине VII века равнинные территории Крыма: Керченский полуостров, юго-восток, юго-запад – заселили праболгары или, иначе, протоболгары кочевые племена тюркского происхождения. Этноним «булгари» – *vulgares* – впервые упоминается римскими хронографами и связан с этнонимом «Волга». Он означает «смешанный народ», либо «буйный народ».

В Крыму праболгары переходили к оседлости, строили жильё, используя тюркский приём кладки стенных камней «ёлочкой». Праболгары тесно взаимодействовали с Византией и с середины VIII века язычество в их среде постепенно сменяется христианством. Это прослеживается в захоронениях и, особенно, в строительстве храмов, некоторые из которых были сооружены в тех-

нике кладки «ёлочкой». Наиболее выразительные жилые и культовые постройки праболгар можно увидеть на территории Сугдеи – современного Судака.

Доктор исторических наук Вадим Владиславович Майко отмечает, что Крым никогда не представлял собой единое целое: ни в географическом, ни в этническом, ни в политическом смысле. Наряду с греческим – языком христианской литургии, языком «межнационального общения», был в употреблении и аланский язык и нерасшифрованные до сего времени тюркские рунические знаки хазар и праболгар. Были в ходу византийские монеты и арабские – золотые и серебряные динары и дирхемы. Известны также хазарские подражания арабским дирхемам.

На полуострове имел место синкретизм – религиозное разнообразие. Пережитки языческих культов – тюркского бога солнца Тенгри и даже элементов зороастризма сосуществовали с единобожием: исламом, иудаизмом и христианством. Археологи обнаруживают следы язычества, вплоть до следов человеческих жертвоприношений по соседству с предметами христианского богослужения, найденными в раскопе церкви.

Валерий Евгеньевич Возгрин заметил интересное историческое совпадение.

«Впервые болгарское поселение (IX в.) в Крыму (Тепсень – В. К.) было обнаружено в Коктебеле в 1928 г. Любопытно, что на том же самом месте через тысячу лет, в XIX в., снова возникло болгарское село, но на этот раз основанное «новыми» болгарам, прибывшими с Балкан. А именно крестьянами, вряд ли знавшими о своих тюркских корнях и давно уже говорящими не по-тюркски, а на одном из славянских языков».

В. Е. Возгрин. «История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма».

VII-IX века в истории Крыма носит название хазарского периода.

После распада тюркской кочевой державы в середине VII века на части её территории сложился Хазарский каганат. Государство стало одним из самых долговечных кочевых объединений в регионе (П. Голден). Хазарский каганат (650-969гг.) занимал огромную территорию от Средней Азии до Венгрии. В него входили земли современных Кавказа, Поволжья, Украины и Крыма.

Государство хазар просуществовало 300 лет и, после поражения, понесенного от войск киевского князя Святослава в 969 году, распалось. Но уже почти тысячелетие хазарская тема вызывает острые дискуссии учёных, служит источником неожиданных концепций, несообразных измышлений квазиучёных, мифологических гипотез политологов и ярких фантазий литераторов. Советские официозные историки ещё совсем недавно вычёркивали упоминание о хазарах из научной литературы. Арабы сочли хазарскую тему *casus belli* в войне против Израиля.

Обострённость и болезненность вопроса конечно же связана с принятием хазарами иудаизма. Иудейское царство в Восточной Европе сбивает с толку историков (Петрухин).

Нарратив, известный из яркой переписки хазарского царя Иосифа и сановника Кордовского халифата Хасдая ибн Шафрута является причиной рефлексии современных иудеев.

«Тюркские кочевые племена, избравшие тору, основали могучую империю. Построили города, слава о которых гремела. Как они могли исчезнуть, не оставив следов? Великие цари – геры – Сабриэль и Йосеф, Овадия, Аарон, Биньямин правили первой в истории восточноевропейской империей. Её могучие воины принесли на огромные просторы новую культуру и ос-

новали вдоль средневековых торговых путей общины правоверных иудеев, говорящих на чистом иврите. Но у нас не вызывает особой радости величие тех, кто возможно был в числе наших предков. Ведь мы ничего не сделали, чтобы уберечь их от забвения».

Из документального фильма
«Хазарское царство с Эхудом Яари».

Камнем преткновения является и хазарское присутствие в Крыму. Обостряет вопрос то, что караимы и крымчаки, малые народы, проживающие на полуострове, несмотря на опровергающие доводы историков, (например, Михаил Иванович Артамонов писал, что хазары, как народ «растворились в половецком море») считают себя потомками хазар.

Тем интересней самые последние находки и выводы учёных. В связи с бурным строительством, развёрнутым после включения Крыма в состав России, археология на полуострове переживает настоящий бум:

«Во второй половине VIII в. имела место достаточно массовая миграция населения с территории Хазарии в Крым, но, судя по всему, она носила мирный характер и проходила скорее всего с согласия и под контролем византийских властей... Практически все так называемые «хазарские» памятники Крыма заканчивают своё существование в пределах второй половины IX в., что позволяет говорить о массовом уходе пришлого «хазарского» населения с территории полуострова».

А. В. Сазанов. Из книги: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. «Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии», 2017.

«Несомненно, что, приняв иудаизм в качестве основной религии в центральной Хазарии, хазары и

их правящая элита в какой-то степени должны были исповедовать его и в Крыму. Увы, на этот счет у нас нет никаких свидетельств — ни археологических, ни письменных».

М. Б. Кизилов. «Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней», 2011.

«Весь хазарский каганат в то время состоял из двух больших этнических образований: это праболгары и аланы. Сами хазары, составлявшие верхушку хазарского каганата, к сожалению, нам никаких материальных свидетельств не оставили. Поэтому, когда мы говорим о хазарском Крыме, о Крыме хазарского времени, мы никоим образом не должны понимать, что мы говорим о хазарах в Крыму... Обряд погребения хазар, кстати, ранний очень хорошо известен. Он очень характерный и в Крыму не встречается пока что нигде. Я думаю, что и не будет встречаться. Здесь он неизвестен. Очевидно, хазарская верхушка безусловно в Крыму находившаяся, пользовалась теми же предметами материальной культуры, какими пользовалась и основная часть населения. Выделить как-то хазар в Крыму мы не можем никак. Поэтому абсолютно правильно будет говорить не о хазарах в Крыму, а о Крыме хазарского времени».

В. В. Майко. Лекция «Между Хазарией и Византией: Крым в VII-XIII вв.», «Открытая археология», 2018.

Кочевые этносы хазарского периода оставили в степях и предгорьях полуострова немногочисленные захоронения, «впущенные» в насыпи воздвигнутых ранее курганов. В 1966 году Аскольд Щепинский сделал открытие, на которое опираются в своих трудах адепты по вопросам кочевничества и хазарского времени С. А. Плетнёва и А. И. Айбабин.

В отдалённом северо-западном районе Крыма, там, где безбрежная степь напрямую сливается с морем, возле села Портовое, в сильно распаханном кургане под номером 12 было открыто захоронение воина-всадника. Щепинский и Черепанова описали его в очерке «Степные курганы» (1972г.):

«Небольшая подбойная могила. На ее ступеньке скелет коня — верного боевого товарища. Насквозь проржавевшая уздечка, стремяна, украшения сбруи. На дне могилы скелет воина, слева — длинный меч, железные наконечники стрел. Серебряные пряжки и бляхи, инкрустированные цветными камнями. Они были нашиты на кожу, украшали одежду. Нож, оселок, кресало — вот несложный набор вещей молодого, очевидно, богатого воина. Большую часть короткой своей жизни провел он в седле. И погиб где-то едва за двадцать. Кто он, куда, зачем скакал этот ранне-средневековый кочевник?

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.
Но лик сокрыт — опущено забрало,
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.*

Таков поэтический ответ Ивана Бунина».

Заключение учёных лаконичней: «А. И. Айбабин считает, что это богатое воинское захоронение было хазарским».

С. А. Плетнёва. «Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV-XIII века».

Для археологов определяющим является погребение с хозяином коня, либо частей коня, либо даже чучела коня, свойственное кочевникам — тюркам.

Хазарский период в Крыму характеризуется относительным благополучием и стабильностью. В настоящее время учёные насчитывают не менее 350-ти праболгарских поселений, каждое из которых состояло из нескольких тысяч жителей и занимало десятки гектар. Многочисленное население обладало свободой верований. Процветали ремёсла, виноградарство, скотоводство, не было недостатка в продуктах.

Но вдруг, начиная с первой половины X века праболгарская культура исчезает. Вероятнее всего это было связано с наступлением печенегов.

Печенеги

Печенеги занимались кочевым скотоводством и по мнению некоторых учёных были самым примитивным из кочевых племён. Многие европейские и восточные хроники, в том числе и русские летописи, повествуют об их жестокости и о бедствиях, принесённых ими.

«Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда имеют удобный случай для войны или когда надсмеются над мирным договором. Самое худшее

то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются; число их бесчисленно».

Феофилакт Болгарский. «Из речи к императору Алексею Комнину».

По книге: Василий Васильевский.

«Избранные труды по истории Византии».

«В X веке печенеги были самыми жестокими и упорными из всех язычников» Так их характеризовал католический миссионер Бруно, окрестивший за полгода (в 1008-1009 гг.) менее тридцати печенегов».

Лев Гумилёв. «Древняя Русь и Великая степь».

Средневековые правители нанимали отряды печенегов в своё войско. Они упомянуты в знаменитом старофранцузском эпосе «Песнь о Роланде» (XII в.):

За десятью полками – новых десять.
Набрали в первый мерзких хананеев,
Далекого Валь-Фонта население.
В другой свели всех турок, персов – в третий,
В четвертый – орды диких печенегов.

С наступлением печенегов жители праболгарских поселений оставили дома и переселились в горы и за стены городов. Степной, равнинный Крым опустел. Археологи фиксируют лишь немногочисленные печенежские погребения «впущенные» в курганы (Майко).

«Что же касается погребений 9/1 (1963 г.) и 3/3 (1964 г.), то наличие при одном из них железного меча, черепа и костей ног лошади, а при втором – сабли и остова коня не оставляют сомнений в том, что перед нами позднекочевнические погребения

предмонгольского периода. Их можно датировать в пределах X-XII вв.».

Когонашвили. «К вопросу о средневековом населении Северного Крыма».
Из книги: А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Северное Присивашье».

Однако печенеги при всей своей дикости и воинственности не могли не понимать преимуществ торговли с жителями византийских городов. Раскопки показывают, что часть печенегов переходит к оседлости и живёт в городах. В 300-х метрах от Судакской крепостной стены открыли могильник с несомненно кочевническими захоронениями. Только не курганный, а грунтовой. Могилы были оборудованы по «печенежской конструкции» (Майко). В некоторые захоронения были положены христианские символы: нательные кресты, черепица с христианскими знаками. Под влиянием Византии степные язычники постепенно обращались к цивилизующей форме верования – к монотеизму, в данном случае к христианству.

Половцы

Последняя классическая миграция кочевников – половцы. В XI-XII веках новые степняки – тюрки с семьями, юртами, стадами двинулись из Заволжья в Европу и Северное Причерноморье. Следующее – монгольское нашествие – было предпринято уже армией. Другая стадия, XIII век.

Половцами их нарекли русские летописи, в Европе они назывались куманы, в арабских и персидских источниках – кыпчаки.

Они почти постоянно и с переменным успехом воевали с русскими княжествами. Однако в мирные периоды, а, может быть, именно во имя мирных передышек русские князья брали себе в жёны высокородных половчанок. Например, Юрий Долгорукий в первом браке был женат на дочери половецкого хана Аепы (Осеневича). Их сын, Андрей Боголюбский, наиболее почитаем из русских князей. Драматическая история о том, как половцы во главе с ханом Кончаком в 1185-м году победили новгород-северского князя Игоря и взяли его в плен известна из «Слова о полку Игореве».

«А такого сражения еще и не слыхано, чтоб с утра до вечера, с вечера до света летали стрелы каленныя, гремели сабли об шлемы, трещали копья булатныя, в пол неизвестном среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми была посеяна, а кровию полита, и по всей Русской земле возрасла беда».

Серединой XI века датируют археологи ранние захоронения половцев в крымских степях. В XII веке, изгнав печенегов, половцы уже полностью владели крымской равниной и предгорьем. Археологические свидетельства их присутствия многочисленны и разнообразны.

«Средневековье в степном Крыму представлено по преимуществу кочевническими погребениями в насытях древних курганов (Сары-Булат, Портовое, Мартыновна и др.), остатками временных стоянок, небольших поселений и т. д.».

А. А. Щепинский. «Археологические памятники. Крым. Путеводитель», 1982.

«В 1964 г. возле с. Мартыновка раскопана типичная могила кочевника: большая по размерам яма с глубоким подбоем в самом центре насыпи. На дне лежал скелет молодого воина с целым рядом вещей. У

левого бедра – длинная сабля, рукоять которой имела костяную обкладку, справа – лук, от которого сохранились только костяные накладные пластинки. В ногах лежали железные наконечники стрел и стоял высокий глиняный сосуд, сделанный на гончарном круге и украшенный спиральным орнаментом. И совершенно неожиданной находкой были остатки массивных ступиц от деревянных колёс. Они сохранились очень плохо, но тем не менее в Крыму это было первое вещественное доказательство существования у кочевников деревянных повозок, о которых мы знали раньше только по письменным источникам. Погребённый был воином – всадником и его конь захоронен тут же, у входа в могилу».

Е. Черепанова А. А. Щепинский. «Там, где пройдёт Северо-Крымский...», 1966.

Половцы, в отличие от печенегов, были лучше развиты и организованы. Их влияние на жизнь полуострова было долговременным и значительным. С Византией они заключали договора и торговали через Херсонес. Сугдея – Судак – был их столицей. «Наибольший из городов кипчакских» назвал его арабский автор Элайни (Тизенгаузен. «Извлечения из сочинений арабских», 1884.) В первые десятилетия XIII века, когда рыцари в IV Крестовом походе захватили и разграбили Константинополь, Византия распалась. Города Таврии и, в первую очередь, Судак целиком подпали под власть половцев.

В архиве итальянского поэта-гуманиста Франческо Петрарки был обнаружен Codex Cumanicus – Кодекс Куманикус – словарь половецкого языка XIV века. Словарь предназначался торговцам, миссионерам, путешественникам – всем, кто намерен посетить Таврику. Это означает, что половецкий или кыпчакский

язык был преобладающим на полуострове. Язык Codex Cumanicus очень близок к современному крымскотатарскому языку (W).

* * *

Перемещаясь в огромном ареале, частью которого был Крым, половцы оставили уникальное наследие:

«Особое место среди степных древностей занимают половецкие «каменные бабы», которые стояли в святилищах на вершинах курганов (Водопойное, Чокрак, Восход), а в настоящее время хранятся в музеях».

А. А. Щепинский. «Археологические памятники. Крым. Путеводитель», 1982.

Светлана Плетнёва, автор альбома-каталога «Половецкие каменные изваяния» (1974), пишет, что южные границы территории передвижения половцев мы можем установить только благодаря археологическим источникам. Главными из них были половецкие каменные изваяния (каменные статуи). В древности десятки тысяч этих статуй стояли группами или в одиночку на всех высоких, издалека заметных точках степи. В последующие времена распашка целины и строительство привели к массовому уничтожению произведений древнего искусства. К XX веку их осталось немного. Археолог и меценатка графиня П. С. Уварова обратилась к губернаторам южных губерний с просьбой организовать перепись статуй. Тогда же начали создавать их музейные собрания.

В каталоге Плетнёвой описано 1322 статуи. В их числе 14 статуй из Симферопольского музея, 1 из Севастопольского (Херсонесского) музея, 2 статуи из Евпаторийского музея, 2 из Ялтинского.

Е. Н. Черепанова и А. А. Щепинский в книге «Там, где пройдёт Северо-Крымский...» подробно описывают эти удивительные скульптуры. «Баба», а точнее «балбал» – отец, предок (тюрк.) – изображал представителя половецкой знати: князя, батура или его жену. Статуя была обращена лицом к востоку. Монументальные: до 2-х метров в высоту – изваяния имели характерные портретные черты мужчин и женщин. Подробно и тщательно были проработаны детали прически, одежды, украшений и аксессуаров.

Половецкие балбалы
Центральный музей Тавриды

«На головах мужских статуй обычно изображены конические или полушаровидные шлемы. Из-под шлема на спину спускаются длинные, тонкие косы. Грудь воинов прикрыта круглыми бляхами и ремнями... На поясе – изображения подвешенных разных предметов и оружия: мешочков, кресал, ножей, гребешков, иногда сабель, луков в налучьях, колчанов со стрелами. В руках, сложенных на животе, обычно –

сосуд. Лица с большими глазами, длинным носом и усами. Совершенно иначе выглядят женские статуи; их отличают сложные нарядные причёски, круглые шапочки или высокие шляпы разной формы и величины. По обеим сторонам лица изображены полукруги в виде «рогов». Такие украшения в виде войлочных валиков, судя по данным этнографии, носили девушки-невесты. В ушах у женщин нередко изображены серьги, шея украшена гривнами, ожерельями из бус и подвесок. Женская одежда, состоящая из кафтана и шаровар, заправленных в сапоги, покрыта вышивками. Грудь, как правило, обнажена. На поясе висят зеркала, гребешки и ножи. Сложенные на животе руки так же держат сосуд».

Место, где устанавливалось половецкое изваяние становилось священным. На нём совершались жертвоприношения, в том числе и человеческие.

Несколько таких мест описаны в книге А. А. Щепинского и Е. Н. Черепановой «Степные курганы» (1972).

«В 1935 г. на Тарханкутском полуострове у села Чокрак (ныне Родники) исследован небольшой курган высотой 1,6 м. Двумя годами раньше на нем было обнаружено каменное изваяние воина. После удаления насыпи близ центра показалась грунтовая яма, над которой лежали две каменные «бабы». В яме найдены черепа коня, четырех баранов и быка, обломки кувшина и железный кованый гвоздь. Человеческого скелета не оказалось, но зато рядом с ямой на небольшом каменном закладе лежал скелет собаки. Каменные изваяния в этом кургане изображали воинов-мужчин. Один из них был в коническом шлеме, с усами и круглыми бляхами на груди.

Три каменные стелы возвышались некогда над

курганом, исследованным у села Восход, близ поселка Красногвардейское».

И вот дальше, на мой взгляд, важное резюме:

«Раскопки курганов, на которых стояли каменные «бабы», как правило, открывают могилы более раннего времени, не связанные с этими памятниками. Следовательно, половецкие стелы ставились не над могилой погребенного, а просто на возвышенном, хорошо заметном в степи месте — древнем кургане или холме».

* * *

Со второй четверти и до конца XIII века в истории Крыма начался новый период. Вся его территория, кроме Херсонеса и княжества Феодоро, была завоёвана и подчинена татаро-монголами. Значительное количество кыпчаков осталось на полуострове. Последние археологические открытия — обнаруженные недалеко от Судака половецкие святилища 2-ой половины XIII — начала XIV веков — подтвердили включение кыпчаков-половцев в мир Золотой Орды.

«Монголы курганов не насыпали, и место погребения своих соплеменников держали в тайне».

А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.
«Степные курганы».

Словами, завершающими очерк Щепинского об археологии Крыма, позволю себе и я завершить тему:

«Известны в Крыму и другие позднесредневековые памятники. Но это уже не столько памятники археологии, сколько памятники истории и архитектуры».

Щепинский

Щепинский едва ли помнил меня. Я трудилась в его экспедиции по несколько отпускных недель в течении ряда лет. Лет – множественное от «лето». В общей сложности сезон или два. Хотя, возможно, Аскольд Александрович и запомнил молодую лаборантку, невежественную, но очень внимательную и любопытную. В моей же памяти и в моей жизни экспедиционное время оставило – не побоюсь банального эпитета – след неизгладимый. Я и сейчас, работая над этим текстом, задаюсь вопросом, почему археология и история не стали моей профессией? – и сожалею об этом.

Но, что поделаешь? Жизнь сложилась иначе. Окончив университет, полтора десятка лет преподавала в школе. Работать учителем было упоительно интересно! Подготовка и проведение урока, общение с учениками – это высокое творчество.

Затем двадцать лет служила в Крымском театре кукол. Моя должность называлась завлит. Я выступала перед спектаклями, работала с драматургами, писала статьи и сценарии, презентовала театр в столицах Союза и за границей. Театр наш был яркий, интересный, знаменитый. Нужно ли говорить о том, как было интересно? Как в театре!

И вот однажды, 22 мая 1997 года, мы с моим мужем, Иваном Ковальчуком, который тоже служил в театре заведующим постановочной частью, вышли в перерыв и направились к центру города. У входа в Верховный Совет стояла группа людей. Из дверей выносили гроб. Кто-то сказал: «Щепинский», и мы остановились, внезапно осознав, что для обоих это имя знакомо и, более того, важно. Мы в молчании присоединились к неболь-

шой процессии и проводили Аскольда Александровича до машины. И только позже выяснили, прожив семьёй двадцать счастливых лет, что оба молодыми работали в Северо-Крымской. Правда, порознь, в разные годы.

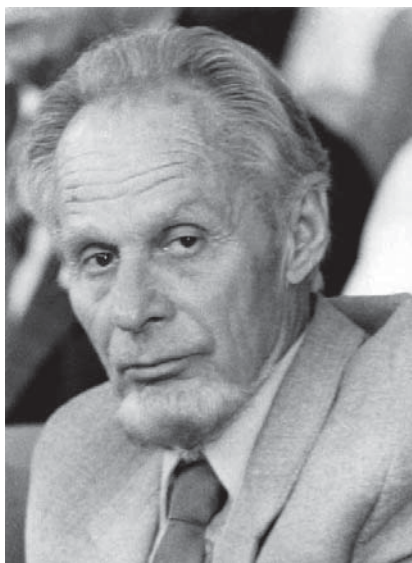
Яркие, немеркнущие впечатления подвигли меня к написанию «Кургана». Поначалу это должно было быть лёгкое эссе, снимающее груз воспоминаний. Но постепенно история Крыма, история изучения Крыма археологами и – главное! – весомая роль, которую сыграл в этом хорошо запомнившийся мне Аскольд Александрович Щепинский расширили мои занятия по темам и во времени.

Должна признаться, что меня удивили отзывы о Щепинском некоторых крымских историков, полученные через друзей-однокашников. Они сопровождались, как бы это сказать – гримаской недовольства. Как вроде речь шла о *persona non grata*. Меня же это заставило глубже «зарыться» в тему.

Поистине, нет пророков в своём отечестве. Через год после смерти статью «Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926-1997)» опубликовали столичные учёные. Но зато, кто! Адепты: Александр Александрович Формозов – Институт археологии РАН Москва и Абрам Давыдович Столяр – Санкт-Петербургский государственный университет.

Они были коллеги Аскольда Александровича, друзья по работе в поле, по откровенным беседам у ночного костра. Других подробностей частной жизни Щепинского в дополнение к их бережному, деликатному, написанному с любовью рассказу у меня нет. И не надо. Действительно, не надо. Мне удалось только получить фотографию Аскольда Александровича, которая нигде не публиковалась ранее и которая нравилась ему самому. Уже это я считаю удачей. Фотография и вправду

прекрасная! Она на форзаце в начале книги. Фотографию последних лет жизни Щепинского я поставлю перед статьёй Формозова и Столяра и доверю замечательным учёным завершить моё повествование.

«21 мая 1997 г. в Симферополе скончался известный исследователь древностей Крыма Аскольд Александрович Щепинский. Имя его хорошо известно археологам, работающим в Причерноморье. В ходе своих многолетних разведок он открыл около 800 памятников прошлого, в числе которых — исключительно важные для науки. Он выделил кеми-обинскую культуру и ряд других неизвестных до того типов древностей. Но мало кто знает, какой нелегкий путь прошел этот человек, прежде чем смог занять свое место в науке.

А.А. Щепинский родился 16 октября 1926 г. в семье служащих. Родители из «бывших»: мать — дворянка, отец — сын потомственного почетного гражданина. Они не сумели найти себя в советском обществе, и се-

мья жила на грани нищеты. Фашистская оккупация прервала учебу подростка, а когда Крым был освобожден, юношу призвали в армию. Демобилизовавшись, он оказался в очень уязвимом положении: человек с пятиклассным образованием, к тому же побывавший в оккупации. Семья голодала, жила в землянке. В 1946-1947 гг. Аскольд Александрович работал пчеловодом и заведующим красным уголком в колхозе, в 1948-1949 — сборщиком коллекций в Крымском пункте Московской фабрики «Природа и школа».

Он чувствовал себя обездоленным и находил утешение только в общении с природой. Целые дни, от зари до зари, питаясь хлебом и водой, бродил он по долинам Булганака, Бодрака, Альмы, Качи во второй гряде Крымских гор между Симферополем и Бахчисараем. Здесь Аскольд Александрович знал каждую балку, каждый скальный навес. Тогда им и были сделаны первые археологические находки.

А.А. Щепинский принес свои сборы в Крымский филиал АН СССР П. Н. Шульцу. Тот поддержал молодого краеведа и привлек его к работе Тавро-Скифской экспедиции. С 1946 по 1977 г. Аскольд Александрович принимал участие во всех полевых сезонах экспедиции — сперва безвозмездно, потом по договорам. Он всегда с благодарностью говорил о П. Н. Шульце как о своем учителе. Работал он в поле и с другими археологами (А. В. Добровольским, Л. Н. Соловьевым, А. Д. Столяром, А. А. Формозовым, О. Г. Шапошниковой), а также с ботаниками, географами, карстоведами.

До 1961 г. опытный археолог числился препаратором, до 1967 г. — лаборантом, до 1991 г. — младшим научным сотрудником. Это влекло за собой (особенно после отъезда П. Н. Шульца из Крыма) тяжелые психологические последствия. Нередко Ас-

кольд Александрович сталкивался с неуважительным отношением к себе со стороны окружающих, взявших для себя от науки много больше, чем он, а принеших ей куда меньше реальной пользы. Это его очень травмировало, он замыкался в себе, занимал отчужденную, настороженную позицию. Он не был создан для городской обстановки, но в поле преобразался и проявлял лучшие черты своей натуры. Не все это понимали, и мало кто помогал ему уйти в любимое дело. Очень жаль, что украинские археологи не сумели удержать в своем коллективе такого бескорыстного, преданного науке, не знавшего усталости и границ рабочего дня сотрудника, как А. А. Щепинский.

В 1991 г. он был выведен на пенсию и с тех пор все свое время отдавал экскурсиям и систематизации накопленных коллекций.

Число памятников, изученных А. А. Щепинским путем раскопок, велико, но прежде всего он был археологом-разведчиком. В Крыму разведки возможны круглый год, и редкий день Аскольд Александрович не отправлялся на поиски. Авторы этих строк ходили в разведочные маршруты со Щепинским и в 1952, и в 1992. За полвека он не изменился: тот же полнейший аскетизм в еде и одежде, те же одержимость, целеустремленность, наблюдательность. А. А. Щепинским выявлены древнейшие памятники каменного века в Крыму: местонахождения с ашельскими орудиями, а возможно, и более ранние — с галечными орудиями. Открыты новые мустьерские пещерные стоянки — Кабази и Навес в Холодной балке. Обнаружено много стоянок эпохи мезолита — неолита. На одной из них — Кая-арасы — проведены раскопки. На южном берегу изучались раковинные кучи. Исследовано много

памятников эпохи энеолита, в том числе выделенной А. А. Щепинским кеме-обинской культуры. Он связывал с ней древнейшие антропоморфные стелы и каменные ящики с росписью, редкие образцы которых разыскал сам. Не обошел вниманием Аскольд Александрович и кизил-кобинскую культуру, поставив под сомнение ее прямую связь с таврами. Выявил он и десятки скифских и средневековых памятников, а в последние годы разыскивал разрушенные кладбища татар, захоронения времен второй мировой войны.

С 1973 г. Аскольд Александрович перестал сдавать свои находки в музей, решив создать особый Народный музей археологии Крыма. Городские власти выделили для него подвал в одной из новостроек. Все, кто побывал в этом музее, поражались богатству собрания. Некоторые экспонаты могли бы украсить столичные музеи.

У А. А. Щепинского около ста публикаций. Среди них — книги «Там, где пройдет Северо-Крымский...» (1966), «Северное Присивашье в V-I тысячелетиях до н. э.» (1969) (обе в соавторстве с Е. Н. Черепановой), «Красные пещеры» (1987), «Кизил-коба» (1993) и статьи в «Советской археологии» и киевской «Археологии». Но главное его наследие — это коллекции Народного музея археологии Крыма и богатейший архив; полевые дневники, бесчисленные зарисовки, чертежи, фотографии. Археологи должны сохранить этот итог полувекового самоотверженного труда.

Аскольд Александрович Щепинский был человек, сделавший себя сам. Благодаря его неутомимой деятельности для следующих поколений открыт не один заповедный уголок, казалось бы, исхоженной вдоль и поперек Крымской земли».

* * *

Моё недолгое знакомство с А. А.Щепинским, а затем долгое и внимательное изучение его трудов, трудов других историков: многочисленных монографий, публикаций, статей и лекций, включая последние по времени, подтвердили, что Щепинский личность яркая, незаурядная и его роль в археологии и воссоздании истории Крыма выдающаяся. Кроме того, он оставил своим последователям, современным учёным «информацию к размышлению», множество важных тем для разработки. Несомненно, что его рождение и служение в Крыму есть неоценимая удача Крыма.

Судьба Аскольда Щепинского предопределила его маршрут. Он шёл этим маршрутом всю жизнь, без остановки. Вглубь своего полуострова, вглубь истории, вглубь кургана.

Израиль – Крым, 2020

КУРГАН

Виктория Куренкова большую часть жизни прожила в Симферополе. С 1998-го года живёт в Израиле. Окончила исторический факультет Крымского государственного университета. Работала школьным учителем, участвовала в археологических экспедициях. Двадцать лет служила заведующей литературной частью Крымского театра кукол. Автор эссе, рецензий, статей. Соавтор книги «Крымский театр кукол. Время Азарова».

Книга «КУРГАН. Археолог Щепинский в пространстве Крыма» – знак любви к своей малой родине, знак благодарности землякам, воспоминание о молодости.

Виктория Куренкова